

"Отрок. Покоренная сила."

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Начало апреля 1125 года. Нинеина весь — село "Ратное"

Дорога в Нинеину весь, узкая и извилистая, шла среди высоченных деревьев, и весеннее солнышко сюда почти не заглядывало, поэтому снег, посеревший и ноздреватый, не был покрыт настом, таким опасным для лошадиных ног. Ночью немного подморозило, и Рыжуха легко тащила сани, с шипением перетирающие полозьями многократно подтаявшие и подмерзшие кристаллики льда.

Так уж сложилось, что из всей тягловой скотины, имевшейся на подворье сотника Корнея, именно Рыжуха закрепилась за Мишкой в качестве персонального транспортного средства. Мишка не возражал, ему нравилась поразительная универсальность Рыжухи. Та одинаково послушно и умело ходила и под седлом, и в упряжке, и даже участвовала в цирковых представлениях.

Не меньше универсальности, импонировал Мишке и характер кобылы, воспринимавшей все перипетии судьбы с истинно философской невозмутимостью. Казалось, ей абсолютно безразлично: нести на спине жонглирующего горящими факелами циркача или волочь из лесу воз с дровами.

Только два обстоятельства могли вывести Рыжуху из созерцательно-пофигистского состояния. Первым был покойный Чиф, успешно умевший возбудить в любой скотине: и жеребятую резвость и военную дисциплинированность и панический ужас — смотря, что требовалось по ходу дела.

Вторым обстоятельством был прием пищи. По отношению к этому процессу Рыжуха вполне могла бы войти полноправным членом в клуб самых взыскательных гурманов, придирчиво оценивающих не только качество ресторанной кухни, но и сервировку, репертуар оркестра, оформление зала, даже, степень благообразности швейцара и шкафоподобия секьюрити.

На пастбище она обязательно паслась несколько в стороне от всего стада, не хватая все подряд, а выедавая траву отдельными островками, определяемыми по только ей одной известным признакам. И с надетой на морду торбой с овсом, Рыжуха не стояла на месте, как все лошади, а шлялась по всему загону, выбирая более привлекательное с ее точки зрения место для вдумчивого и тщательного пережевывания. Даже любимую ею морковку она принимала от Мишки с таким видом, словно раздумывала: в какой торговой точке сей продукт приобретен и не затесались ли в него случайно злобные модифицированные гены.

Мерный топот копыт и шипение снега под полозьями навевали дрему, мысли текли лениво, постоянно перескакивая с одной темы на другую.

"Змей Горыныч, Соловей-разбойник... Почему именно легенды этой земли пережили века и известны каждому школьнику? Может быть, оттого, что историю и правда пишут победители? Ведь именно киевские князья собрали Русь в единую державу.

Засели в печенках у киевлян воевода Соловей и воевода с реки Горыни, и вот вам, пожалуйста, отрицательные персонажи на ближайшее тысячелетие для всей Руси.

Служили верой и правдой Киеву Добрыня, Илья Муромец, Алеша Попович, вот вами положительные герои, опять же, для всей Руси.

Все — как всегда. Проблемы столицы, хоть тресни, обязательно должны быть проблемами всей страны, хотя в Муроме XII века про реку Горынь, и слыхала-то едва-едва парочка сдвинутых на географии интеллектуалов, а московские автомобильные пробки XX века у обитателя какого-нибудь Заболотного Опупения способны вызвать лишь исключительно академический интерес.

То же самое и с радостями. Если в Киеве под восторженные «аллилуйя» народ окунают в Днепр (между прочим, запросто и утопить могут от излишнего усердия и во славу Божью), то извольте с просветленными ликами устраивать такие же купания и в Волхове. А то, что за болтающийся на шее крестик в ближайшем переулке могут накостылять по той же самой шее, а то и железку под ребро сунуть — сущие мелочи, всеобщей радости и благолепию воспрепятствовать совершенно не способные.

Если в Москве ликуют по поводу снижения инфляции на ноль целых, хрен десятых процента в годовом исчислении, ликуй как проклятый и ты в своем Верхнеопущенске, хотя от всеобщего оскудения и оскотинения делается столь томно, что даже и не знаешь: то ли на луну повыть, то ли до ветру сбегать.

Вот и читаем теперь детям сказки про двух монстров, на самом деле бывших нормальными людьми, имевшими смелость крепенько наподдать киевлянам, и тыкаем их носом в репродукцию с картины, на которой живописец Васнецов сообразил на троих людей, никогда при жизни друг с другом не встречавшихся по причине того, что жили они в разные века.

А начитавшись и натыкавшись, идем на кухню и ведем там интеллигентные разговоры о том, что Россия — страна с непредсказуемой историей, а три богатыря: Борис Николаич, Борис Ефимыч, и Борис Абрамыч — покруче любого Змея Горыныча Святую Русь измордовали.

И легче Вам, сэр, оттого, что находитесь вы в XII веке и едете в гости к ученице бабы Яги? Все равно, ни черта не помните, даже того, кто в ближайшее время станет после Владимира Мономаха Великим Князем Киевским. Ну, хоть бы на часик в Интернет заглянуть! Впрочем, как говаривал один персонаж мультфильма: "Мы и так неплохо питаемся".

А Петьке-то и пожрать нормально не получится, и как я умудрился ему вторую клешню отшибить? Странно он, все же к Роське относится — в Турове защищал, а здесь за человека не держит. Может, дело в том, что в Турове он был старшим сыном хозяина, на всех, кроме родителей покрикивать мог, а здесь — такой же пацан, как все, помыкать некем? Достаточная мотивация? Здесь да, а в Турове нет. Там он себя вел вполне благородно. Должен быть какой-то "общий знаменатель", не пойму — не справлюсь. Это я деду свистел: отлуплю, выгоню, а на самом деле... Надо разбираться, мне же с Петькой еще долго дела иметь придется — он наследник Никифора, наследник Торгового Дома.

Что там было-то? Извинения он принес, будем считать, нормально. Поведение изменилось потом, когда я вернулся. Почему? Роська "дал слабину" — раз. Я Петьку облаял — два. Два ли? Козлодуй [1]. Деду, кстати, понравилось. Сам он не слышал, наверно передал кто-то. Нет, Петька отреагировал не на ругань, а на требование изменить отношение к Роське. Тогда почему он извинился? А! для него было неожиданностью назначение Роськи десятником.

Козлодуй — название населенного пункта в Болгарии, вблизи которого, при содействии СССР, была построена атомная электростанция.

Как десятник перед десятником, он извиниться был готов, а вот забыть о том, что Роська был его холопом... Он даже какую-то базу под это подвел... "Холоп должен помнить хозяина всю жизнь". Ага, вот и "общий знаменатель" — в Турове Петька защищал своего холопа от несправедливого обвинения, мол, хозяин — "отец родной", в обиду не даст. Добро холоп должен помнить... так Роська и не выпендривался, он, наоборот, "умилился до слез". Это я... Есть! В понимании Петьки, я отобрал у него... Даже не холопа, нет, подчиненную личность, над которой он доминирует, независимо от наличия отношений "хозяин — холоп".

Социально-биологическая цель жизнедеятельности — лидерство в паре или малой группе. Я разрушил пару, несколькими последовательными действиями: выкуп, крещение, заступничество — я забрал Роську себе, а потом еще сделал заявку на доминирование в паре с Петькой. Команда "встать!". Это было обязательно: в конфликтной ситуации надо заставить противника выполнить, хотя бы, простейшую команду. А для Петьки это выглядело так: приперся некто, пытается подчинить меня, забирает себе моего аутсайдера...Конечно, такими словами он не думал, слов вообще не было — подобные конфликты были обычным делом еще в те времена, когда Гомо Сапиенс был стадным животным, и всем всё было прекрасно понятно и без слов. Возжак стаи творит, что хочет, а молодые самцы время от времени огрызаются и получают трепку.

Да, уступить без боя молодой самец Петька не мог, даже помня о том, что один раз уже был бит. И был побит второй раз! Победа моя несомненна, хотя уволокли меня оттуда, как мешок. Но сегодня я опять в строю, а Петька будет ощущать последствия еще очень долго, причем, последствия унижительные.

Может озлобиться и затаить месть? Нет, не тот характер, Пашка мог бы, а Петька парень прямой. Тем более, что у меня есть для него компенсация — иерархическое лидерство. Будет командовать десятком пацанов из новой родни, а потом теми, кого привезут из Турова. Второе, кстати, для него более ценно, поскольку отношения сохранятся и по возвращении домой. Если дурака не свалит, то и на всю оставшуюся жизнь. Надо будет ему, как-нибудь объяснить.

Чудненько, ни бить, ни выгонять Петьку не понадобится. Он примет мою роль вожака стаи, а сам займет свою нишу в иерархии. Надо только пару раз поговорить с ним командным голосом и обозначить перспективы иерархического лидерства. А подчиненную личность он себе сам найдет. Не завидую тому парню, но жизнь есть жизнь.

Стоп, а Артюху он на эту роль не пригребет? Нет, пожалуй. Артюха начал его учить играть на рожке, несколько раз поговорил наставительным тоном. Физические кондиции у Петьки сейчас, считай, на нуле. Не получится. Я, правда, велел Петьке начать учить Артюху грамоте... Это можно и отменить, пускай начинает с пацанов из своего десятка. «Загипсованный», он, все равно, больше не на что не годен.

Теперь Роська. Не зря ли я его на Петра натравливаю? Будут, ведь, хлестаться всерьез, еще покалечат друг друга. Хотя, два десятника, у каждого своя команда, их в спарринге можно вообще не сводить. Перевести соперничество в иную плоскость — кто лучше командует

десятком, у чьих людей показатели "боевой и политической подготовки" выше...наверно есть смысл. Роська из шкуры выпрыгнет, чтобы победить".

Роська, до того сидевший с задумчивым видом, расслабленно держа в руках провисшие вожжи, словно почувствовал, что Мишка думает о нем — встrepенулcя, понукнул Рыжуху и повернулся к своему старшине.

— Минь, а я ребят-то много присмотрел — больше трех десятков.

— Так ты, наверно, всех пересчитал?

— Зачем всех? — Роська пересел так, чтобы было удобно смотреть на Мишку, не выворачивая голову через плечо. — Я видел, как Ходок гребцов выбирает. Вот и я так же: только нужного возраста и таких... ну, крепеньких. А всяких сопливых, тощих, чахлах, в общем...

— Понятно Рось. Нет, столько нам из семей забирать нельзя. Понимаешь, у землепашца каждая пара рабочих рук на счету. Дети с малого возраста по хозяйству работают. Он сына растил, рассчитывал, что тот вот-вот в возраст войдет, настоящим помощником станет, а тут мы: раз и увели его надежду. А старость-то не ждет, кто стариков-родителей прокормит?

Будем брать только из тех семей, где несколько сыновей и, лучше всего, чтобы не старшего, а второго или третьего. Так что, дели свое "больше трех десятков" на три. Возьмем десять, максимум пятнадцать.

— Максим... это что?

— Максимум. Научное слово, означает самую большую величину. Есть еще минимум, означает самую малую величину. Повтори: максимум, минимум.

— Максимум, микси...

— Максимум, минимум!

— Максимум, минимум. А зачем это?

— А затем, что Петька этого не знает, а ты теперь знаешь!

— И что?

— И то! Вставишь к месту в разговоре — ты умный, а он дурак дураком.

Роська согласно кивнул, немного помолчал, раздумывая, и неуверенно поинтересовался:

— А как их вставлять-то?

— Ну, вот послал бы я тебя привести этих ребят ко мне, и сказал бы так: "Особо не скромничай, минимум, десять человек". Это значит, что меньше десяти приводить нельзя. Чуть больше можно, а меньше — нет. Как бы границу прочертил. Или наоборот: "Особо не жадничай, максимум, пятнадцать человек". Это значит...

— Не больше пятнадцати! — Радостно подхватил Роська. — Чуть меньше можно, но не больше.

— Правильно. — Похвалил Мишка крестника. — А теперь придумай что-нибудь сам с этими словами.

— Ну, это...

Лицо Роськи исказилось от напряженной работы мысли. Он поскреб в затылке, не помогло. Поерзал, тот же результат. В конце концов, предложил:

— А, может, ну его?

— Давай-давай, мозгам тоже упражнения нужны, как и телу.

Роська напрягся и выдал:

— Это... Вот! А пригони-ка мне минимум десять лошадей!

— Неправильно, а значит, глупо. Выглядишь смешно. Слова минимум и максимум употребляются тогда, когда точное число назвать не можешь, а можешь только обозначить границы — самое большее или самое меньшее. Вот представь себе, что ты кормщик, как Ходок. Нужно вести ладью на веслах против течения, и хозяин спрашивает тебя: "Сколько пройдем за день?". Придумывай ответ со словом минимум.

— Э-э... Минимум, двадцать верст!

— Почти верно. Еще лучше будет: верст двадцать пять, минимум, двадцать. То есть, никак не меньше двадцати, но может быть, и чуть больше. Понял?

— Ага.

— Тогда давай по течению, но тут уже будет максимум.

— Верст пятьдесят, максимум шестьдесят. — Отбарабанил Роська.

— Вот и ладно, потом еще попрактикуемся.

Некоторое время Роська сидел тихо, что-то бормоча себе под нос, наверно, тренировался, потом снова повернулся к Мишке.

— Минь, а сколько их всего?

— Кого?

— Ну, слов научных.

— А ты сколько всего слов знаешь?

— А... Да кто ж их считал?

— Ты знаешь, скорее всего, около тысячи слов.

— Сколько?

— Около тысячи. Хотя, ты на ладье во многих местах бывал, много видел, с разными людьми общался. Может быть и полторы тысячи.

— Ого!

Роська явно был ошарашен «оцифровкой» собственной эрудиции.

— А если еще столько же научных слов узнаешь и поймешь, — добавил Мишка — то станешь мудрецом, все тебя уважать будут, за советом приходить, и будешь ты лысым, беззубым и с седой бородой.

— А лысым-то чего? — Возмутился Роська

— А мыслям в голове тесно будет, они изнутри волосы и повыталкивают.

— Да ну тебя.

Роська еще немного помолчал, но долго думать не смог.

— Минь, а ты сколько слов знаешь?

— Тысяч пять.

"А не свистите, сэр?"

— Пять?

— Это все по большей части книжные слова, они в простых разговорах редко звучат, как тот самый максимум... Слушай, Роська, а ты читать умеешь?

— Ходок учил.

"Ну и повезло тебе парень, далеко, далеко не всякому мальчишке, попавшему в рабство, попадается такой Ходок, ох не всякому!"

— Останови-ка.

Мишка, не вылезая из остановившихся саней, концом костыля крупно написал на снегу: «Ростислав».

— Прочти-ка.

Роська некоторое время напряженно смотрел на надпись, потом расплылся в улыбке.

— Ну, себя-то я знаю!

— Хорошо, тогда это.

На снегу появилось слово «Ратное»

— Рцы, Аз — Ра. Твердо, Наш... Твердо, Наш... Твердо, Наш... не выходит, Минь.

— В первом слоге три буквы.

Мишка разделил слово вертикальной чертой.

— Попробуй теперь.

— Рцы, Аз — Ра. И еще Твердо — рат. Наш, Он — но. Ратно... Есть... Ратное!

— А теперь напиши сам: «Рыжуха».

«Рцы» Роська вывел уверенно, но над следующей буквой впал в задумчивость. Почесал в затылке, потоптался, глянул на Мишку и нацарапал, наконец «И». Дальше все продолжалось в том же духе. Результатом примерно трехминутных усилий стала корявая, составленная из кривых и разнокалиберных букв надпись: «Рищуха».

— Две ошибки. — Подвел итог Мишка.

— Где?

— Здесь. Вместо «Еры» написано «И», а вместо «Живете» — «Шта». Вообще-то не так плохо, как я ожидал. Грамоту ты знаешь, только практики мало было. Надо побольше читать и писать.

— Где ж мне?..

— Как вернемся, дам тебе Псалтырь. Давай, садись, поехали. Так вот, дам тебе Псалтырь. Каждый день будешь заучивать один стих. А вечером, будешь у меня на глазах, по памяти его записывать. Покопайся в дровах, набери бересты. Знаешь, как с ней обращаться?

— Знаю.

— Вот и будешь писать. И, как только наберем ребят в твой десяток, сразу же начнешь учить их грамоте.

— Я?

— А кто же?

— Так я же... — Было невооруженным глазом видно, что Роська ожидал чего угодно, но только не этого. — Ты же сам сказал, что в лошади две ошибки, и Ратное я сам не смог...

— Самый лучший способ научиться чему-нибудь, учить того, кто знает это еще хуже тебя. — Мишка изобразил на лице ободряющую улыбку. — Ребята твои будут совсем неграмотными, так что, ты, по сравнению с ними, ученый муж.

— Да какой я ученый... — Роська безнадежно махнул рукой.

— Петька своих тоже будет грамоте учить. Твои должны выучиться быстрее и лучше.

— Так он в монастыре учился, за большие деньги!

— Хватит препираться, будешь учить! — Приказал Мишка командным тоном. — Теперь проверим счет.

— Ну, это я знаю! — Роська заметно приободрился, видимо в этой "научной дисциплине" он чувствовал себя увереннее.

— Знаешь? Ну что ж, проверим. Три и два?

— Пять!

— Шесть и три?

- Девять!
- Семь и восемь?
- Пятнадцать!
- От шестнадцати отнять девять?
- Семь!
- Гм, двадцать семь и тридцать шесть?
- Э... Шестьдесят три!
- Однако! Сколько не хватает до сотни?
- Тридцать семь!
- Очень прилично, даже не ожидал. — Мишка действительно был приятно удивлен. — А умножать можешь?
- Если не много.
- Три по три?
- Девять.
- Два по семь?
- Четырнадцать.
- Четыре по восемь?
- Э... Тридцать... тридцать два.
- Семь по восемь?
- Семь по восемь... не помню.
- Все равно, очень хорошо! — Искренне похвалил Мишка крестника. — Тоже Ходок учил?
- Ха! Пока весь товар на ладью погрузишь, да пересчитаешь, да не сойдется, да снова пересчитаешь, а потом выгружать, да не все, и новое грузить, и опять считать...
- Понятно, понятно. — Прервал Мишка бойкую скороговорку. — По счету у тебя знаний примерно половина от Петькиных, по чтению, пожалуй, десятая часть, по письму... считай, сотая. Придется догнать... и перегнать.
- Да он же в монастыре!...
- Помню: за деньги. Нет денег, бери умом и старанием. Я помогу. Запомни: твои ребята должны выучиться быстрее и лучше петькиных. Тогда тебе и морду ему бить не придется. Понял?
- Не-а, не получится...

— Отставить! Десятник Младшей стражи Василий! Слушай приказ! Приступить к обучению ратников Младшей стражи второго десятка по их прибытии в твое распоряжение. Обучать быстро и хорошо. Обогнать в учении ратников первого десятка. Срок — до прибытия ладьи купца Никифора!

— Минь... Ой. Слушаюсь господин старшина! А если не выйдет?

— Значит, хреновые мы с тобой, Роська, командиры.

— А ты-то тут причем, Минь?

— А я в Младшей страже при всем. Старшина. Куда денешься?

Снова шипит под полозьями снег, топчет Рыжуха, проплывают мимо деревья.

"Повезло мне с Роськой. Вернее, сначала Роське повезло с Ходоком, а я теперь пользуюсь плодами его воспитания. Наверно, любил он пацана, возился, учил... теперь, поди, тоскует без него. Но отпускал с легкой душой — понимал, что для Роськи так лучше."

Дед, скорее всего прав: Роська это — на всю жизнь. Смогу ли я заменить ему Ходока? Обязан. "Мы в ответе за тех, кого приручили". А Роська даже не приручился, а... и слово-то не подобрать. Сломанный костыль, вот, мне починил, поднялся, наверно, ни свет, ни заря, а я, свинья такая, даже не поблагодарил как следует, не до того было".

Утром Мишку пришли благодарить Лавр с Татьяной. Кланялись, говорили всякие приятные слова. То, что «лечение» удалось, по крайней мере, в части "снятия отворота от жены" было видно, что называется, невооруженным глазом — по сияющему виду и припухлым губам Татьяны, да по синюшным кругам вокруг глаз Лавра.

Поднесли племяннику подарки: синюю шелковую рубаху и воинский пояс с чеканными бляхами. Рубаха вышита серебром — чувствовалась рука матери, или, по меньшей мере, ее наставничество. Подношение было царским, наверно, приготовлено было на свадьбу одному из сыновей, а теперь досталось племяннику. Мишка кланялся в ответ, говорил, что положено, а сам готов был со стыда провалиться сквозь пол.

Эту особенность своего характера Мишка, тогда еще Михаил Андреевич Ратников, обнаружил во времена депутатства. Поможешь какой-нибудь бабке оформить копеечную справку, а она благодарит, как будто ты ей жизнь спас. И понятно, что благодарит не за бумажку, а за то, что в вертепе бюрократии нашелся хоть кто-то, кто отнесся по человечески, а все равно, чувствуешь себя, как... Как хрен знает что. Неудобняк голимый.

"Вот и тут... Да еще мать с женской половины так и не вышла. Ей-то Татьяна радость... даже думать не хочется. И не помочь было нельзя, хоть стреляйся".

Воспоминания оборвал голос Роськи:

— Минь, а ты долго учился?

— Что?

— Я говорю: сколько надо учиться, чтобы, как ты... ну пять тысяч слов знать?

— А я и сейчас учусь.

— Как это?

— Да так. Учиться надо всю жизнь, как только перестаешь, сразу начинаешь потихонечку дуреть. Был когда-то такой император Николай. Николай Второй его звали. Пьяница горький, балбес. Когда его отец помер, он в своем дневнике... Это книжица такая, куда все важные события и мысли записывают. Так вот: когда его отец умер, он в этой книжице написал: "Закончил образование окончательно и навсегда!". Все, мол, папаши нет, больше никто учиться заставлять не будет.

И доигрался: довел свою империю до того, что народ взбунтовался. Его самого убили, всю его семью тоже, между собой резались несколько лет. Кучу народа перебили, города и веси порушили. Соседи еще влезли, тоже такого наворотили... И не стало Великой Империи, существовавшей триста лет.

"Сорри, сэр, а не за уши ли Вы вопрос образования к концу дома Романовых притягиваете? Да нет, пожалуй — отношение к образованию, как правило, характеризует человека достаточно точно. Нежелание или неспособность усваивать новую информацию означает окончание процесса развития личности, и не только интеллектуального, но и нравственного. К стати, совместим приятное с полезным — покажем Роське пример, а заодно попробуем получить полезные знания".

— Всего, Рось, узнать нельзя, на это просто человеческого века не хватит. Но знания требуется пополнять постоянно, и лишними они не бывают. Я вот, вчера обнаружил большой пробел в образовании. Ты случайно не знаешь: что дороже дирхем или куна?

— В куне серебра больше, она тяжелее, а дирхем тоненький, легкий. Но зато дирхем — монета, а куна — просто кусок серебра. Ходок говорил, что дирхем в любой стране берут, а кунами только у нас рассчитываются. В других странах куны надо сначала на монеты обменять, а потом уже на торг идти, и от этого убыток выходит.

— Выходит: так на так?

— Не-а, если ты только у нас собираешься торговать, то куна дороже, а если тебе монеты нужны, то дирхем дороже.

"Блин! И тут деревянный неконвертируемый. Еще и рубль-то не придумали, до копеек еще больше трехсот лет осталось, а все проблемы уже в полный рост".

— А сколько дирхемов в динаре, не знаешь?

— А они все разные. Потертые, обрезанные, Ходок говорил, что до нас новые, полновесные не доходят. Менялы в Киеве их не поштучно, а на вес обменивают. Если серебро на серебро менять, то за монеты и полтора веса взять могут, даже больше. Невыгодно. А если золотую монету на серебряные разменивать, то берут по весу один к двенадцати или к пятнадцати, смотря еще, какая монета золотая. Есть греческие солиды, сами греки их номизмами называют. Золотые, но Ходок говорил, что их лучше не брать, в них золото плохое, греки туда добавляют что-то. То есть, в старых солидах золото хорошее, но они потертые или обрезанные, а новые, вроде и блестят, но золото в них с примесями. Хуже динаров.

— А еще какие ты монеты знаешь?

— Есть еще какие-то монеты латинские, но я их не видел. Ходок латинян ругал, говорит, они сговорились к нам монеты не возить, а товар на товар обменивать.

"Блин, ну как домой вернулся! Цивилизованный Запад давит русских варваров экономическим рычагом. Цивилизованный, как же! Меньше ста лет, как этих цивилизованных начали учить носить нижнее белье, мыться и отличать закуску от десерта. Учили две королевы — датская и французская, и одна императрица — германская. Все три — дочери Ярослава Мудрого. Цивилизация, мать их... Будем справедливы: мавры европейцев тоже учили, другими методами, но, примерно, тому же самому. Однако дальше Испании эта наука не пошла".

— Ну вот, видишь: и ты меня поучил.

— Да разве ж это учеба? — Удивился Роська.

— Но знания-то новые я получил? Значит, учеба.

"Интересно, почему князья монету не чеканят? Потому, что на Руси своего серебра нет? Или потому, что, как истинные аристократы, торговлей не интересуются? Вообще, как-то они странно управляют, как будто временно здесь, хотя сидят-то уже больше двухсот пятидесяти лет. Блин, что ТАМ, что ЗДЕСЬ — Запад давит, потому, что свои власти мух не ловят. Вернее, ловят, но исключительно для себя любимых. Тогда, какая, к хренам, разница? Ах, во всем были виноваты коммунисты, а теперь нас будут любить! Ага! Разве что плотски, во все дыры разом. ЗДЕСЬ про коммунизм ни слуху ни духу, а все то же самое".

— Минь, вроде бы подъезжаем.

— Значит, так. — Принялся инструктировать крестника Мишка. — Выедешь из леса, остановишься, я покажу — где. На левом от нас краю деревни стоит дом. Большой — на подклети. На него не смотри, выйди из саней и поправляй упряжь. Стой так, чтобы к тому дому быть спиной.

— А зачем?

— Делай, что говорят!

"Хамите, сэр! Парень правильно удивился, зачем же так?"

— Понимаешь, Рось, мы же без приглашения, и о приезде своем не предупредили. Надо дать хозяйке немного времени, чтобы к приему гостей приготовится. А то, ведь, незваный гость хуже... э-э половца. И еще. В доме не крестись и Христа не поминай, как войдешь, поклонись очагу.

— Она что, язычница?

— Она волхва.

— Да ты что? И мы к ней... — Хотя вокруг никого не было, Роська отчего-то перешел на шепот. — Как же не креститься-то?

— В чужой монастырь со своим уставом не лезь. Хозяев надо уважать.

— А ты вчера про искру Веры говорил.

— Говорил. Только Нинейя уже стара, чтобы ее перевоспитывать. Она сама кого хочешь... М-да. В общем, веди себя вежливо, Нинейя не только волхва, но еще и боярыня очень древнего древлянского рода. Да, кстати: не просто Нинейя, а Нинейя Всеславна. Запомнил?

— Запомнил. — Роська немного помялся и предложил: — Может я лучше на улице подожду?

— Да не валяй ты дурака, не съест она тебя! Нинейя мне жизнь в прошлом году спасла. Хорошая женщина, сам увидишь. Всё, вот здесь остановись и делай вид, что упряжь поправляешь.

"Интересно: волхв дошел? На дороге следов не было. Может лесом пошел, напрямую, или в другое место подался? Долговато добирались, давно уже за полдень перевалило, ночевать придется остаться. Значит, детишкам сказку рассказывать. Что ж им рассказать-то?"

— Минь, — Роська говорил все так же шепотом — а чего деревня пустая?

— Я же сказал: не смотреть!

— Так я на тот дом и не смотрю. А остальное-то! Дорожки натоптаны, в трех домах, вон, печи топятся, а ни людей, ни скотины. Даже собак нет! Жутко как-то...

— Собаки есть — три суки. — Мишка нарочито отвечал Роське в полный голос. — И скотина имеется — корова с телкой, лошадь, куры, гуси. А людей нет, тут ты прав. Вымерли все в моровое поветрие. Две семьи сбежали, но тоже, наверно умерли где-то. Осталась одна Нинейя и шестеро внучат. И прекрати ты шептать, разговаривай нормально!

Роська помолчал, о чем-то раздумывая, потом его «озарило»:

— А-а, так вы сюда своих холопов поселить хотите? Я-то думал: куда вы столько народу запихнете?

— Не только сюда, у деда до морового поветрия еще на выселках народ жил, это в другую сторону от Ратного. А сюда поселим, если Нинейя разрешит. И воинская школа здесь будет. Да отойди ты от лошади, сколько можно упряжь дергать? Вон уже и Рыжуха удивляется. Подойди сюда, покажи: где тут что уложено, а то я и посмотреть не успел. Только спиной, спиной к тому дому!

— Вот тут — игрушки для детей, тут — сладости, — принялся перечислять Роська — а это — платок для Нинейи. А это Анна Павловна сама положила, я и не знаю что здесь...

— Какая Анна Павловна?

Роська изумленно вылупился на своего старшину.

— Ты что? Матушка твоя!

— Тьфу! Я и не понял. Ты бы еще Ельку Евлампией Фроловной назвал. Зовут все пацаны мать крестной, и ты зови. Что ты, как чужой?

— Я - для уважения!

— Хочешь для уважения, зови меня "господин старшина", а для матери: чем роднее, тем лучше.

— Ага, понял. Долго еще ждать-то?

— Все уже, вон — встречают. Трогай потихоньку.

На дороге появилась знакомая фигурка Красавы.

— Мишаня! Мишаня!

Разглядев в санях незнакомое лицо, Красава резко остановилась и настороженно уставилась на Роську.

"М-да, не любят здесь чужих"

— Не бойся, Красава! Это — мой... названный брат Ростислав. Иди сюда, садись в сани.

Красава нерешительно потопталась на месте, но потом, все-таки, забралась в сани.

— Мишаня, а ты подарки привез?

— Привез, Красавушка, привез.

— А сказку расскажешь?

— Расскажу... Красава! Да ты шепелявить перестала!

— Ага! Слушай: шмель жужжит в камышах! — Красава явно гордилась своим достижением. — Бабуля научила!

"Она еще и логопед! Ну, дает, бабка. Одно слово — волхва!"

Ниня встречала гостей на крыльце.

— Здрава будь, Ниня Всеславна! — Мишка обнажил голову и поклонился, насколько позволили костыли. А это — мой названный брат Ростислав.

— Здрава будь, Ниня Всеславна! — Роська поклонился "большим чином" дотронувшись шапкой, зажатой в вытянутой руке, до земли.

— Здравствуй Мишаня, здравствуй Славушка. Мишаня, а что с ногой-то?

— Подстрелили немножко, баба Ниня, ничего страшного.

— Ну, у тебя лекарка изрядная рядом, поправишься. Заходите в дом ребятушки.

Подражая Мишке, Роська поклонился очагу, потом принялся пристраивать на лавке перенесенные из саней подарки. Нервничал он, все-таки здорово — мешки никак не хотели вставать, все валилось из рук. Ниня понимающе улыбаясь, помогла ему.

— Ты из каких же будешь, Славушка?

— Не знаю, Ниня Всеславна, я еще в детстве в рабство попал...

Роська смущенно зыркнул глазами в Мишкину сторону.

— ...Михайла меня выкупил и крести... Ой.

Мишкин крестник прервался на полуслове и густо покраснел.

— Ничего, Славушка, все хорошо. Мишаня молодец, что крестника названным братом величает. Так и надо, так на самом деле и есть. Не смущайся, Славушка, раздевайся, да садись-ка вот здесь, поговорим. Нехорошо, когда человек своих корней не помнит.

— Баба Ниня, я тут вам из Турова... — начал было Мишка, но Ниня перебила:

— Погоди, Мишаня, я должна знать: кто ко мне в дом пришел. Славушка, рассказывай.

"Знакомое мероприятие, сейчас Роська выложит всю подноготную, даже то, о чем давно забыл. Сильна боярыня Гредислава, сильна, ничего не скажешь".

Мишка уселся на край лавки у торца стола, пристроил рядом костыли и стал слушать. Рассказ свой Роська начал с уже знакомой истории о захвате Никифором польской ладьи. Ниня некоторое время послушала, потом прервала Роську.

— А раньше? До того?

Роська молчал. Ниня повела перед собой рукой, Роська закрыл глаза, расслабился и вдруг... заговорил на каком-то незнакомом языке. Язык был явно не славянским. В XII веке русские еще могли общаться с чехами, поляками, болгарами и другими славянами без переводчика, различия в языках еще не стали столь существенными, как несколькими веками позже.

В том, что произносил Роська, тоже попадались, хоть и искаженные, но знакомые слова и обороты, но большинство слов были непонятны. Ниня задала какой-то наводящий вопрос на том же языке. Роська вдруг судорожно втянул в себя воздух и попытался встать. Ниня ласковым голосом с хорошо знакомыми Мишке расслабляющими интонациями успокоила парня. Тот пробормотал еще несколько слов и умолк.

— Ятвяг твой крестник, Мишаня.

"Ятвяг? Ятвяги, ятвяги... Что-то такое я знаю. Пруссы, летты, литвины... Или литвины — это уже позже? И где-то там же ятвяги. Летто-литовское (или летто-славянское?) племя. А летто-славяне, вообще, были? Ну ни хрена не знаю! Говорила мама: "Учи историю".

— Ятвяги, это — на запад от кривичей?

— Да, они западные соседи полочан. Имя его — Ёнас, или Йонаш, или Янис. В тех местах такие имена есть. Мать его звала Ёша. Отец-то его точно ятвяг, а мать — не знаю. Ёша совсем мальцом был, не помнит почти ничего. Только мать и имя, да еще огонь, крики и какие-то бородатые хари в ладье, но хари, вроде бы, не нурманские. Потом он жил где-то у воды. То ли река большая, то ли озеро, а может быть и море. Еще помнит город. Не весь город, а только каменную стену. А потом опять ладью и...

Взгляд Ниней метнулся за спину Мишке.

— Стой!!!

Мишка, как только мог быстро, обернулся. В паре шагов позади него, держа в опущенной руке топор, стоял куньевский волхв. Мишка сразу же понял, что Ниня остановила волхва не только голосом — тому явно было не по себе.

— Н-н-н... Н-ниняя, н-не мешай...

— Стой! — Властно повторила волхва.

Мужик не послушался, качнулся вперед, сделал маленький шаг к Мишке. Мишка откинулся назад, уперся спиной в стол, одновременно хватаясь за рукоять кинжала на поясе... И тут Ниней ударила. Даже не ударила, а... Мишка почувствовал, что в какую-то долю мгновения через него, от затылка к лицу, от спины к груди, прошло то самое ощущение, которое охватило его, когда он встрял в схватку между отцом Михаилом и Нинеей.

Волхв запрокинул голову назад и упал. Тело его выгибалось дугой, билось в конвульсиях, затылок стучал в пол, на губах выступила пена. Длилось это недолго — всего несколько секунд, потом волхв расслабился, распластался на полу, как тряпичная кукла.

"Вот он, боевой навык ведуньи! Классический эпилептический припадок. На кой ей охрана, она кого хочешь завалит!".

Мишка обернулся к хозяйке дома и успел уловить на ее лице, какое-то... охотничье, что ли, выражение. Да, именно таким бывает лицо у охотника, сразу после выстрела, причем выстрела неудачного — смесь хищности и досады. Но Ниней-то попала!

— Я же специально на околице ждал, чтобы он уйти мог. — Пробормотал, словно оправдываясь за какой-то проступок, Мишка.

— Нож-то убери, не с кем воевать.

Мишка, только сейчас поняв, что успел-таки извлечь оружие, сунул кинжал обратно в ножны. Волхв слегка пошевелился и слабо застонал.

— Вставай!

Голос Ниней ударил по нервам, как электрический разряд. Мишка сам чуть не вскочил с лавки, такому голосу было невозможно не подчиниться.

— Красава, принеси его одежду, и собери еды в дорогу! — Распорядилась Ниней.

Девчонка забежала за занавеску, из-за которой вышел волхв и деятельно там чем-то зашуршала.

— Вставай!

Волхв со стоном перевернулся на живот, поднялся на четвереньки. Его шатало из стороны в сторону, как пьяного. С четвертой попытки мужику все же удалось подняться на ноги. На Ниней он не смотрел, тупо уставившись на входную дверь.

Подскочила Красава, сунула волхву в руки котомку, шапку и тулуп. Тот одеваться не стал, держал свои вещи в охапке и слегка покачивался на нетвердых ногах, продолжая пялиться на дверь.

— Сама оденься!

Красава шмыгнула в угол.

— А ты сейчас уйдешь! Насовсем! — От голоса волхвы по спине бежали мурашки, Мишке даже

показалось, что на затылке зашевелились волосы. — Если приблизишься к моим землям хоть на день пути, тебя будет корчить так же, как сейчас! Красава, веди его к переходу через реку.

Девчонка вышла за порог, уставилась на волхва чуть исподлобья, немного так постояла и... поманила его к себе пальчиком. Здоровенный мужик двинулся к девчонке как сомнамбула. Та, пятясь спиной вперед, и, не спуская с волхва глаз вывела его из дома.

"Ух ты! Да Ниня ее не только шепелявить отучила. Выбрала, значит, себе преемницу. Ну да, Красава же и раньше говорила, что бабка ее учит."

"Если приблизишься к моим землям на день пути...". Интересно: что Ниня считает своими землями — только округу или все древлянские и дреговические владения? В последнем случае путь волхву заказан аж в три княжества: Турово-Пинское, Киевское и Полоцкое. Может быть еще и в Переяславское, вдруг древлянские земли и туда доходили? Нет, пожалуй, там — земли полян. Ох и сложно мне будет с ней разговаривать, если она считает своими землями целые куски трех княжеств".

— Баба Ниня, я же его отпустил, из плена освободил, чего же он?

— Злой он. Слабый и оттого злой. Не смог прежний волхв себе достойного ученика найти. Измельчал народ. — Ниня вздохнула, брезгливо посмотрела на то место, где только что валялся недавний владыка Куньего городища. — Ты его отпустил... И я отпустила! Но я защитилась, а ты нет! Ты у околицы ждал, а он тебя тут ждал. А я, старая дура, недоглядела. Слабый-то слабый, а мысли прятать умеет. Плохо ты его отпустил, неправильно.

— Да как же я защититься мог? — Попытался возражать Мишка. — Я ж не ведун!

— А слово с него взять, чтобы не вредил? Не подумал? За освобождение мог бы и взять, и никуда бы он не делся!

— Я с него за освобождение секрет заклатья взял.

— Какого еще заклатья? — насторожилась Ниня.

— Он моей тетке чрево затворил, она рожать не могла. Вернее, рожала, но мертвых...

— Паскудник, бабу калечить, детей убивать! Не знала, я б ему самому кое-что затворила. Привози свою тетку ко мне, избавим ее...

— Так я уже. Сам.

— Что? Да ты ума лишился...

Ниня вдруг напряглась, к чему-то прислушалась, на лице ее снова отразилась досада, но она быстро ее подавила и снова сделалась доброй, мудрой бабушкой.

— Как же это ты, Мишаня, сам умудрился?

— Да ничего особенного, баба Ниня. Сделал куклу, проткнул ей живот иглой, потом, на глазах у тетки иглу вытащил, сломал и в кузнечный горн бросил. И куклу туда же. Вот и все.

Ниня задумалась, немного посидела, молча, подперев щеку кулаком, а потом выдала резюме, от которого Мишка чуть не свалился с лавки.

— Эх, был бы ты девкой, какую бы ведунью из тебя сделать можно было!

Хлопнула входная дверь и на пороге появилась Красава. У Мишки аж скулы свело, таким плотоядным удовлетворением повеяло от нинеиной внучки. Как от мелкого хищника, только что сожравшего уворованного из курятника петуха. Так, почему-то и подумалось: петуха, а не курицу.

— Красава! Ты что творишь? — Строгим голосом спросила Ниней. Я ж тебе не велела...

— Не велела, но хотела! — Затараторила внучка. — Ты сердитая была, и на него, и на себя тоже.

"Ну вылитая Юлька, когда с матерью на медицинские темы лаетя!".

— Что случилось-то, баба Ниней?

— Нету больше твоего волхва, Мишаня. Утоп. Красава его на реке под лед спустила.

У Мишки отвалилась челюсть.

Ниней чуть приподняла плечи и развела руками. В ее мимике и жестах не было и намека на какие-либо негативные эмоции по поводу того, что ее шестилетняя внучка только что совершила преднамеренное убийство. Скорее, ее невербальный ряд можно было прочесть так: "Вот видишь, с кем приходится работать!"

"Оббалдеть! Именно так — с двумя «б». Грохнули мужика и... И ничего! Внучка довольна собой, а бабка считает случившееся досадной мелочью, детским непослушанием. Вот тебе и добрая бабушка. Я-то Роське заливал: хорошая женщина... Ой, я же сюда мальчишек приволочь собираюсь! Да Красава, если что, тут такой теракт организует! Никакого тротила не нужно, она сама, как тротил, а бабуся, как ПДУ [2] "

— Эк тебя перекосило. — Сочувствующе обратилась Ниней к Мишке. — Неужто волхва пожалел?

— Кр... Кхе! Красаву.

— Красаву? — Ниней снова досадливо поморщилась. — Христианское воспитание, что с тебя взять?

— Да ей же всего шесть лет!

— А тебе сколько? Тринадцать, "муж честной"? А сколько ты народу уже убил? От тебя смертью несет так, что я чуть не от околицы почувствовала.

— Я защищался! На нас напали!

— И защитился! — Согласилась Ниней. — Потому, что умел! А Красаве, по-твоему, уметь защищаться не надо?

— На нее никто не нападал!

— На тебя нападал, а она тебя любит. И меня досада взяла, а ей за меня обидно стало. Дите же еще.

— Так я о том и говорю: ребенку такую силу в руки давать...

— А ты братьям не «такую» силу в руки дал?

"Блин, железная логика. Стоп, а откуда она про самострелы знает? Бросьте, сэр, все она знает — стучит ей кто-то из Ратного. Да та же старостиха Беяна. Но как же мне теперь?"

— Ну чего ты маешься, Мишаня? Вижу же, что что-то сказать мне должен. Говори, не мучайся.

"Колитесь, сэр, чего уж теперь-то? Ох, а крестник-то мой!"

Случайно взглянув на Роську, Мишка увидел, что тот, все так же, сидит полуприкрыв глаза и покачиваясь. Протянул руку, чтоб потормозить его и испугано отдернул: вдруг нельзя? Оглянулся на Нинею. Та улыбнулась и поощрительно кивнула, словно что-то разрешая. Потом приложила палец к губам, призывая не то к тишине, не то к осторожности, и сделала округлое движение рукой, словно ласково погладила кого-то. Снова поощрительно кивнула.

Понимая, что участвует в некоем таинстве, Мишка осторожно погладил лежащую на столе ладонь Роськи. Тот вздрогнул, раскрыл глаза и вдруг лицо его сморщилось и на нем отобразилось такое горе...

"Вспомнил! Мать вспомнил, бедолага... Несчастный парень".

Физически ощущая нахлынувшую волну жалости, не замечая, что копирует интонации Нинеи, Мишка тихо проговорил:

— Все хорошо, Славушка, все хорошо, не беспокойся. Я с тобой, Славушка, все хорошо, успокойся.

Роська немного расслабился, Мишка снова обернулся к Нинее и буквально напоролся на пронизывающий словно стальная игла взгляд. Старуха рвала его сознание, проламывала барьеры, внедрялась все глубже и глубже, показалось, что она уже видит в Мишкиных воспоминаниях сцены из предыдущей его жизни — непонятные и непостижимые для человека двенадцатого столетия. И... все вдруг кончилось. Нинея вздохнула, разочаровано отвела глаза и разрешила:

— Спрашивай.

— Что это сейчас было... Ну, с Роськой, зачем ты мне позволила, даже велела... И зачем ты меня...

Мишка не знал, как продолжить начатую фразу, не скажешь же «зондировала».

— А сам-то как думаешь?

Мишка задумался. Почему-то пришел на память эпизод из Киплинга, когда Багира и Балу, вместе с Бандерлогами, поддались гипнотическому воздействию Каа, и только прикосновение Маугли вывело их из транса.

— Знаешь, далеко на юге есть такая страна Индия. Там водятся огромные змеи шагов по десять, по пятнадцать длиной. Они не ядовитые. А охотятся тем, что завораживают взглядом. Любую тварь заставляют самой ползти им в пасть. И только человека заморозить не могут.

Никогда, даже ребенка. Этим змей там почитают символом мудрости. Так и говорят: "Мудр, аки змей".

— Ну вот, ты сам все и объяснил. Не могу я тебя заморозить. Вроде и случай подходящий: ты сначала испугался, потом разозлился, потом Славушку пожалел, раскрылся весь, душой наружу потянулся, крестнику помочь... А, все равно, ничего у меня не вышло.

— Так ты меня специально отвлекла! То я спорил с тобой, а то — сразу про спор забыл!

— Эх, был бы ты девкой! Такую б ведунью из тебя воспитала! Сильнее меня была бы. А мужики... И десятой доли воспринять не способны. Ты вот сейчас чего-нибудь чувствовал?

— Что-то чувствовал, но не понял...

— А никто из мужиков ни за что не почувствовал бы! Что с них взять, скоты тупые. И что ж ты за парень такой? Не выходит у меня самой узнать, а знать я должна! Давай-ка сам объясняй.

— Да что объяснять-то?

— Не придуривайся! Ты же знаешь: меня обмануть нельзя.

"Влип! Старуха вранье сечет "на ять". И правду не скажешь. Версия... Срочно нужна версия, чтобы правдоподобно... Время потянуть!"

Мишка многозначительно повел зрачками в сторону Роськи, старуха поняла с первого раза.

— Славушка, сходи-ка с Красавой на двор, она тебе покажет, куда лошадку вашу на ночь поставить. Да корму ей задайте, да обиходьте скотинку.

"Снова — добрая ласковая бабушка... Блин, версия!!! Чтобы самому поверить можно было! Что? Что придумать? Тайный агент? Херня! Посланец Богов, ублюдок Перуна? Не катит... Думай, дебил, грохнет же, как волхва!...Знаю!!! Спасибо, отче Михаил, опять меня выручаешь".

2

ПДУ — в данном случае, имеется в виду пульт дистанционного управления. Сейчас развелось столько военных аббревиатур, что запросто можно заблудиться мозгами и посчитать ПДУ каким-нибудь "пульсатором дуплексным, универсальным", "пулеметом Дегтярева-Укашкина" или "полевым деструктором уфигенным". И поди разберись: то ли фантастика, то ли уже принято на вооружение.

— Ушли? — Мишка глянул на дверь, снова вернулся взглядом к волхве. Ладно, только, баба Ниня, я и сам не уверен. За что купил, за то и продаю. Ты про неканонические христианские тексты что-нибудь слыхала?

— Про какие тексты?

— Ну, апостолов у Христа было двенадцать, а Евангелий — только четыре. Но, ведь, и другие апостолы воспоминания оставили.

— Понимаю, Мишаня. Да что ж ты встопорчился так? Успокойся, все хорошо, посидим, поговорим, я потом на стол соберу. Да! Ты же нам что-то из Турова привез. Балуеть ты нас, не знаю, чем и отдариваться стану.

"Блин, как Юлька с больным, разговаривает. А и вправду действует, посильнее, чем у Юльки... нет уж, хрен тебе!"

— Ладно, ладно, не буду. Да что ж ты так? Все из-за Красавы, что ли? Ну могла ж я его сразу убить, когда он на тебя с топором кинулся? Все было бы правильно и по справедливости... Считай, что так и было.

"Спокойно, сэр Майкл, мысли она не читает, только эмоции чувствует. Угрозы, похоже, нет. Она действительно только поговорить хочет, информация ей нужна, а выковырять из моей башки не получается. Ладно, версия, кажется, на самом деле удачная. Поехали"

— Апостол Андрей Первозванный бывал в славянских землях, об этом есть достоверные сведения. Но приходил он сюда не просто так, а для того, чтобы спасти от преследования младенца, родившегося от любви Иисуса и Марии Магдалины. Имя его нигде не упоминается. Младенец остался среди славян, а когда вошел в возраст, к нему приводили славянских дев, и те рожали от него детей. И кровь Иисуса разошлась по славянским племенам.

Христианская церковь эту историю правдивой не признаёт, но если это правда, то славяне, действительно, внуки Божьи. И тогда на мне могла сойтись кровь нескольких родов — потомков того младенца.

Нинейя долго сидела задумавшись. Очень долго, Мишка даже начал слегка нервничать.

— Сам-то веришь в это?

"Не врать, сразу заметит!"

— Даже не знаю... Не очень. Но другого-то объяснения нет.

— Другого объяснения нет... И ты можешь то, чего не могут другие... И я тебя понять не могу... Но ты мне люб...

Нинейя говорила, вроде бы, сама с собой, но Мишка чувствовал, что эти слова предназначаются и ему тоже. Просто мысли вслух, чтобы обдумать вместе.

— Что думаешь делать с... ЭТИМ?

"Во вопросик на засыпку! Да что же мне, как Емельке Пугачеву благословения на самозванство просить?"

— Да что я могу-то, баба Нинейя?

— А если сможешь? Просто представь себе, что можешь многое, почти все.

— Ну... Наверно, было бы правильным... Знаешь, если Бог един, а остальные: Велес, Перун, Макошь и прочие — только Его воплощения, то и Иисус может быть одним из таких воплощений. Иудеи и римляне его убили, а славяне продолжили его род. Тогда надо отделять славянское православие от греческого — церковь Его родичей от церкви Его рабов.

— Почему христианство, а не исконную веру?

— Язычники не создадут единую Державу, будут сидеть — каждый на своем капище, и грызться друг с другом. Лютичи и Бодричи один раз уже уже догрызлись, чуть все земли их германцам не достались. А у христиан все четко: "Един Бог на небе, один царь на земле".

— А это нужно — единая держава? — Ниня смотрела на Мишку очень серьезно, как будто ждала от него важнейшего для себя ответа.

— Мне видение было...

"Кто тебя за язык тянет, идиот?!!"

— Из степи идет сила. Дикая и страшная, такой еще не было. А Русь — вся в раздрае: Рюриковичи режутся друг с другом, язычники — с христианами. И сила из степи всех их накрывает. Осталось около ста лет.

— А единая держава, значит, устоит?

— Да где ее взять-то? На это даже силы Великого Князя Киевского недостает.

— Существуют и другие силы.

"Та щёб я вмер! Она же державную тему не со мной первым обсуждает! Хозяин "людей в белом"? Еще осенью, помнится, она конспирацию разводила. Попробовать раскрутить? Хрен там! Это она меня допрашивает, а не я ее. Не форсировать, сама расколется".

— Вот только Мессию из меня делать не надо! — Мишка протестующе выставил перед собой ладонь. — Я на кресте корчится не хочу! И на костре стоять — тоже.

— А зачем внукам Божьим Мессия? Им князь нужен. — Хотя последнее предложение и было сформулировано в утвердительной форме, Мишка понял, что на его требуется ответ.

— Ага! Да Рюриковичи любого, кто князем назовется, на лапшу настругают! Князей, кроме Рюриковичей, на Руси нет.

— Рюриковичи не всеильны, и все время слабеют. — Продолжила настаивать Ниня.

— Да пойми ж ты! — Мишка понял, что излишне горячится, но сдерживаться не стал. — Дело не только в том, чтобы варяжскую семью скovyрнуть. За сто лет надо Державу создать: сильную единую, хорошо управляемую. Нам же латиняне в спину ударят, когда степь навалится. Надо чтобы все из одного места управлялось, чтобы средства и сведения со всех краев стекались, чтобы приказы беспрекословно исполнялись... Да много всякого.

У славян князь только во время войны властен, а потом — опять волхвы. А они — все разные: кто Велесу, кто Перуну, кто Дажьбогу требы кладут. Невозможно даже верховного волхва выбрать, а ты хочешь, что бы они князю все хором подчинялись в мирное время, когда только и можно как следует к войне готовиться. Не будет этого!

Мишка немного помолчал, сам удивляясь тому, с какой горячностью излагает Ниня свои взгляды на государственное устройство. Не похоже было на то, что волхва оказывает на него какое-то воздействие — она даже спрятала обычную свою поощрительную улыбку и просто внимательно слушала.

— Руси не князь нужен — царь! И чтобы церковь за него горой стояла: "Несть власти, аще не от

Бога!". Такое у нас только христиане могут. Сто лет, баба Нинея, это очень мало. Вспомни: что у нас было через сто лет после призвания Рюрика?

— Волчица Киевская была!

"Блин, точно! Как раз тогда княгиня Ольга древлян и прессовала".

— Ага. Между собой хлестались. Приходи, кто хочешь, и бери голыми руками. Хазары и пользовались, пока Святослав им козью рожу не устроил.

— И что ж делать? Покорно ждать?

"Да чего ж она от меня добивается-то? Ведь вижу, что подводит к какой-то мысли".

— Что делать — понятно, я только что рассказал. Только никто не знает: "как?". Впрочем, на наш век хватит... И даже на их век.

Мишка кивнул на тихонечко возившихся в углу детишек.

— А о будущем ты не думаешь?

"Хренушки! Чуть не каждый день вспоминаю".

— Если бы мы с тобой, светлая боярыня, о будущем не думали, то сейчас о чем-нибудь более приятном разговаривали. Только не придумали пока ничего путного. А если не придумали, то и суетиться не следует — один вред будет. Одно только могу сказать уверенно: пытаться вернуть Русь к прежним временам — облегчить работу ее врагам.

— Думаешь, но делать ничего не хочешь.

— Ну, почему же? Делаю, и не я один. Но только то, что можем, то, последствия чего, понимаем, и только то, что полностью зависит от нас, не рассчитывая на неведомые силы или на авось.

— И что же делаете?

"А про "неведомые силы" поведать не желаете, мадам? Ладно, я терпеливый, подожду".

— Ребят бы позвать со двора, замерзли, наверно.

— Позову, когда надо будет, не увиливай.

— А я и не увиливаю. Я для того и приехал, чтобы рассказать, ты же почувствовала, сама сказала. Ребятам это можно слушать, даже полезно.

— Добро.

Нинея не пошевелилась, не изменилась в лице, но Мишка понял: через минуту Роська и Красава войдут в горницу.

— Почувствовал? — быстро спросила Нинея.

— Догадался.

— Нет, почувствовал, я вижу!

— Да чего ты от меня добиваешься? Сама же сказала: я не девка.

— Вот именно...

В горницу вошли Красава и Роська, Красава скинула шубейку и не пошла, как ожидал Мишка, в угол к остальной малышне, а устроилась за столом, рядом с бабкой.

"Вот даже как? Ну, что ж... М-да, почти на год младше Ельки, но в середине разговора куколку просить не станет, можно быть уверенным. Не торопится ли Ниня? Пережжет девчонку раньше времени".

— Ничего, пусть привыкает. — Ответила на Мишкины мысли Ниня.

"Блин, вот так и поверишь, что мысли читает! Хотя догадаться, о чем я думаю, проще простого. А Роська остался стоять, молодец: понимает политес. Вот я тебя, любезнейшая Ниня Всеславна, сейчас тоже удивлю".

Мишка хлопнул по лавке рядом с собой.

— Садись, десятник Василий!

— Слушаюсь, господин старшина!

Левая бровь Ниней поползла вверх, Красава же и вообще: вылупилась, приоткрыв рот. К ней-то Мишка и обратился тоном эдемского Змия Искусителя:

— Может, все-таки, с гостинцев начнем?

Рот захлопнулся, вопросительный взгляд обращен к бабке.

— Потом, Мишаня, говори.

"Нет, тут Вам ничего не светит, сэр, Контроль со стороны Ниней стопроцентный, но по лицу девчонки, можно прочесть то, что умеет скрыть старуха. И на том спасибо".

— У меня два поручения. Первое — от княгини Ольги Туровской. Велено передать тебе Ниня Всеславна, поклон от Беаты.

"Ноль, блин! Красава об этом ничего не знает. Впрочем, и неудивительно".

— Благодарствую, будешь еще в Турове, передай, что помню ее, и люблю.

— Ольгу или Беату?

— Обеих. Скажи еще, что редко весточки шлет, можно бы и чаще, а увидеться и совсем хорошо было бы.

— Передам в точности, но не могу сказать когда.

— Не к спеху. — Ниня снова выпустила на лицо "улыбку доброй бабушки". — Ну, спрашивай, вижу же, что, как на иголках сидишь.

— Не говоришь, значит, не нужно. В чужие дела нос не сую.

— Взрослеешь, Мишаня. Давай тогда второе поручение.

Мишка положил руку на плечо Роське.

— Помоги-ка встать.

Роська вскочил, помог Мишке утвердиться на одной ноге.

— Лавку отодвинь, мешает.

Роська сдвинул лавку, прислоненные к ней костыли с грохотом упали на пол.

"Блин, забыл совсем. Ладно, теперь — два шага назад, а то фейсом в тейбл уткнушь".

Опираясь на плечо крестника, Мишка отошел от стола, перебросил левую руку с плеча Роськи на локоть и поклонился, коснувшись пальцами правой руки пола.

— Светлая боярыня древлянская, Гредислава Всеславна! Моими устами обращается к тебе воевода Корзень!

"Вот это кино! Смотрите, унтер-офицер Ростислав, когда еще такое увидеть доведется?"

За столом, гордо выпрямившись, сидела та самая ВЛАДЫЧИЦА. Величественная, надменная и...

"... и прекрасная! Что б я сдох, сэр Майкл! Да в такую еще запросто и влюбиться можно! И не просто копья на турнирах в ее честь ломать, а огнедышащих драконов на фарш перерабатывать. Пачками! Перчатку ее на шлем, и — на Рюриковичей! И ведь пошлет, стерва, не задумается! И пойду, не задумаюсь! Примите мое восхищение, мадам!"

Рядом с Нинеей, словно зайчишка, наостривший уши, застыла столбиком Красава. Роська, кажется, вообще забыл дышать. Мишка прокашлялся враз пересохшим горлом.

— Принимая на рамена свои попечение о воеводстве Погорынском, воевода Корзень признает за тобой, боярыня Гредислава Всеславна, достоинство древнего боярского рода, право на земли и иные владения, право на боярское знамя, право власти над людьми, боярский суд и иные права и привилегии, унаследованные тобой от славных предков твоих. Так же и право на передачу всего поименованного по наследству.

Для надлежащего поддержания боярского достоинства твоего, боярыня Гредислава Всеславна, воевода Корзень передает тебе во владение пятнадцать холопских семей, коих ты вольна принять или не принять.

Для исполнения тобой боярской обязанности содержания воинской силы, воевода Корзень ПРОСИТ тебя, боярыня Гредислава Всеславна, принять на своей земле и взять под материнское попечение воинскую школу и Младшую стражу, старшиной коей имею честь быть я — старший внук воеводы Корзня — Михаил.

Мишка снова поклонился, коснувшись пальцами пола и выпрямился, стараясь выглядеть столь же достойно, как и Ниней.

— Благодарствую старшина Михаил. Хорошо исполняешь поручение воеводы.

"Боже, что за голос! Другой человек! Не поверил бы, если б сам не видел!"

— Передай воеводе, что я оценила его вежество, приличные слова и доброе ко мне расположение. Однако же забота воеводы Корзня о поддержании моего достоинства видится мне излишней. О сём я способна позаботиться и сама.

Скажи так же, что оценила я и мудрость его первых шагов на воеводском поприще, а так же о том, что радует меня его правильное понимание прав, обязанностей и положения боярства среди прочих сословий. Особо радостно видеть такое понимание в столь юном роду, ничем, кроме воинских дел, себя пока не прославившем.

Обещаю обдумать слова воеводы Корзня со всем приличествующим тому тщанием. О решении своем извещу воеводу воблаговремени.

— Передам все в точности, матушка боярыня. Благодарствую на добром слове.

Мишка поклонился третий раз. Роська вдруг шумно сглотнул и перевел дух, видать, и правда затаил дыхание.

— Присядь, старшина Михаил... — Ниня царственным жестом указала на лавку, с которой только что встали ребята. — ... и ты, десятник.

"Христианское имя, все-таки, вслух произносить не стала. А может, по протоколу не положено? Может быть, по имени надо обращаться только к тому, кто принес послание, а к сопровождающим нет? Хорошо, хоть, с остальным, вроде бы, не облажался. Но если: "присядь старшина Михаил" — то разговор, похоже, еще не закончен. Просто дипломатические переговоры перешли из стадии официальных заявлений в стадию... черт его знает... консультаций, что ли?"

— Расскажи нам, старшина Михаил, о воинской школе и Младшей страже. Дело это для нас новое, непривычное.

— Младшая стража — дело не столько новое, сколько забытое. Когда сто лет назад наша сотня пришла в эти места...

Мишка старался держать спину и голову так же, как и Ниня, но очень скоро почувствовал, что это не такое простое дело. Кроме физического неудобства и быстро наступающей усталости, он ощущал еще и психологический дискомфорт — его поза была явно искусственной, в то время, как Ниня выглядела совершенно непринужденно.

Кроме того, все время приходилось следить за руками, а Ниня как-то умудрялась положив одну руку ладонью на стол производить впечатление, будто рука лежит на подлокотнике кресла. Самым же обидным было то, что и Красава, по-видимому, чувствовала себя совершенно свободно. Даже бровью не повела, когда старуха положила ей руку на плечо.

"Черт знает что, сэр Майкл! Вы уже и забыли о тех временах когда не знали: куда девать руки при разговоре. Какой конфуз! Нет, это ж надо! Невозможно сделать даже простейшую вещь — принять "зеркальную позу" — без того, чтобы не выглядеть идиотом. Ну, бабка, что значит порода! Так квалифицировано возить собеседника мордой по столу, что даже и не понять: как это делается"

— Благодарствую, старшина Михаил, много ты нам интересного поведал. Чаю, шумно тут у нас

станет, если воинская школа появится. По правде сказать, старикам молодые голоса всегда в радость, приятно, когда своими глазами продолжение жизни видишь. Однако же, время позднее, не откажешься ли, вместе со своим десятником, разделить с нами трапезу?

"Нет, это уже садизм! Застольного этикета нынешних времен даже я не представляю, но ничего хорошего ждать не приходится. Семь шкур спустит и голым в Африку... Простите лорд Корней, но я иссяк".

Мишка резко расслабился и ему показалось, что он оплывает на лавке, как свеча.

— Ф-у-у, баба Ниня, пожалей, не могу больше!

— Наигрался, значит, в посла?

— Я не играл, непривычно просто...

— А если непривычно, значит играл. Ничего, Мишаня, дети только думают, что играют, а на самом деле, учатся жить.

— Как хоть получилось-то?

— Хорошо получилось, и в княжеском тереме не осрамился бы. И говорил все правильно... Почти.

— А что неправильно-то?

— Пыжиться не надо было. — Ниня снова медленно преображалась из «Владычицы» в добрую бабушку. — Тебе тринадцать, так и будь тринадцатилетним. Будь самим собой.

— А кем же я был?

— А ну-ка, расправь усы. — неожиданно предложила волхва.

— Так у меня нету еще...

— А если бы стал расправлять, было бы смешно?

— Конечно!

— Вот так же смешно и когда мальчишка смысленного мужа изображает. Говорил ты хорошо, слушать было приятно и смотреть на тебя было приятно. А вот когда ты со мной в благообразии соревноваться надумал, стало смешно. Потому, что говорил ты от души, то, во что верил, то, что для тебя само собой разумеющимся было. А потом стал играть в того, кем ты на самом деле не был. И стало тебе трудно, и говорить ты стал плохо, и устал быстро.

"М-да, сэр, не очко меня сгубило, а к одиннадцати туз! И добавить к этой крылатой фразе нечего".

— Но учиться-то этому надо? Как же учиться, если не пробовать?

— Правильно, Мишаня, учиться надо, но не с внешности начинай, а с внутренней сущности. Ощути себя наследником древнего рода, продолжателем дел сланных предков, частицей великого народа славянского, внуком Божьим! Возгордись этим и тут же смиришься. Смиришься с тем, что ты не волен в ни своих поступках, ни в поведении, ни в речах, ни во внешнем виде.

Смирись с тем, что всегда и во всем, даже в мелочах, даже в самое краткое время, даже тогда, когда тебя никто не видит, ты должен быть достоин своего места в жизни, как бы трудно это ни было. В любых бедах: болезнях, поражениях, скудости, отчаянии — сумей соблюсти достоинство.

Тогда спина сама выпрямится, и голова поднимется, и о руках думать не нужно будет, и каждый увидевший тебя все поймет без слов. Это трудно, очень трудно, иногда, невыносимо, но если в народе нет таких людей, не будет и ничего вообще.

"Прямо по Гумилеву: "Будь тем, кем ты должен быть". Только не та сейчас на Руси фаза этногенеза. Промахнулись Вы, мадам, лет на шестьсот, минимум. А может и не промахнулись, а совершенно правильно чувствуете недостаток пассионариев — носителей императива: "Будь тем, кем ты должен быть"?"

— Я тебе сейчас кое-то скажу Мишаня. — Продолжала Ниня. — Один раз, и никогда этого больше не повторю. А ты подумай: как мне трудно это говорить, и кем бы я была, если бы не смогла этого сказать. Ты знаешь, как я отношусь к Киевским князьям. Ольга... Сука Киевская... Баба, потерявшая мужа — вдова. Что она может? В траур облачиться, вопить о возмездии, рыдать по покойнику, рвать на себе волосы... А она встала во главе войска и... И повергла княжество древлянское!

Еще она была матерью славного воина. Победителя хазар, грозы степняков, ужаса Царьграда. Что должна делать мать такого сына? Гордиться, хвалиться перед другими матерями, радоваться его славе... А она, считай, что своими руками... Знала, что ждет его засада, и ничего не сделала, что б спасти. Сидела и ждала, когда принесут весть, которую она и так знала, еще до того, как все случилось.

Но так было нужно. Потому, что не князем он был, не властителем. Воинственным бродягой, подобным морским конунгам у нурманов. Храбрым, удачливым, но не способным управлять ничем, кроме своей дружины. Просто богатырем, равнодушным к делам власти.

И Ольга его приговорила. Мать! Сына! И перед ней склонились мужи, не верившие в то, что женщина может ими править. И она воспитала Владимира. Сына рабыни! Воспитала Великим Князем.

Чего ей это стоило? Знала только она одна, никто не видел, что творилось у нее в сердце. И потому она победила! И это была цена за то, что Рюриковичи встали во главе Великой державы. Меньше, чем через сто лет после Ольги, короли и императоры просили руки дочерей князя Ярослава. Великая Русь пошла не с Рюрика или Олега, а с Ольги. Вот, Мишаня, какие бывают сто лет! Вот, какие нужны для этого люди!

"Делай, что должен и будет... Да, ядрена вошь, БУДЕТ! Потому, что ты ДЕЛАЛ!"

Ниня замолчала, опустив голову. Мочала долго, а когда подняла голову, Властительницы уже окончательно исчезла. Снова перед Мишкой сидела добрая и мудрая баба Ниня.

— Славушка, ты-то что из нашего разговора понял?

— Мне Минька... — Роська снова шумно сглотнул и попытался встать, но Ниня жестом остановила его. — Мне Михаил давеча сказал, что учиться всю жизнь нужно. Я думал он пошутил, а оказывается правда. А еще он говорил, что раб врет, а воин — никогда. А я думал, что иногда, если нужно, то можно. А выходит, что нет... А что, князь Владимир и вправду

сыном рабыни был?

— Умен у тебя десятник, Мишаня, даже удивительно.

— У него хороший наставник был.

— Дураку любой наставник не впрок. — Ниня повернулась к внучке. А ты что скажешь, Красава?

— Мишане бы еще шубу соболью, перстни с камнями, да сапожки красные. Вот бы он тогда красавец был! А я бы, как выросла, на нем бы женилась!

Смеющуюся Ниней Мишка еще не видел. Улыбающуюся — да. Усмехающуюся — тоже. А вот хохочущую, утирающую слезы и хлопающую себя ладонями по коленям — нет.

Потом был шум, гам, детская возня, хохот — Ниня (или, все же, Красава?) «отпустила» своих внучат, а Мишка с Роськой принялись раздавать привезенные из Турова подарки. Мишка с удивлением смотрел на своего десятника. Роська, видимо, впервые в жизни принимал участие в таком мероприятии и был счастлив, кажется, больше всех шестерых детишек вместе взятых. Каждая детская улыбка, каждый радостный вопль словно впитывались в него и накапливались, как в каком-то неизвестном науке аккумуляторе. Бывший никифоров холоп, прямо-таки светился от этой "конденсированной радости".

"Вот-вот, десятник Василий, посмотри на это все, порадуйся вместе с ними, а потом, как-нибудь, вспомни, что попы этих детишек не иначе, как исчадиями ада, поименовали бы. Вспомни (или я найду случай напомнить) и задумайся. А то что-то ты слишком уж рьяным христианином заделался — начинаешь все в черно-белом виде воспринимать. Нет, брат Ростислав, не все в этой жизни так просто, существуют и другие цвета и оттенки".

Мишка развернул сверток с пуховым платком, который он по-прежнему называл про себя оренбургским. Почему-то захотелось не просто отдать его Нинее, а собственноручно накинуть его ей на плечи. Мишка не стал сопротивляться этому желанию, так и поступил и вдруг, словно ослеп от всплывшей из глубин памяти картинки далекого детства.

Отец тогда вернулся из заграничной командировки — ездил учить военных моряков ГДР управляться с новым видом оружия — ракетными катерами. Загранпоездка, пусть даже и в социалистическую страну, по тем временам была редкостью, подарков отец привез кучу, и, вот так же молча, вытащил из сумки и накинул матери на плечи пальто из искусственной кожи — последний писк моды начала шестидесятых годов XX века, несбыточную мечту ленинградских модниц.

Картинка исчезла, оставив после себя сладкую горечь воспоминаний о безвозвратно ушедшем, а на Мишку вдруг обрушилась целая лавина ощущений и впечатлений. Первое — изумленный взгляд настезь распахнутых глаз Красавы, остановившийся на нем и Нинее. Второе — боль в раненой ноге — начисто забыл про костыли, это ж надо! И самое неожиданное — склоненная к плечу голова волхвы, прижавшаяся щекой к тыльной стороне мишкиной ладони.

"Боже мой, сколько же лет она мужской руки на своем плече не ощущала? Умная, поразительно, по нынешним временам, образованная, властная и... такая одинокая Светлая боярыня, по каким-то причинам похоронившая себя в глуши припятских лесов и болот? Что

ей сейчас вспомнилось, так же, как и мне? Отец, муж, сын, любовник? Ничего-то я о ней не знаю, но...".

Не отнимая руки, Мишка сдвинулся чуть вперед и, заглянув в наполненные готовыми пролиться слезами глаза Нинеи, тихо повторил ей ее же присловье:

— Все хорошо, не печалься Гредислава, все хорошо.

Нинея с всхлипом втянула в себя воздух и так же тихо ответила:

— Сядь, Мишаня, нога-то у тебя...

— Ничего, не больно... почти...

— Больно, я чувствую... садись, садись...

Волхва отерла уголком платка глаза, выпрямилась и уже совсем другим голосом распорядилась:

— А ну! На стол собирать! Ужинать пора!

Каждый, кроме самых маленьких занялся своим делом, чувствовалось, что внучата давно приучены к определенному порядку. Мишка опустился на лавку и почти сразу же почувствовал правым ухом горячий шепот Красавы, воспользовавшейся тем, что Нинея отвлеклась к печи:

— Ты зачем бабулю ворожил? Она тебя и так любит.

— Ничего я не ворожил... — Попытался, так же шепотом, оправдаться Мишка. — Да и не умею я...

— Врешь, я видела! — Безапелляционно заявила Красава. — Но ничего, я на тебе все равно женюсь!

Внучка волхвы упорхнула, а Мишка так и остался сидеть в состоянии столбняка.

"Здрассте, приехали! Мало мне одной невесты от деда, так еще и эта на меня глаз положила! Еще и к бабке приревновала, обалдеть! Примите мои поздравления, сэр Майкл, вы идете у дам нарасхват, как колбаса в горбачевские времена! Ребенок, конечно, еще, а вдруг не передумает? Ведь и замочить из ревности может запросто. Ну влип!"

После ужина ребятня шустро прибрала со стола и, повинувшись нинеиной команде, отправилась спать. Ни капризов, ни возражений. К величайшему мишкиному удивлению, Роська вместе со всеми поплелся за занавеску, где располагались полати.

"М-да, на коротком поводке Нинея ребят держит. Привыкнут, как без нее обходиться станут?"

Мишка и Нинея остались сумерничать вдвоем. Волхва поставила на стол подаренные Мишкой подсвечники, зажгла свечи, села напротив, подперев щеку кулаком.

— О чем задумался, Мишаня.

— О детишках твоих, баба Ниня.

— И что ж думаешь?

— Да вот, подумалось мне: привыкнут, они что ты за них думаешь и решаешь, каждый шаг их стережешь, как потом жить будут?

— Так, как ты их научишь. Я не вечная, а кроме как на тебя, мне их оставить ненакого. — Ниня вздохнула и неожиданно предложила: — Можешь прямо сейчас начать. Хочешь?

— Хочу, но не могу. Но и не думать про это не могу тоже. Не сердись, ты спросила, я ответил.

— Можешь, уже сейчас можешь, но я подожду. Сколько-то лет еще подожду, но уж воспитывать ребят буду, как умею. — Волхва выдержала паузу, показывая, что тема закрыта, потом спросила: — Ты, ведь, еще о чем-то узнать хотел?

— Скажи, нет ли какой-нибудь сказки или истории... неважно — правда или вымысел. В общем, что-то про взрослого, живущего в теле ребенка. И это должно быть страшно, страшная история.

— Вот оно как... Взрослый в ребенке. — Ниня ненадолго задумалась. — Есть такая сказка, а может — был, кто ж знает?

— Расскажешь?

— Что ж не рассказать? Была у одной ведуньи ученица. Плохая была ученица. То ли ленилась, то ли дар у нее слабый был, хотя, бывает, что и учитель негодный попадается. Всякое бывает. Выгнала ее ведунья, не стала дальше учить. Пошла девка домой, и уже почти дошла до дому, как видит степняки в сторону ее веси пробираются. Побежала она, хотела короткой дорогой через лес пробраться, да заметили ее степняки и подстрелили. Лежит она со стрелой в спине, чувствует, что умирает. "Что за жизнь у меня" — думает — "Всего два дела у меня важных было: на ведунью выучиться и земляков предупредить. И ни то, ни другое сделать не смогла".

И тогда вспомнила ученье у ведуньи и произнесла заклинание. Пожелала перенестись в тело любого из земляков, кто ближе окажется, чтоб предупредить об опасности. Смотрит: она голая и воде, а вокруг другие девчонки в речке плещутся. Видно ближе всех к ней эта самая девчонка оказалась. Выскочила она из воды, а какая одежда ее не знает. Схватила первую попавшуюся, оделась и побежала к селу. Кричит: "Степняки! Степняки! Спасайтесь!". А люди над ней смеются: "Где ты степняков в речке нашла? А одежду-то зачем чужую нацепила?". Так и не поверил ей никто, а вскоре и степняки налетели. Кого убили, кого в полон увели, а весь сожгли. Осталась только эта девчонка — степняки ее как будто и не видели.

Сидит она на пепелище и плачет. Тело чужое, одежда чужая, ничего сделать не смогла, даже смерть ее не взяла. И открылось тут ей, что неправильно она заклинание выбрала, обидела Светлых Богов и те ее так наказали. С тех пор ходит она от деревни к деревне, от села к селу, от города к городу, и всегда так получается, что приходит только туда, где беда случиться должна. Предупреждает людей, а никто ей не верит, и беда все равно случается.

Не растет она и не стареет, а один раз в сто лет приходит она на то место, где ее родная весь была. Плачет, просит Светлых Богов о прощении, но не желают ее боги слышать, потому, что могла она земляков спасти, если бы училась прилежно. Могла и Светлых Богов не обидеть, если бы подумала как следует. Но думала она в тот час не о земляках и не о Светлых Богах, а о своей жизни пропавшей, вот и стала ее жизнь пропавшей по-настоящему.

А люди ее прихода боятся. Не только потому, что она с собой беду приносит, от беды защититься или убежать можно. Боятся они потому, что с ее приходом беспечными делаются и не верят ее предупреждениям. А она все ходит, и никто не знает где ее путь закончится. Поведали Светлые Боги только одно: "Если найдется место, где тебе поверят и от беды, благодаря твоему предупреждению, спасутся, там твой путь и закончится. И обретишь ты покой". Вот такая сказка про взрослого в детском теле. Понравилось тебе?

"Ни хрена себе! Кассандра, баньши и Агасфер в одном флаконе! И такой лихо закрученный сюжет не дошел до потомков? Это кто ж так постарался? Татары или Православная церковь? Теперь понятно, почему Первак так трухнул: сначала родной хутор от морового поветрия вымер, потом мы Кунье городище угробили, а тут еще один типчик нарисовался!"

— Что-то вспомнил, Мишаня?

— Есть, баба Ниня, похожие сказки у разных народов. У греков — про Кассандру, дочку троянского царя Приама. Ее тоже боги наделили даром прорицания, но сделали так, что ей никто не верил. И из-за этого ее город погиб. А у христиан есть сказание об Агасфере. Он тоже ходит по земле и нигде не может задержаться. А один раз в пятьсот лет приходит на то место, где согрешил и просит прощения. Но прощения ему нет, как нет ни покоя, ни смерти.

— Вот видишь: не ты первый, Мишаня.

— Что?!!!

— Ты же про себя спрашивал? А услышал сказку про девушку глупую, нерадивую. Что ж ты хочешь? У каждого своя ноша.

— Ты... — У Мишки слова застряли в горле. — Ты что? Что ты знаешь?!!!

— Ничего я не знаю, — Ниня вздохнула — чувствую только.

— Погоди. Если ты про меня все знаешь... Ну не знаешь — чувствуешь, то как же ты мне такому внуков доверить собираешься?

— А на тебе греха нет Мишаня. И ученица ведуньи и Вечный Жид — они же согрешили. Да и дочка царя, которую ты помянул, тоже, наверно, чем-то провинилась. А ты — нет. Думается мне, что ты от какого-то горя бежишь и еще: помочь кому-то хочешь, да пока не можешь. Так?

— От горя я уже убежал, а помочь... Помочь хочу человеку, который мне сбежать помог и друзьям его. А как ты поняла, что на мне греха нет?

— Если человек про свой грех помнит, то это по нему почти всегда видно бывает. А если не помнит, то бессовестный он, и это тоже видно. Сам, наверно, такое замечал?

— Замечал. А то, что я не остаюсь ребенком, и взрослою, а значит и стареть буду?

— И это — тоже. — Согласилась Ниня. — Но чувства человека это — надежнее. Нет за тобой греха и не бессовестный ты.

* * *

Снова шипит под санными полозьями снег, мерно топочут копыта Рыжухи, петляет узкая лесная дорога. Роська со смесью страха и восхищения рассказывал о своих вчерашних

переживаниях.

— ... на ночь Рыжуху пристроил, корму ей задал, сделал все, что нужно, хотел уже в дом идти, а она говорит: "Постой, бабуля не велит возвращаться". Ну, стою. И она стоит, совсем так неподвижно, и, вроде как, прислушивается к чему-то. Ну я постоял-постоял, а потом говорю: "Пойдем, чего ждать-то?". А она как глянет на меня, я и обомлел — глазищи, как у рыси, даже, показалось, светятся!

Опять стоим. Я уж замерзать начал, а она вдруг говорит: "Пошли, бабуля зовет". А я точно знаю, что ни голоса, ни знака какого-нибудь не было. Как узнала?

— Внучка волхвы, — Мишка пожал плечами — что ж ты хочешь?

"Скажи спасибо, что не наблюдал, как они, вдвоем с бабкой, волхва укатали. А то бы запросто заикой сделаться мог. Впрочем, у Нинеи... тут же и вылечила бы".

— Ну да, я думал: волхва, волхва — ведьма, вертеп сатанинский, а она добрая... А когда ты речь говорить стал — прямо царица! Слушай, а что, княгиня Туровская ей правда поклон передавала? Они знакомы, что ли?

— Княгиня велела, я передал, остальное — не нашего ума дело.

— Ага... А как она про княгиню Ольгу Киевскую рассказывала, мне аж жутко стало. Сына собственного не пожалела. Неужто правда?

— Вполне может быть. Крутая баба была, к ней даже византийский император сватался.

"Версия, конечно интересная, ничего подобного я нигде не читал. Но вполне могло быть, во всяком случае, ничего невероятного в этом не вижу. Убийства родственников, даже самых близких, в борьбе за трон — обычное, в общем-то, дело. Тем более — чужими руками. То, что Святослав был по сути сухопутным викингом бабка очень точно подметила. В Киеве почти не жил, таскался туда — сюда, столицу в христианскую Болгарию перенести собирался, сам же креститься, по примеру матери не пожелал... действительно, монарх — никакой.

А Ольга, наверняка, хотела править сама. Да и личная жизнь... Был, конечно же, какой-то фаворит, хотя бы тот же воевода Асмунд. Святослав мамочкиного любовника обязательно грохнул бы, с его-то характером. А мамашу — в монастырь. Впрочем, монастырей тогда на Руси еще не было, не только женских, вообще никаких. Ну, тогда в мешок и в Днепр. От таких перспектив чего только не сотворишь...

Но, даже если о ее любовных делах тогда весь Киев судачил, в летописях об этом, конечно же, ни мур-мур. Ольга же — святая, а летописи пишут монахи. Хотя, было там, со сватовством императора какое-то несоответствие... по срокам, что ли? Не помню. Можно истолковать, как намек на то, что желанна была для многих мужчин. Нет, это я пожалуй того — перегнул. А с убийством Святослава... вполне могло быть. Могла даже и не организовывать. Просто знала и ничего не предприняла".

— Минь, а почему Нинея ни да, ни нет не сказала? Вы же ей пятнадцать семей дарите!

— Во-первых, мы.

— Что, мы? — Не понял Роська.

— Мы дарим, а не вы дарите. Ты тоже член семьи, значит, мы дарим. — Пояснил Мишка. — Привыкай.

— Ага.

— Во-вторых, не дарим, а предлагаем. Она — не нищая, мы — не благодетели. Род ее древнее и знатнее нашего, поэтому мы можем только вежливо предложить, даже просить, принять. А она вольна согласиться или отказаться, и с нашей стороны никаких обид быть не может.

— Ага, понятно. Вежество, уважение...

"Ни черта Вам не понятно, сержант. Ниней нам нужна больше, чем мы ей. Заполучить в союзники волхву, которая на всех местных имеет влияние, отколоть ее от хозяина "людей в белом"... Можно, конечно, было бы захватить пустующие земли, но дед правильно опасается возобновления заморочек столетней давности, когда из-за каждого куста стрелу в спину получить можно было. А Ниней нам такое удовольствие запросто устроить может".

— Минь, а какую ты сказку интересную рассказывал! Тоже в книгах вычитал?

— Угу, вычитал.

Вчерашним вечером Мишка рассказывал нинейным внучатам «Маугли». Исходный текст, конечно же, опять пришлось редактировать. Багира стала рысью, Шер-хан — росомахой, Хатхи — зубром, а бандерлоги — белками, только большими, мол, в Индии они величиной с собаку.

Роська, вместе с детишками, слушал раскрыв рот, а Мишка время от времени косился на Нинейю — поймет ли намек? Ниней слушала внимательно, кажется, с удовольствием, тихонько улыбалась чему-то своему...

"Если Ниней — старый мудрый, но смертельно опасный Каа, то Вы, сэр, — лягушонок Маугли. По сути, Вы же ЗДЕСЬ подкидыш. "Малэсенький, голопупенький", как в той украинской книжке, которую Вы пытались читать в армии.

Лорд Корней, несомненно, Акела, который еще очень и очень долго не промахнется. Серые братья — вот они: Демка, Кузька, Роська. Багира... Наверно, лекарка Настена, хотя, Юлька, когда подрастет, будет в самый раз, да и Красава, тоже. Красава, кстати сказать, уже и убивать умеет. Во, пантер развелось!

Балу? Балу, Балу, Балу... Мудрый медведь, наставник молодняка. Наставник Младшей стражи Немой? Молод больно, да и неразговорчив, мягко говоря, а старый ворчун Балу потрындеть любил. Лука! Точно, лука Говорун. А кто же у нас будет Шер-хан? Бурей бы подошел, но он среди своих не злодействует. Хе-хе... И маэстро Пентюх в роли шакала Табаки. А Ероха в роли вожака рыжих собак! Хвост я ему уже отрубил, что-то дальше будет?

Смех смехом, сэр, а не вернуться ли к давним мыслям о том, чего они все хотят от "лягушонка Маугли"? Настена. С ней ничего не изменилось, она по-прежнему видит меня в роли защитника Юльки, при форс-мажорных обстоятельствах. Мне ее планы никакими неприятностями, вроде бы, не грозят.

Отец Михаил. Тут все просто смешно. Он, может быть и сам себе в этом не признается, но, как я понял из подтекста, отче вознамерился совершить пастырский подвиг — сделать

берсерка (то есть меня) образцово-показательным воином христовым. Сам поставил мне диагноз, сам же поставил себе задачу, по нынешним временам, достойную книги рекордов Гиннеса. Гордыня обуяла: лютого зверя решил словом Божьим укротить. Ну, и флаг тебе в руки, отче, получиай удовольствие, я не против.

Ниней. Вот баронесса... Ну, конечно же, баронесса, никак не меньше. Так вот, баронесса... э-э-э, а как же ее величать-то? Титул-то обязательно должен включать в себя название земли, которой она владеет. А я даже названия ее деревни не знаю, привыкли как-то: Нинеина весь, да Нинеина весь. Может быть по названию речки ее поименовать?

Речка наша называется Пивень. Как объяснял отец Михаил: на местном диалекте, это означает «Петух». Хотя я назвал бы ее вьюном, так крутит, так вьется. От Ратного до Нинеи сухим путем, пешком — пол дня. А по Пивени, если по течению, то есть, от Нинеи к нам, и за сутки не доберешься. Такие загогулины выписывает... Так, что-то я отвлекся.

Значит, баронесса Пивенская... Звучит! А по-нашему будет "мадам Петуховская", шарман! Так вот: баронесса Пивенская совсем интересно нарисовалась, всерьез рассматривает мою кандидатуру на роль вожака (или только воеводы?) языческого восстания против Рюриковичей. Вот это уже опасно. Загремим под фанфары, к гадалке не ходи. Во-первых, ЧК не дремлет, сиречь, отец Феофан. Во-вторых, все равно ничего не выйдет.

Если бы что-то серьезное в эти времена произошло, то до XX века, хотя бы обрывочные сведения, сохранились. Помним же мы о восстании Спартака, хотя и случилось оно тысячелетием раньше. Помним, между прочим, не столько из-за самого восстания (не единственное же), сколько из-за эффектной акции устрашения, организованной господином Крассом. Распятая вдоль Анпиевой дороги — две тысячи лет помним и помнить будем.

После подавления действительно серьезного восстания язычников, Рюриковичи тоже не постеснялись бы, такой бы PR сбацили — от Киева до самых до окраин пробрало б. Даже если бы наши летописцы поскромничали с описаниями, информация, все равно, попала бы в византийские и европейские хроники. А оттуда и в учебники истории. Но никаких сведений нет. Значит, ничего путного и не было. Вязывать в заранее обреченное предприятие? Пardon, мадам Петуховская, я — пас.

Но как она мне напоследок поддала!"

Проводить отправляющихся домой ребят Ниней вышла на крыльцо. Стоя рядом с Мишкой, она некоторое время молча смотрела, как Роська запрягает Рыжуху, а потом совершенно неожиданно заговорила:

— Вот ты, Мишаня, говоришь, что Руси царь нужен. А он же уже есть. Уже семь лет, как есть. — Слегка усмехнулась в ответ на изумленный Мишкин взгляд и пояснила: — Приезжал из Царьграда патриарх Эфесский... Неофитом зовут. Привез Мономаху царский венец и помазал на царство.

— Как это?.. С чего вдруг? — Прикинулся Мишка ничего не знающим, хотя уже слышал эту историю от боярина Пимена. Просто интересно было сравнить две версии и еще раз попытаться оценить уровень информированности волхвы.

— А с того, Мишаня, с того самого. Мономах же потомок Цареградских императоров. А в самом

Царьграде род Мономахов пресекся. Сначала власть захватили Диогены, потом Комнины. И те и другие незаконно.

Вот Киевский князь и решил своего внука на цареградский стол посадить, он же сам в Киеве незаконно сел, так что знает, как самозванцы себя неуверенно чувствуют. Пошел войной, начал болгарские города один за другим брать. Алексей Комнин и перепугался, в войске же славян и нурманов чуть ли не половина. А ну, как взбунтовались бы?

Вот и нашел выход. Когда-то прадеду Мономаха Владимиру ради прекращения войны цареградскую царевну в жены отдали, а теперь, для того же самого, царский венец пожаловали. Ну, и много Руси пользы оттого, что Великий князь царем стал?

С ответом Мишка не нашелся. Поразительная осведомленность Нинеи прямо-таки повергла его в шок.

Из стоящей под боком у Мишки корзины, укутанной в овчину, послышался слабый писк. Роська сразу же встрепенулся.

— Минь, щеночков бы покормить.

— На ходу-то сможешь?

— Чего тут мочь-то? Вожжи только подержи.

Роська распутал овчину, на теплой подстилке, укрывающей дно корзины бестолково копошились и пищали одиннадцать пушистых комочков.

"Дети Чифа. Никогда вы, ребятки, вашего отца не увидите, впрочем, он вас и не узнал бы. Чиф, Чифушка, Чифуля, кинулся меня спасать, про себя и не подумал. Я дурак, не научил тебя от стрел уворачиваться..."

Роська кормил щенят. Макал в горшок с молоком тряпочку и совал малышам во рты, умудряясь, каким-то образом, обслуживать сразу по трое едоков. Видимо, инструктаж и практическое занятие, проведенные Красавой, многому Роську научили. Он даже вполголоса приговаривал что-то ласково-сюсюкающее, что в Мишкино представление о Роськином характере совершенно не вписывалось.

— Себе-то какого выбрал? — Спросил Мишка крестника.

— Вот этого — черненького, Вороном назову. Новоиспеченный Ворон, видимо от полноты чувств, переполнявших его по случаю получения имени, тут же нагадил Роське на ладонь. Роська, ничуть не расстроился, пристроил Ворона среди других щенков, и зачерпнув снега, стал оттирать руку.

— А ты себе не возьмешь, Минь?

— Нет.

— Это же помет от Чифа, такие же будут...

— Нет, я сказал!

— Ну, как хочешь...

— ...

Роська снова укутал корзину, забрал у Мишки вожжи.

— Нет! Но пятнадцать же семей! Кто ж от такого отказывается? А, Минь?

— Все успокоиться не можешь? — Мишка усмехнулся и внезапно спросил: — Хочешь пряник?

— Хочу... Так у тебя же нету!

— Не простой пряник — величиной с княжеский терем.

— Таких пряников не бывает. — Уверенно заявил Роська.

— Но вообразить-то ты можешь? Этаким пряничным терем. Что бы ты с ним делать стал?

— Ел бы целую неделю.

— Ну, отъел бы, скажем, э-э-э... — Мишка задумался: сколько можно отъесть от пряничного терема за неделю. Ничего не придумал и сказал наобум: — Крыльцо. Больше за неделю не одолеть. А дальше?

— Дальше ел бы. — Не смутился Роська. — Угостил бы еще кого-нибудь.

— А с другой стороны, где тебе не видно, ел бы кто-то другой, кого ты ни за что угощать бы не стал. К примеру, Своята. Ел бы без спросу. А снизу ели бы мыши. А Своята еще отломил бы и понес бы на торг продавать. Потом к тебе мытник пришел бы и спросил: почему пряниками торгуешь, а мыто не платишь? А осенью пришли бы за податями — с дыма. От дождя бы пряник мок, на солнце — засыхал...

— Да на кой мне такой пряник? Ты это к чему?

— Это — только один пряник, да и то сказочный. — Поучительным тоном начал объяснять Мишка. — А тут, без малого, сотня народу, обязанности боярские, как-то еще отношения строить надо с воеводой менее знатного рода, с церковью христианской, с князем, в конце концов... Куча всего. А ты — как с пряником: "Хочешь?", "Ага, давай!". Не в игрушки играем, за каждым боярином жизни человеческие.

— Понятно, значит, ей время на размышление надо? — Лицо Роськи приняло озабоченное выражение, словно это на него свалилась забота о сотне людей. — Я как-то и не подумал...

— То-то, что не подумал. Не расстраивайся, постепенно привыкнешь.

— К чему привыкну?

— Ты теперь к владетельному сословию принадлежишь, вот и привыкай мыслить сословными категориями.

— Чем?

— Еще одно научное слово — категория. Придумал его древнегреческий философ Аристотель. Давно — за триста с лишним лет до Рождества Христова. Обозначаются эти словом общие свойства различных множеств: людей, предметов, событий. К примеру...

Шипит под полозьями снег, топчет копытами Рыжуха.

Глава 2

Дорога подходила к концу, вот-вот в просвете между деревьями должен был появиться ратнинский тын. Вдруг впереди, настолько неожиданно, что Мишка с Роськой разом вздрогнули, раздался отчаянный женский вопль. Через пару секунд, еще один.

— Что такое? А ну-ка, наддай!

Роська понукнул Рыжуху, но до того, как сани выкатились на берег Пивени, раздалось еще несколько воплей, слившихся в один сплошной вой.

На берегу Пивени стояла толпа — похоже было, что здесь собралось все население Ратного. Приглядевшись, Мишка понял, что на самом деле видит две толпы — вольные ратнинцы и холопы. Холопы стояли отдельно, на коленях и были окружены полукольцом ратников, верхами и в полном вооружении.

Особняком держались три всадника: дед в парадной шубе, крытой синим сукном, староста Аристарх, тоже одетый как для торжественного случая и мишкин знакомец, ратник из десятка Луки — Афанасий. Афоню Мишка узнал с трудом, левый глаз и чуть не половина лица у того были закрыты повязкой.

На речном льду стояли сани без лошади. В них лицом вниз, с растянутыми ремнями руками и ногами, лежала обнаженная женщина. Рядом горбатилась жуткая фигура обозного старшины Бурей, который, ощеряясь так, что было видно даже издалека, хлестал лежащую в санях женщину кнутом.

Бурей нанес очередной удар, откинул в сторону руку и расстелил на снегу кнутовище. Немного помедлил и снова полоснул с оттяжкой. Воздух прорезал новый отчаянный крик.

"Садист, падла, специально с паузами бьет, это больнее. Удовольствие получает, угребище, мог бы и одним ударом убить. Что же случилось-то?"

Еще несколько ударов, на последние два женщина не отреагировала, видимо, потеряла сознание. Бурей поднял голову и уставился на сотника Корнея, тот кивнул. Обозный старшина склонился над санями и принялся распутывать ремни, которыми были привязаны руки и ноги жертвы.

Мишка закрутил головой, пытаясь высмотреть, кого бы можно было расспросить и увидел, что от края толпы ему машет рукой Матвей.

— Роська, Матвея видишь? Давай туда.

Рыжуха единым махом перенесла сани через реку, с разгону выскочив на противоположный берег.

— Мотька, что тут такое?

— Холопку казнят. — Матвей мотнул подбородком в сторону Бурей. — Афоня ее вчера вечером изнасиловать хотел, а она ему пол морды ногтями располосовала и глаз. Тетка Настена сомневается, что видеть будет. Утром сотник ее судил и приговорил казнить. Вот, казнят. Отец

Михаил вмешаться хотел, да никто и слушать не стал, тетка Алена его без памяти утащила. Смотрите, сейчас Бурей ее...

Бурей выкатил из саней забрызганный кровью чурбан, кинул на него приговоренную и взмахнул секирой. Толпа дрогнула, где-то вскрикнула женщина, запричитала еще одна... Бурей поднял над головой отрубленную по самое плечо руку.

Дед поднялся на стременах и заорал в полный голос:

— Зрите! Эту руку она подняла на своего господина!

Бурей, повинувшись очередному кивку Корнея, схватил бесчувственное тело за волосы и кинул в прорубь, рукоятью секиры пропихнул его под лед, потом спихнул ногой туда же и отсеченную руку.

Дед снова заорал:

— Раб, поднявший руку на хозяина, повинен быть убитым, а буде раб убьет хозяина, повинны быть убитыми все рабы в доме! Так было, так есть и так будет впредь! Идите и помните!

"Господи, это же я ее Афоне подарил. Имени не знал, даже не видел никогда и судьбу ее решил. Как она кричала..."

— Старшина, что с тобой? — Мотька плюхнулся в сани рядом с Мишкой и потряс его за плечо. — Что, ногу опять разбередил?

— Это я ее убил... — В раз помертвевшими губами пробормотал Мишка.

— Да что ты несешь-то? Роська, давай, поехали, сейчас толпа в ворота полезет, не просунемся.

"Господи... Не поминай всуе, трепач! Я же не знал, что так выйдет... А кто Перваку подобную ситуацию живописал красочно? Пушкин? Одно дело языком трепать, а другое — своими глазами увидеть. Между прочим, уже вторая девка по твоей милости смертным криком кричит — одна в Турове на костре орала, вторая здесь, под кнутом. Иди теперь и повесься в сортире, интеллигент вишивый"

— Минь, да ты чего? — Роська пару раз несильно ткнул Мишку кулаком, но ответной реакции не дождался. — Мотька, что с ним?

— Откуда я знаю?

— Может к Настене его?

— Да не знаю я! Давай к Настене, разворачивай.

— Не проедем, надо к главным воротам.

— Ну, давай к главным...

Сзади раздался топот копыт и с высоты седла послышался злой голос деда:

— Михайла, видал? Вижу, что видал. Узнал свой подарок? А ты не беспокойся: Афоня обделенным не остался, там еще одна девка есть, помоложе. Вот ключица срастется, морда подживет и опять... И Буреюшка не в обиде будет, ему не в тягость. Даже с удовольствием!

Дед зло подхлестнул коня и поскакал вперед.

"Ну-с, любезнейший, будем писать или будем глазки строить? Вы еще считаете себя приличным человеком, или пора вешаться? Ах, считаете? Тогда чего сидим?"

— Роська, — Даже собствен голос показался Мишке чужим. — Домой, быстро!

— Минь, может...

— Домой!!!

По пустым улицам села пронеслись вихрем, едва не сшибая углы, хотя деда, все-таки, догнать не смогли. Рыжуха внесла сани во двор чуть ли не галопом и протестующе захрапела, резко осаженная возле крыльца старого дома.

— Беги к Кузьме и возьми у него оба самострела — его и демкин. — Скомандовал Мишка Ростиславу.

— Минь, зачем самос...

— Выполнять приказ, десятник!!!

— Слушаюсь...

— Бегом!!!

Роська сорвался с места.

— И болты не забудь!

Мишка, как только мог быстро, поковылял к входным дверям. На крыльце запнулся, чуть не упал, но Мотька успел его поддержать. В доме подскочил к своей спальной лавке, костыли мешали нагнуться, и для того, чтобы добыть из-под лавки короб с нехитрыми пожитками, пришлось сесть прямо на пол. Мишка костылем выудил свое имущество, достал из короба кошель с серебром — туровскую добычу.

Поднялся было на ноги, но неловко ухваченный одной рукой вместе с костылем кошель, выскользнул из пальцев. Часть монет выпала, раскатилась по полу. Матерясь, чуть ли не в голос, Мишка снова опустился на пол и, ползая на животе принялся собирать раскатившиеся монеты. Откатившиеся далеко подбирать не стал — лопнуло терпение. Затянул ремешком горловину кошеля, но узел никак не хотел завязываться.

"Кончайте психовать, сэр, от нескольких секунд ничего не зависит. Спокойствие, только спокойствие, как говорил один обладатель штанов с пропеллером".

Мишка плюнул на узел, обмотал ремешок вокруг горловины кошеля и сунул его за пазуху. Потом, с кряхтением, стал подниматься.

Роськи у саней еще не было. Мишка забрался в сани, тронул Рыжуху и развернул ее мордой к воротам. Из-за угла, как раз выскочил Роська с двумя самострелами в руках.

— Минька, твой самострел уже починили, а себе я демкин...

— Взводи, но болты пока не накладывай. — Перебил Мишка. — Готово? Поехали!

— Куда ехать-то? — Спросил Роська, с тревогой оглядываясь на Мишку, с которым явно творилось что-то ненормальное.

— К Афоне.

— Так я же не знаю...

— Сейчас направо.

Сзади ударил крик деда:

— Куда с оружием? Стой! Стой, кому говорю! Матюха, коня мне, быстро!

На улицах Ратного было людно — толпа еще не рассосалась по домам, особенно не разгонишься, но Роська использовал любую возможность прибавить ходу. Люди неохотно уступали дорогу, весьма нелицеприятно комментируя вслед ездокам их стиль вождения. Ехать пришлось через все село — почти к речным воротам. Пока доехали — наслушались.

Одна створка ворот на подворье Афони оказалась, почему-то открытой и Роська вписался в просвет, чудом не зацепившись санями за воротный столб. Рыжуха снова захрапела, задирая голову, Роська тормозил, как гонщик «Формулы-1» — в последний момент.

Еще на ходу Мишка прочел мизансцену, благо, ничего сложного в этом не было — продолжение воспитательного процесса в сольном исполнении ратника девятого десятка Афанасия Романовича. Афоня, стоя перед группкой жавшихся друг к другу людей, размахивал здоровой рукой и, чувствовалось, что с удовольствием, орал во всю глотку.

Перед Афоней стояли пятеро: мужик, женщина, видимо, жена, девчонка лет четырнадцати и два пацаненка. Мужик был высок, широкоплеч, имел роскошную окладистую бороду и... по детски наивное, перепуганное лицо. Мишка хорошо знал подобные лица еще по ТОЙ жизни. Матушка природа, расщедрившись на тело, но оказалась скаредной на разум.

Обычно такое сочетание сопровождается бычьим упрямством и агрессивностью, но изредка случается так, что нет даже и этих «добродетелей». Хрестоматийный пример — тридцатилетний недоросль, пребывающий под каблуком у мамочки, которая помыкает взрослым мужиком, как дошкольником. Похоже, именно такой "глава семьи" Афоне и достался, только пребывал он не при мамочке, а при жене. Такое тоже случается.

Афоня токовал, как глухарь, не смог даже сразу остановиться, когда появились незваные гости.

— ... И без Буря обойдусь! Сам запорю насмерть! Пусть только хоть одна сука...

Мишка вылез из саней, забыв про костыли, спасибо Роське — поддержал. Вытащил из-за пазухи кошель с серебром. Афоня, наконец закончил орать на холопов и не понижая голоса обратился к Мишке:

— Михайла! Здорово! А я вот тут... — Объяснить: что "он тут", ратник не успел — брошенный Мишкой кошель ударился Афоне в грудь и упал ему под ноги, из раскрывшейся горловины выползли на снег монеты.

— Михайла, ты чего это?..

Афоня осекся, увидев направленные на него самострелы.

— Я их у тебя выкупаю! — Мишка махнул рукой холопам. — Эй! Собирайтесь!

— Михайла! Ты че... — Снова было начал что-то говорить Афанасий, но заткнулся на полуслове. Самострельный болт ударил ему под ноги — прямо в кошель, пробил его и застрял, наполовину уйдя в мерзлую землю.

— Пересчитывать будешь? — Поинтересовался Мишка, не оглядываясь, сунул свой самострел Роське и тут же получил другой — заряженный. Не получив ответа на свой вопрос, он снова обратился к холопской семье:

— Эй, вы! Вам, вам говорю! Собирайтесь! Или вам у Афони нравится?

Немая сцена, громом звучит щелчок вставшего на боевой взвод самострела. Мужик вопросительно пялится на жену, а та, похоже, что-то сообразив подталкивает его в сторону сарая.

— Куда? А ну, назад! — Афанасий, видимо чисто рефлекторно, попытался остановить холопов.

— Афоня! Даже и не думай! Как я стреляю, ты знаешь. Куда могу попасть — тоже.

Мишка демонстративно шевельнул самострелом и здоровая рука Афони дернулась, прикрывая пах.

"Блин, ну натуральный вестерн. Клинт Иствуд явился на ранчо плохого парня восстанавливать справедливость. Как там по-ихнему: "бед бойз маст дай"? Или что-то в этом роде. А ведь мочкану, если дернется, даже сомнений нет. Голливуд, едрит твою..."

— Всем стоять! — Голос деда перекрыл топот копыт нескольких всадников. — Михайла, стрелялку наземь! Ну!!! Афоня, чего за хозяйство держишься, уже попало?

— Корней Агеич...

Уже в который раз Афоне не дали закончить начатую фразу, только теперь это сделал не Мишка, а его дед:

— Молчать! Роська, что тут происходит?

— Холопов выкупаем. — Невинным тоном сообщил десятник Василий. — Вон, серебро лежит.

Мишка оглянулся. Дед, Лука Говорун, еще четверо ратников верхами, а у ворот — толпа любопытствующих.

— Ага... Кхе! И сколько дали?

— Гривну... С мелочью, деда.

— Афоня, доволен ценой?

— Корней Агеич...

— Молчать!

Афанасий изумленно вылупился на сотника.

— Ратник Афанасий ценой доволен! — Громогласно объявил дед. — Эй, вы! Быстро собираться! Бегом!

Холопов как ветром сдуло.

— Десятник Младшей стражи Василий!

— Я, господин сотник!

— Старшина Михаил ранен и немощен. Грузи его в сани, и домой.

— Слушаюсь, господин сотник!

Роська подхватил Мишку под руку и помог усесться в сани.

— Корней. — Подал голос Лука Говорун.

— Чего, Лукаша? — Ласково отозвался дед.

— Парень твой моему человеку оружием угрожал, прямо в его доме. Не дело!

— Эх, Лукаша! — Тон деда стал уж и совсем задушевым. — Да у меня двоих родичей и вообще застрелили. Правда, не в доме, а в лесу. Не слышал?

— Гм...

— Это молодежь, Лукаша, нынче торгуется так — гривна с мелочью и болт в придачу.

— Да... Торговаться... Гм... По-разному можно... — Пробормотал десятник и вдруг выверился: — Баба, скройся!!!

С крыльца дома Афони кто-то шмыгнул в дверь. Лука мрачно окинул взглядом растерянно стоящего посреди двора Афанасия.

— Я тебя, Афоня, доли лишил, а ты меня — своего десятника — кривым ходом обошел. Подумай теперь: пошло ли тебе это впрок?

— Кхе! Верно говоришь, Лука, кривые ходы, они того... до добра не доводят. Ладно, вы тут разбирайтесь, а мне не досуг. Не сочти за труд, пришли людишек, как соберутся, ко мне на подворье.

— Сделаем, Корней Агеич.

Роська уже разбирал вожжи, когда Мишка, все-таки, не выдержал и заорал так, чтобы слышно было и собравшимся за воротами любопытным:

— Афоня! По Русской Правде, если раба понесла от хозяина и родила, то хозяин повинен дать ей волю, жилище и кормить, пока ребенок не вырастет! — И, уже из-за ворот, добавил: — Я тебя от оскудения спас, кобель блудливый!!!

У ворот лисовиновского подворья собрался весь семейный «женсовет»: мать, тетка Татьяна,

обе мишкины старшие сестры — Анька-младшая и Машка. Даже ключница Листвяна была здесь, хоть и стояла в сторонке. Дед, еще не доехав до ворот, закричал издалека:

— Бабоньки, чего сгрудились? Никак женихов высматриваете? Глядите у меня, по улице всякие люди ходят, долго ли до беды. Я вот, к примеру, и вовсе неженатый.

Дед по-гусарски подкрутил ус и лихо подмигнул Листвяне. Женщины заулыбались. Раз дед веселый, значит, обошлось.

— Батюшка, что случилось-то? — На всякий случай, все-таки спросила мать.

— Ох, Анюта, и не спрашивай! Такие страсти, такие страсти. — Дед дурашливо схватился за голову. — Михайла с Афоней из-за холопов торговаться взялись, да так разгорячились, что твой старшенький Афоне чуть все на свете не отстрелил, насилиу растащили. Луку с десятком ратников на подмогу призывать пришлось. А тебе, Листвяна, доука — надо будет еще куда-то пять человек пристроить и скотину.

— Пристроим, Корней Агеич. — Приветливо пропела ключница. — А ты батюшка откушал бы медку чарочку с устатку да волнений. И Михайла Фролыч с Василием Михайлычем, поди с утра не евши.

— Каким таким Василием Михайлычем? — Не понял дед.

— Так вот... — Листвяна указала на Роську. — Имени природного батюшки мы не знаем, наверно можно тогда по имени крестного отца... Или нельзя?

— Кхе! Ну, ты и удумала... Даже и не знаю. Отца Михаила разве спросить, так он большой весь насквозь. Анюта, что думаешь?

— Пусть будет, батюшка, нельзя же человеку без отчества. — Отозвалась мать.

— Да? А ты что скажешь, Василий... Кхе, Михайлович?

— Господин сотник, — Роська выскочил из саней и сдернул с головы шапку — дозвожь доложить?

— Ну, докладывай. Кхе... Только шапку надень, застудишься.

— Это не старшина холопов выкупил, а я!

Мишка изумленно обернулся на крестника, но увидев умоляющие глаза Роськи, прикусил язык.

— Я перед Господом обязан... Мне через Святое Крещение воля вышла, и я теперь должен... Пять душ, тоже через Святое Крещение... И волю дать.

— Кхе... Совсем все с ума походили. — Дед несколько растерянно огляделся и зацепился взглядом за ключницу. — Листвяна, а ты насчет чарочки-то права оказалась... Да и не одной, наверно. Да... Кхе!

"Ни хрена себе! Сэр Майкл, а крестник-то Ваш, похоже, того. Повернулся слегка на религиозной почве. Пошли дурака Богу молиться он и это самое. Несовместимые с разумной жизнью последствия. Жил себе парень, горя не знал, о профессиональной принадлежности не ведал, так нет — взяли и окрестили".

— Васенька, да куда ж они у тебя денутся, вольные-то? — Мать была явно растрогана Роськиным порывом и старалась говорить ласково, чтобы не обидеть парня. — Ведь ни кола ни двора, голову приклонить негде. Ты о людях-то подумал, сынок?

— Подумал, крестная. Я десятнику Андрею в ноги кинусь, попрошу их для всяких хозяйственных работ в воинскую школу взять. На кухне, там, или еще чего — дело всегда найдется. А за это — жилье и корм. На первое время. А дальше — как Бог даст, и как сами расстараятся.

— Кхе! А что? Стряпуха в воинской школе и правда нужна будет. — Одобрил предложение дед. — Этакую ораву кормить! Да и не одна, а с помощниками. Дело говорит Василий... а и правда — Михалыч! Только никому в ноги кидаться не надо, я приговариваю: быть по сему! Ежели, конечно, Святое Крещение добровольно примут. А ты, Михайла...

— Что, деда?

— Кхе!.. — Дед приосанился в седле. — Старшина Михаил!

— Я, господин сотник!

— Я тебя упреждал, что вокруг тебя все время какая-то дурь происходит? Упреждал или нет?

— Так точно, господин сотник!

— Так точно? Так точно... — Дед словно бы пробовал на вкус новое словосочетание. — Хорошо придумал!

— Рад стараться, господин сотник!

— Кхе! Красота, ядрена Матрена... Михайла! Ты мне голову не крути! Все равно с мысли не собьешь! Я тебе приказывал: уймись?

— Так точно, господин сотник!

— Так вот: посиди-ка ты дома, внучек, коли раненый, так и отдыхай, лечись. За ворота — ни ногой, ни костылем! Запрещаю!

"Домашний арест, допрыгались, сэр".

— Слушаюсь, господин сотник!

— То-то же. Кхе! Листвяна, где там моя чарка? И парням пожрать.

* * *

После обеда, дед, размякший и подобревший, уединился с Мишкой в горнице.

— Ну, Михайла, что там с Нинеей?

— Деда, погоди. Скажи, а нельзя было девку не казнить? Ну, наказать как-нибудь...

— Тьфу, что б тебя... Только отходить начал! Думаешь, мне в удовольствие было? Я за свою жизнь всякого навиделся... тебе и не снилось, а девку молодую, да красивую к смерти приговаривать первый раз довелось. — Дед помолчал, потерял бороду. — Нельзя было не

казнить! В селе около семи сотен душ — вольных. И только шесть десятков строевых ратников. А холопов, вместе с новыми, аж под четыре сотни набирается. Если слабину дать... Не дай Бог. Задавим, конечно, но и сами кровью умоемся. — Дед досадливо стукнул кулаком по колену. — Черт тебя дернул Афоне такой подарок сделать!

— Не эту семью, так другую бы получил, если б доли не лишили.

— То-то, что другую! В последнюю очередь, после десятников и тех у кого серебряное кольцо. А там таких красивых девок не было бы! А ты самый верхний жребий вытянул, такой соблазн. Лука верно сказал: кривые дорожки до добра не доводят. — Дед снова поскреб в бороде. — Ты думаешь: мы жадные — себе получше, молодым ратникам похуже? Дурак! Молодому ратнику нужно то, что ему хозяйство поднять поможет — работники. Такие жребии вниз и кладут. А для баловства у него жена молодая есть или любовница, или то и другое вместе. А тут — один мужик и две девки-красавицы.

— Старым козлам молодость вспомнить?

— А и вспомнить! — Дед начисто проигнорировал мишкино хамство. — Да только в первый же день насильничать не стали бы, а случись дите, вырастили бы, воспитали бы воина для сотни. Или, если девка, хорошо бы замуж выдали — с приданым, честь по чести. И хозяйство вести приученную и все прочее. А Афоня, пока, сам пацан, да в амбаре ветер свищет.

Вот ты на меня тогда обиделся, что я приказ Луки не отменил, а Лука прав был. Во всем! Мы же знали, что полон большой будет, заранее оговорили все с десятниками, прикинули: кому из молодых ратников помощь в хозяйстве нужна. Какую долю для этого надо выделить. Жребии с Аристархом как надо подобрали. Дозорных Лука под конец жеребьевки помиловал бы — дал бы половинную долю. Три последних жребия были с малосемейными мужиками при почти взрослых сыновьях. Самое то, что нужно. И жребии те Аристарх держал отдельно.

— Выходит, я вам все испортил, деда? Прости дурака, я ж не знал, что так все выйдет.

— Да что, я не вижу что ли, что сам казнишься? Рожка у тебя тогда в санях была... Думал убьешь Афоню. А ты все по уму сделал, молодец, внучек. Тебе бы только понять, что в жизни не все по книгам бывает... Поймешь еще, какие твои годы!

— Спасибо, деда.

— Кхе... Ну, что там с Нинеей?

— Не отказалась, вообще хорошо приняла.

— Но и не согласилась? — Догадался дед. — Понятно, на такое ответ сразу не дают.

— Ласковые слова тебе передать велела, хотя и попеняла тоже.

— Ласковые? Ну-ну...

— Сказала, что радуется мудрости твоих первых шагов на воеводстве.

— Это, наверно, за то, что ее уважил.

— Еще сказала, что рада правильному пониманию смысла боярского достоинства в столь юном роду, ничем, кроме воинских подвигов себя не прославившем.

— Ишь ты как! — Дед накрутил на палец ус, видимо сильно волновался, такой привычки за ним Мишка раньше не замечал. — На худородство наше указала! Ну, конечно, с ней нам не ровняться.

— И попеняла. — Продолжил Мишка. — Излишне, мол, заботимся о поддержании ее достоинства, сама, говорит, могу позаботиться.

— Ну, это она соврала! Могла бы — позаботилась. Но, понятно: надо, хотя бы для виду, поломаться, гонор показать — невместно ей перед худородными сразу же... того. Понятно, в общем. Что ж, несколько дней подождем.

— Снега падут, дороги развезет. — Напомнил Мишка. — Да и народ за тыном еще несколько дней держать...

— Честь дороже! — решительно заявил дед. — А за тыном никого держать не будем. Мужиков на выселки отправим — помогать обустроиваться, а бабы с детишками тут пересидят — на подворье, места хватит. Понастроили, ядрена Матрена, ни пройти, ни проехать.

— Бояр-то уже осчастливил, деда?

— Еще вчера. Кхе! Лука с Игнатом ничего, а Леху Рябого аж затрясло, как про свою землю, да про боярство услышал.

— А места им указал?

— Да нет еще. Мы же и не посидели толком, как раз Афоня учудил. Отвлекли. Да и вообще, такие дела на пиру решать надо.

— На пиру? — не понял Мишка. — Важные дела по пьянке?

— Почему же по пьянке? Ты что, не знаешь, зачем князья пиры устраивают?

— Ну... По праздникам, еще для совета с дружиной, еще... не знаю.

— Собирает князь смысленных мужей. — Принялся объяснять дед. — Таких, которые не только путный совет дать могут, но и без которых княжий указ толком не выполнить. Поначалу сильно не пьют, так только, для приличия. Князь заботу свою излагает, потом слушает советы и принимает решение. Называет: кому что делать, с кого за что спрос будет.

Потом начинают пить в полную силу, а князь опять глядит и слушает. Кто не пьет — недоволен, за ним пригляд нужен, но если уж очень сильно пьет, тоже может быть недовольным. Потихоньку языки развязываются, начинают высказывать, у кого что на уме, спорят, ругаются, бывают и морды бьют. И тут такое открывается, что в ином случае никогда и не узнаешь.

А на утро бирючи указ оглашают, и бывает так, что в указе дело поручается вовсе не тому, про кого на пиру говорилось. Но указ составлен и люди все подобраны так, что противники и недовольные — всегда в меньшинстве. Дураки потом ходят и удивляются: "Ох, ну что за князь у нас, что за разумник!". А на деле-то, сами ему все и рассказали.

— Но баб-то на пир не допускают. А как же Нинея?

— Княгиня, обычно сидит, пока настоящая пьянка не началась, потом уходит. Вот и Нинея

посидит, пока разговор о деле будет идти, а потом сама решит, оставаться или уходить. Ты за не нее беспокойся, она лучше нас с тобой знает: как да что.

— Ну вот, будут и про тебя говорить: "Ох, ну что за воевода у нас, что за разумник!".

— Михайла! — дед грозно нахмурился. — Я тебе говорил: уймись со своими шуточками?

В дверь просунулась голова Роськи.

— Господин сотник, дозволю доложить?

— Ну что там еще?

— Девки щенков забрали и не отдают!

— Каких еще щенков?

— Мы от боярыни Гредиславы Всеславны привезли помет трех сук от Чифа. — Принялся объяснять Роська. — Для воинской школы. А они их там тискают их, всякую дрянь в рот суют, а щенки еще и сосать-то толком не умеют...

— Погоди, погоди... — Дед замотал головой, как конь, отгоняющий мух. — Для какой воинской школы?

— Для нашей.

— Тьфу ты! — У деда начало иссякать терпение. — Да знаю, что для нашей! Щенки-то там на хрена?

— Деда, — вмешался Мишка — помнишь ты как-то говорил, что надо Прошке щенка подарить и посмотреть, как он его воспитывать будет. Талант, мол, у парня.

— Кхе... Было чего-то такое... Ну и что?

— Мы будем обучать охрану купеческих караванов. Помнишь, как Чиф засаду почувал? Всех спас тогда.

— Так ты хочешь псов на засады натаскать?

— Да, деда. Раздать каждому из учеников по щенку, пусть сами учатся и псов учат.

— Роська! — Рывкнул дед. — Кто там у девок заводила?

— Машка, то есть Мария Фроловна, она и корзинку из саней...

— Ишь ты: Фроловна... А ну, за волосья ее и сюда!

— Слушаюсь господин... — Роська растерянно умолк. — А как же... за волосья...

— Что непонятно, десятник? — Дед пристукнул деревяшкой в пол.

— Все понятно, Господин сотник, бегу!

— Так. Значит натаскать на обнаружение засад... — Дед одобрительно покивал каким-то своим

мыслям.

— И еще от стрел уворачиваться, а то Чифа...

Голос у Мишки, неожиданно для него самого, дрогнул. Дед сочувственно глянул на внука, вздохнул.

— Кхе... Да, справный был пес... Ты себе-то щенка возьмешь?

— Нет, не буду.

— Что ж так?

— Второго Чифа уже не будет, а другого — не надо.

— Кхе... Ну, как знаешь... А кто же учить пацанов станет?

— Прошка. Будет кинологом Младшей стражи.

— Кем? Михайла, да сколько ж можно?

— Прости, деда. Канис — собака, логос — наука. Кинолог — собаковед.

— Собаковед... Придумают же.

Из-за двери раздался топот ног, девичий визг, в горницу влетела Машка и, споткнувшись о порог, брякнулась на четвереньки.

— А-а-а, деда-а-а! Он меня за косу-у-у...

— Молчать!!! Встать! Сопли подобрать! Волосья оправить! Живо!!!

Машка вскочила на ноги, бодро шмыгнула носом и мгновенно привела в порядок прическу. Только что "во фронт" не встала.

"Да, сэр, хорошо поставленный командный голос и четкая формулировка приказа творят чудеса! В патриархальном обществе. А в демократическом — такое в ответ получил бы..."

— Кто разрешил щенков брать? — Прокурорским тоном поинтересовался дед?

— Им там холодно было, а я...

— Я не спрашивал: тепло или холодно! Я тебя, лахудра, спросил: кто разрешил?

— Никто. Но я же...

— Молчать! Дурищи, щенки еще молоко-то сосать толком не умеют, а вы им что в пасть совали?

— Потрошки куриные...

Дверь снова открылась и в горнице появилась мать. По всему было видно, что пребывает она в настроении самом, что ни на есть, воинственном.

— Анята, я тебя не звал! — Попытался пресечь конфликт в зародыше дед. Но не тут-то было.

Мать гордо откинула голову и совсем не скандальным, но холодным, как лед тоном, заявила:

— Я в своем доме, батюшка, могу и без зова.

— Совсем охренели бабы...

— И поэтому нас можно таскать за волосы и бить лбом об дверь? — Все тем же ледяным тоном осведомилась мать.

— Если приказано, то и об дверь!

— И за что ж такая ласка?

У матери на лице стал медленно проступать румянец. Дед, похоже, тоже начал заводиться.

— А за то, что дура беспросветная, только о баловстве и думает! Если башка ни на что больше не пригодна, то и двери ей открыть не грех. — Дед распалялся все больше. — Это еще не ласка!!! Я так приласкаю, забудет как звали, а не то чтобы не в свое дело нос совать!!! Щенков для дела привезли, а не для игрушек! Чурка осиновая, сосунков потрохами кормить. Я вот тебя саму сейчас сырые потроха жрать заставлю!

Мать выслушала дедову тираду внешне совершенно спокойно, только еще больше раскраснелась. Безошибочно вычленила из всего информационного потока рациональное звено и повернулась к Машке.

— Зачем щенков взяла? Хочешь вместе с Анной нужники помыть?

— Мама-а-а!

— Не реветь!

Мать топнула ногой.

"Блин, что значит: столичное воспитание! Прямо классная дама из института благородных девиц".

Дед, почувствовав в невестке союзника, сразу помягчал и перешел на ворчливый тон.

— Одни игрушки в голове, ну хоть бы чего-нибудь путное...

— Вот и нет! — неожиданно выпалила Машка. — Я из самострела стрелять выучилась!

"Извивы девичьей логики: где щенки и где самострелы... Блин!!! Как это выучилась?!".

Дед словно прочел мишкины мысли:

— Как это выучилась? Кто позволил... Кто учил?

— Кузька. — Тут же заложила двоюродного брата Машка. — Он новые штаны порвал, боялся, что мать ругать будет. Я зашила. А он на следующий день рубаху располосовал, и опять ко мне. Я и говорю: буду тебе все дырки зашивать, сколько не прорвешь, а ты учи стрелять. Я уже от тына в тряпку на четвертой вешке попадаю.

— Да я и тебе и Кузьке... Нет, Анята, ты слыхала?

— Слыхала. Но мы, батюшка, еще с первым делом не решили.

— С каким таким первым?

Мать всем корпусом развернулась к Мишке и глянула так, что тот оторопел.

"Ох, да у нее не хуже, чем у Нинеи получается — царица разгневанная!"

— Ты! — Мать словно выстрелила этим словом Мишке в лицо. — Ты, когда Немой со мной грубо обошелся, кинулся меня защищать! Сейчас твой Роська, так же обошелся с твоей сестрой. Почему смолчал?

"Ой, мама..."

Мать развернулась к деду и снова, выстрелила словами:

— Оба раза по твоему приказу, Корней Агеич! Ладно там — среди своих, а здесь — на глазах у холопов!

Дед попытался что-то ответить, даже уже открыл рот, но мать, остановив его жестом, повысила голос.

— Ты о чем думаешь, старый? Одна внучка воеводы с драным задом нужники моет, вторую при всех за волосы тягают. Сколько еще холопов придется Бурею отдать, чтобы они разницу между собой и нами усвоили?

— Ты! — Мать развернулась к Роське. — Мария — твоя сестра! Что бы ты сделал, если бы кто-то чужой ее обижал? Так не веди себя, как чужой!

Вид у Роськи был несчастней некуда. Похоже, что Анну-старшую он чуть ли не боготворил, и сейчас был готов умереть, лишь бы не слышать обращенных к нему ТАКИХ слов.

— Ты! — Машка дернулась, как от удара, испугано вытаращилась на мать. — По-твоему внучка воеводы, дочь павшего воина, может позволить себе визжать, как свинья? Молчи! Сцепи зубы и молчи! Глаза обидчику выцарапывай, руками и ногами бей по чему ни попадя, но молча! Ты — не раба, никто к тебе пальцем прикоснуться не смеет!

И думай! Все время думай и помни: ты постоянно на глазах у людей. Дурой выглядеть не имеешь права, потому, что дурой выглядит не давка Машка, а внучка воеводы, и это — укор для всей семьи. Привез Михайла щенков. Холопка любопытный нос сунет, по носу за это и получит. А воеводская внучка, если ей это нужно, просто спросит: что и зачем. И никто воеводской внучке... — Мать снова слегка повысила голос. — И никто воеводской внучке не ответит: "не твое дело", тем более, при холопах. Никогда! Понятно?

— Угу... — Прогундосила Машка. — Понятно.

— А теперь, — мать обвела взглядом всех присутствующих — слушайте приказ воеводы Корнея Агеича!

— Кхе!

Мать и не подумала обернуться на голос деда, лишь повторила с нажимом:

— Приказ воеводы Корнея Агеича! Десятник Младшей стражи Василий!

— Я, госпожа... боярыня Анна Павловна!

— Сестру Анну из сарая освободить. Вежливо! Отвести в дом — на кухню. Листвяне велеть Анну накормить. Но не очень обильно. Еще скажешь Листвяне, что Анну надо после сарая да нужников помыть и одежду выстирать.

— Слушаюсь, матушка боярыня!

Роська сунулся к дверям, но мать остановила его:

— Погоди, не убегай. Еще не все. Ты, Мария...

— Мама...

— Молчи! Слушай приказ! Выпрямись, руки опусти, косу не тербить! Глазами не елозь, смотри прямо... Да не по коровьи! Ладно, это — потом.

Приказ тебе такой. Если уж взялась за щенков — ответ за них теперь на тебе. Чтобы были накормлены, ухожены, здоровы и веселы. Сама за стол не садись, спать не ложишься, пока щенки не обихожены. Ночью — вставать к ним два раза, я прослежу. Это — первое.

Теперь — второе. Приставлю к тебе двух девок. Ничего сама руками делать ты больше не должна. Запрещаю! Все — через девок. И чтобы: ни крика, ни ругани, ни рукоприкладства! Сумей то, что надо, объяснить спокойно и вежливо. Ослушаешься — буду хлестать по щекам, для пущего румянца. Я — мать, мне — можно. И чтобы девки твои были аккуратны, благообразны, бойки и веселы. Спрос — с тебя.

Кроме заботы о щенках, на тебя возлагается забота о холопском жилье. Каждый день будешь обходить все места в усадьбе, где живут холопы. Смотреть: чтобы было прибрано, чтобы не было больных, чтобы были ухожены дети. Примечать: не холодно ли, не сыро ли, нет ли сквозняков, чистый ли воздух.

Замеченный непорядок приказывай устранять самим холопам, если же будет что-то трудное — говори мне. Если с каким-то нужным делом твоим девкам будет не справиться, тебе поможет десятник Василий.

Мать развернулась к Роське.

— Тоже — не сам! Работать — холопским мальчишкам, вразумлять нерадивых — твоему десятку. Взрослых холопов от дел не отвлекать. Если что — к старшине или ко мне. Учитесь повелевать людьми, но, самое главное, повелевать собой. Тебя, Мария, это особо касается. Анне потом тоже девок дам и обязанности подберу. Воевода Корней все сказанное утверждает.

— Кхе! Утверждаю! И смотрите у меня... Не дай Бог... Кхе!

— Ступайте, ребятки... Куда? А старшему поклониться?

Машка и Роська торопливо отмахнули поклон деду и шмыгнули за дверь. Мать обернулась к Мишке.

— Миша, ты для чего щенков привез?

— Мы охрану караванов обучать будем, собака засаду всегда раньше человека почует.

— Понимаю.

— Хочу, чтобы Прошка обучением собак занимался.

— Правильно. — Одобрила мать. — Вот ведь дал Бог таланту, они же с покойным Чифом такими приятелями были, чуть ли не из одной миски ели. И с любой другой скотиной у Прохора хорошо выходит. Бабы у колодца треплются, что он звериный язык знает. Ты сколько щенков привез?

— Одиннадцать.

— А про то, что крестникам своим по одному щенку дать собирался, помнишь?

— Помню.

Мать снова развернулась лицом к деду, но голос ее утратил властность и резкость — почтительная невестка обращалась к батюшке свекру.

— Батюшка, сколько Никифор учеников привезет?

— Договаривались на десяток или дюжину.

— Значит, на всех не хватит. А я еще хотела бы Анне с Марией по щеночку.

— Кхе, а им-то кого охранять?

— Самих себя. Девам скоро пятнадцать, парни уже заглядываются. Да и воеводские внуки — всякому лестно, долго ли до беды?

— Да у нас отродясь такого не было! С холопками, разве что...

— Нет, батюшка, теперь жизнь другая пойдет, да и пошла уже давно, только не очень заметно. А теперь виднее станет. Ты же в больших городах бывал и жил подолгу, должен понимать.

— Так то — в городах.

— В Ратном, без малого, тысяча человек теперь. — Напомнила Анна-старшая. — Три-четыре урода на тысячу обязательно найдутся.

— Кхе...

Мать обернулась к двери и негромко окликнула:

— Жива!

В дверь просунулась девчонка.

— Слушаю, матушка боярыня!

— Живушка, сбегай к соседям справа, позови отрока Прохора, скажешь: сотник Корней кличет. Приведешь к нам. Ступай.

"Опаньки, уже и девчонка на побегушках имеется, глядишь, скоро фрейлинами жаловать"

будет. И откуда что берется? Хотя, дочка богатейшего Туровского купца... По нынешним временам между купеческой верхушкой и боярством разница невелика. По деньгам — неизвестно, кто еще круче. Оружием большинство купцов владеет вполне профессионально, без этого на Большой Дороге не выжить. Вооруженные отряды у купцов, хоть и небольшие, но имеются. Холопов купцы держат, разве что пашенных крестьян у них нет, зато домашняя челядь и у бояр, и у купцов.

Правда, площадка для общения у купечества и боярства только одна — торжище. Но бабы, похоже, общаются активнее, мать в Турове очень быстро старые связи восстановила. Пожалуй, "дворянским замашкам" удивляться не следует".

— Кхе! Не рано ли боярыней величаться стала, Анюта?

— Для них — мать качнула головой в сторону двери — мы бояре. И никак иначе!

— Тоже верно... Кхе. Значит, благородное воспитание девкам дать хочешь? А замуж выдавать в Туров повезешь? Да ты сядь, Анюта, чего стоять-то?

— А почему же и не в Туров, батюшка? Или нам родственные связи в стольном граде не нужны?

— Кхе, вот не было печали. И не выпори ее, и за волосы не потаскай, боярышня, ядрена Матрена. А она еще и из самострела... Да! — Спыхватился дед. — Анюта, это еще что такое? Ты куда смотрела? Девка с оружием!

— Был же у тебя об этом разговор, батюшка. Я знаю.

— Знает она... Все-то вы, бабы, знаете... Ну и что, что был? Я не решил еще ничего.

"А что, сэр, леди Анна права: связи в столице — великое дело. Эх, была ни была!"

— Деда, — Мишка заговорил таким тоном, будто цитирует текст какой-то книги. — Благородным девицам должно владеть посильным для них оружием, ездить верхом и уметь вести себя на людях. Хоть бы и в княжеском тереме.

— Баба? Верхом? Михайла, ты же ничего, кроме кваса, не пил! — Дед сделал вид, что принимает. — Или пил?

— Есть специальные женские седла, чтобы боком сидеть. — Мишка проигнорировал дедовы подозрения. — И специальное платье для верховой езды. «Амазонка» называется.

— Анюта, кто из нас рехнулся? Я или он?

— Погоди, батюшка. — Мишкин расчет на женскую реакцию полностью оправдался. — Что за платье Миша?

"Отлуп Вам, господин сотник, женщина о новом фасоне платья услышала, да еще портниха. Всё, Ваш номер — шестнадцатый, Ваше место в буфете".

— Сверху узкое, особенно в поясе. — Принялся объяснять Мишка, изображая руками некий колоколообразный контур. — Юбка у пояса в складочках, а к низу расширяется очень сильно, чтобы с обеих сторон коня свисала. Спереди до земли не достает, чтобы носки сапог видны были, сзади хвостом волочится. Под него надевается несколько нижних юбок, чтобы пышно

было.

Под платьем сорочка с кружевным воротом стоячим, вот так, до самых ушей. На горле брошь держит кружево свернутое... — Мишка поискал подходящее сравнение, не нашел и решил назвать своим именем: — Жабо называется, я тебе потом нарисую. Из рукавов тоже кружева торчат, закрывают ладонь до пальцев. На руках перчатки такого же цвета, что и платье.

На голове — шляпа, шапка такая с полями, обернута кисеей и концы на спину спускаются. Это тоже потом нарисую. Вообще-то кружевной ворот можно отдельным сделать, только прикалывать или прихватывать на живую нитку...

На протяжении всего мишкиного монолога дед сидел с таким видом, словно в его присутствии творится что-то крайне неприличное, а он, по независящим от него причинам не может вмешаться. Наконец, старый солдат не выдержал:

— Михайла! А ну-ка соври, что это тоже в книгах отца Михаила есть.

— Зачем врать? — Мишка изобразил оскорбленную невинность. — Я эту книгу в Турове на торгу видел у ляхского купца. Не продавалась, да и писана не по нашему, но картинки он мне дал посмотреть, и объяснил кое-что. Книга называлась: "О благородном искусстве верховой езды и охоты на полевою дичь".

"Врете, сэр, и даже не краснеете, Нинеи на Вас нет".

— И он тебе так все подробно рассказал? — Не сдавался дед. — С чего бы это?

— А это тот лях, деда, который сразу полсотни наших матрешек перекупил. Он, как узнал, что их я делал, сразу таким разговорчивым стал. Ну, я и попользовался.

— Тьфу, ядрена Матрена, ну на все у него ответ есть!

Сбить мать с портновской темы, однако, было не так-то легко.

— Что ж ты сердисься, батюшка? Мне Никифор говорил про того купца, все так и было. Миша, а еще там какие-нибудь платья были нарисованы?

— Нет, мама, только мужики: с луками, с самострелами, с соколами — это же про охоту книга. Я что подумал, мама. Если мы на будущий год опять поедем воинское учение представлять, и Анька с Машкой в таких платьях по кругу проедут, да хоть по разу из самострелов выстрелят — женихи у нас на заборе гроздьями висеть будут. Выбирай — не хочу!

Реакция матери была молниеносной:

— Батюшка, надо нам на будущий год опять в Туров ехать.

Дед в ответ, лишь обреченно вздохнул.

"Замужество дочерей — святое дело. Не становись на пути — сшибет, как электричкой".

Однако не тем человеком был сотник Корней, чтобы оставлять за кем-нибудь последнее слово.

— До будущего года еще дожить нужно, Анята, пока что и так хлопот полон рот. Ты вот девкам задания раздала, а я — тебе. Платья там всякие, седла бабьи... Тьфу, и говорить-то противно. Ладно, с этим сама разбирайся. А с самострелами, раз уж начали... Назначаю тебя бабьей

десятицей, даже, полусотницей. Учи всех подходящих баб и девок из семьи. Разбирай их на десятки, ставь над ними десятниц. О самострелах с Лавром сама договаривайся. В поле не води, бери тот кусок тына, к которому наше подворье примыкает. Велишь мужикам, чтобы подходящий помост изладили, лестницы и все прочее. В общем все так, будто бы вам тут оборону держать, если в осаду сядем.

Михайлу, тебе, Анюта, в помощники назначаю, пока с воинской школой на эту... Михайла, как ты говорил?

— На базу.

— Пока он с воинской школой на базу не отъедет... Ох, не лежит у меня душа к вашим игрищам, ну какой у девок порядок может быть? Перестреляете друг друга...

— Порядок будет, батюшка, да такой, что ратникам не снился. — Твердо пообещала мать. — Не беспокойся.

— Кхе! Дай-то Бог. Ты Прошку-то зачем позвать велела?

— Щенков на всех не хватит, батюшка, пусть пробежится по селу, вызнает, где еще взять можно, и что взамен попросят.

— Пустобрехов бы не набрал, — озаботился дед — такие псы, как Чиф был — редкость.

— Это Прохор-то пустобрехов наберет? — Мать преувеличенно удивленно подняла брови. — С его-то талантом?

— Кхе, тоже верно.

* * *

Следующие несколько дней стали для Мишки настоящим кошмаром. Допросы с пристрастием, которые учинили ему мать и сестры по поводу покроя «амазонки» довели его до полного отчаяния. Уже к концу первого дня у Мишки созрело твердое убеждение, что воспетый классикой американской литературы капитан Батлер, был либо абсолютно вымышленным персонажем, либо извращенцем и психом одновременно.

Ну не мог нормальный мужик, тем более офицер-артиллерист, так досконально разбираться в женских тряпках. В противном случае, он, вместо клевого прикида, видел бы на любой женщине лишь сложный набор: выточек, клиньев, пройм, вставок, прошивок, рюшечек, фестончиков, оборочек и еще черт знает чего — начисто отбивающий всякий интерес не только к самой тряпочной конструкции, но и к тому, что находится внутри нее.

В конце второго дня исполнения, столь опрометчиво взятой на себя роли кутюрье, очевидно находясь в состоянии временного помрачения рассудка, Мишка проговорился бабам о таком дьявольском изобретении, как кринолин, после чего и вообще начался сущий ад. Сколько обручей должно быть? Какой ширины? А как в этом сидеть? И так далее и тому подобное. Как в этом сидеть, Мишке никогда и в голову не приходило задуматься, об остальном, в общем-то, тоже. И деваться некуда — домашний арест.

Утром третьего дня Мишка проснулся в холодном поту. Всю ночь его терзал кошмар: его собственные чертежи, сделанные углем на столе, во сне ожили и накинулись на Мишку, размахивая отрезами тканей, и терзая его плоть иголками, булавками, ножницами и прочим

портновским инструментом.

"Блин! Ну это ж надо было умудриться устроить самому себе такой геморрой! Ядрена Матрена, как изволит выразаться его сиятельство граф Корней Агеич. Помнится, сэр Майкл, после визита к чете князей Туровских, Вы подыскивали себе место в одной из питерских психушек? Позвольте отдать должное Вашей прозорливости, сэр. Актуальность вопроса не подлежит сомнению.

Вчера, если Вы изволили обратить внимание, при посещении раненых, один из них смотрел на Вас так, словно намеревался осведомиться о вашем душевном здоровье. Это, когда Вы, сэр, позволю себе напомнить, завели с маэстро Артемием разговор о дамских головных уборах, употребляемых в тех регионах необъятной земли Русской, где упомянутому маэстро Артемию довелось пребывать на гастролях.

И так, сэр Майкл, в дурдом! В дурдом! Труба зовет!

Имеется, впрочем, и альтернатива: рассказать бабам о корсетах и бюстгальтерах, а потом пойти на реку и утопиться. Лед на Пивени уже слабый, вот-вот ледоход начнется, так что, долго мучатся не будете. Смею Вас уверить, сэр: Бог тоже мужчина, Он поймет Вас и простит.

С другой стороны, сэр, есть смысл с радикальными решениями особенно не торопиться. Во-первых, интересно посмотреть, чем же это все закончится, во-вторых, не Вы один мучаетесь, что истинно цивилизованного человека не может не радовать".

Мишкин "внутренний собеседник" был прав. Досталось-таки от баб и деду. Для решения проблемы дамского седла был привлечен шорник, тоже оказавшийся в числе новых холопов (умел Лавр подбирать кадры, не отнимешь). Седел он делать не умел, и ему, для ознакомления с предметом, было отдано на растерзание одно старое — из дедовых запасов.

Седло шорник успешно распотрошил, но дальше дело не пошло. По мишкиной подсказке было решено отправить шорника "на стажировку" к ратнинским кожевенникам, а для переговоров был командирован дед. Вернулся он только вечером, пьяным вдрызг, озадачил публику безапелляционным заявлением, что лошадь от подобной срамотищи на спине обязательно сойдет с ума и, с трудом удерживая вертикальное положение, направился в оружейную кладовую.

"Тенденция, однако! Вы не обратили внимания, сэр Майкл, на то, что лорд Корней, после каждого случая неумеренного употребления горячительных напитков, обязательно направляется в арсенал? Возможно, причина подобного поведения заключается вовсе не в милитаристских наклонностях господина сотника, а в том, что по соседству находятся апартаменты нашей общей знакомой по имени Листвяна? А что Вас, собственно, удивляет, сэр? Как писал классик: "Любви все возрасты покорны!".

Единственным мужчиной, не испытывавшим никаких неприятных ощущений от мобилизации на портновские работы оказался Лавр. Задание на изготовление металлической фурнитуры для дамских туалетов он, по-видимому, воспринял в качестве новой увлекательной технической задачи и принялся за ее решение с энтузиазмом истинно творческой личности. Увы, сочетание этого энтузиазма с технологическими возможностями XII века, грозило увеличить вес дамского облачения сразу на пару килограммов, из расчета на одну персону.

Как известно, человек такая скотина, что привыкает ко всему. Постепенно, оставил мысли о

корсажных изделиях с суицидом в придачу и Мишка. Поспособствовало этому одно, совершенно случайно найденное, удачное решение.

Окончательно убедившись в своей неспособности вообразить, как и из чего можно сделать цилиндр, полагавшийся к «амазонке» в качестве головного убора, Мишка вспомнил об испанской мантилье, которая накидывалась на голову поверх специально для этого предназначенного высокого гребня. Нарисовать этот гребень труда не составило (Мишка однажды видел его на какой-то выставке), а подключенный матерью к работе холоп — резчик по дереву — выполнил заказ уже на следующий день.

Да, гордые испанки знали, что делали! Мишка сам поразился тому как преобразилась Мария, воткнув гребень в узел волос на затылке и накинув на него большой платок из тонкого полотна. Изменилась все: осанка, выражение лица, поворот головы, даже, кажется, голос.

Обновку перемеряли все женщины по очереди и, хотя они могли видеть свое отражение только в кадучке с водой или начищенном серебряном блюде, вывод был однозначным: в Турове все бабы лопнут от зависти. Решение оказалось удачным не только с точки зрения эстетики, но и по идеологическим параметрам. Средневековая мода, что в Европе, что на Руси, требовала от женщин укутывать голову весьма тщательно.

Удивительного в этом ничего не было. На исходе первого тысячелетия нашей эры климат в Европе резко посуровел. Еще в девятом веке на всей территории Англии вызревал виноград, а Гренландия, по крайней мере ее южная часть, была покрыта лесами (оттуда, кстати, и название "Зеленая страна"). А уже в одиннадцатом веке в Европе зимой трещали морозы. В замках и башнях с не застекленными окнами (хоть и совсем маленькими) и без того гуляли сквозняки, а уж когда температура стала опускаться ниже нуля... У мужчин вошли в моду головные уборы с наушниками, а женщины принялись накручивать на голову матерью в несколько слоев.

Сказали свое веское слово и санитария с гигиеной, вернее их полное отсутствие. Стада вшей и других паразитов кормились не только на телах простолюдинов, но и на телах дворян, даже на особах королевской крови. Плюс бесконечные эпидемии.

Все это настолько негативно сказывалось на внешности, что зачастую с рожами прекрасных дам, по части чистоты, нежности и благообразия, запросто могла посоперничать подметка солдатского сапога (если не была очень уж стоптанной).

Естественно, подобные изъяны необходимо было как-то прикрывать, а против тех, кому повезло, например, не подхватить ветрянку, и сохранить приятную внешность, тут же пускались в ход обвинения в нескромности, безнравственности, развратности и... Понятно: прекрасные дамы в способах устранения конкуренток не стеснялись никогда.

Святая же церковь подобную строгость нравов (пусть и вынужденную) только приветствовала. Женщина есьм сосуд греха, а потому упаковывать сие средоточие мерзостей необходимо максимально тщательно, и лучше, если в несколько слоев. Во избежание!

На Руси с ее традициями ежедневного умывания и регулярных банных процедур с гигиеной дела обстояли гораздо лучше. В домах, тоже, было теплее и чище. Но эпидемии славян не щадили, уродины симпатичных конкуренток не щадили тоже, а отношение православных святых отцов к "сосудам греха" практически ничем не отличалось от отношения их католических коллег.

Именно поэтому легкомысленная шляпка, обернутая кисеей запросто могла быть объявлена порождением Князя Тьмы, и предана анафеме под аплодисменты "общественного мнения". Мантилья же, выдержавшая даже испанские строгости, скорей всего, не должна была вызвать нареканий и у православных ревнителей нравственности.

Впрочем, проблем могло возникнуть вполне достаточно и без легкомысленных шляпок. Когда платья были, все-таки, сшиты (Машке — амазонка, Аньке — просто платье, но на кринолине), Мишка, глянув на сестер, испытал что-то вроде легкого шока.

Глаз уже привык к свободно ниспадающим одеяниям, в основном, широким, прямого покроя длиннополым рубахам, перехваченным в талии ремешком или вышитым поясом начисто скрадывающим очертания фигуры (кроме, разумеется, такой, как у Алены, такое не спрячешь). Поэтому приталенные, с узким, подчеркивающим грудь, лифом, платья вызывали... Мишка, например, вспомнил далекие шестидесятые годы, и свои ощущения от впервые увиденной девушки в мини-юбке.

"М-да, гроздь женихов на заборе, пожалуй, еще не самое страшное, сэр. Как бы нам массовых беспорядков в столице не спровоцировать".

— Проклянут, мама, от церкви отлучат, — попытался Мишка высказать свои опасения — плетьюми из города погонят...

— Нет, Мишаня, не проклянут. — Мать тонко улыбнулась и еще раз окинула довольным взглядом плоды своих трудов. — И из города не погонят. Княгиня — тоже женщина... и ближние боярыни.

— Да один отец Илларион всех твоих боярынь...

— Пусть только попробует. Поломанные кости в языческой ловушке ему райским наслаждением покажутся. Только он рисковать не станет — не дурак.

Как заметил умница Экклезиаст: "Все проходит", закончился, наконец, и мишкин домашний арест. Однажды утром, когда Мишка излагал деду очередной прожект, в горницу сунулась материна сенная девка Жива и сообщила, что пришел Илья, и принес какое-то известие, но в дом зайти стесняется. Дед и внук, оба хромя на правую ногу, выбрались на двор под весеннее солнышко.

— Здорово Илюха! Давно не виделись! — Поприветствовал обозника дед.

— Здрав будь Корней Агеич, здравствуй Михайла. Вот, на службу пришел, Бурей меня отпустил.

— Так служить пока нечего, — сотник Корней сожалеющее развел руками — может новости какие есть?

— Новости есть. — Бодро отозвался Илья. — Афоне жена чуть второй глаз не выцарапала: и за распутство, и за то, что холопов упустил. Он ей про серебро, а она монеты в кашу высыпала, «жри», говорит.

— Кхе, сурово... А и поделом! Чего еще нового слышно?

— А еще: у Михайлы рука легкая оказалась — Афоню теперь иначе, как кобелем и не кличут. А

бывает, что и кривым кобелем.

— Кривой кобель это... Кхе! Смачно! Умеет народ назвать. Долго еще пустомелить будешь? Не с этим же пришел?

— Правда твоя, Корней Агеич, не с этим. Ты вот недавно Михайлу к волхве посылал.

— Ну да? — ненатурально изумился дед. — А зачем?

— Как зачем? У нее деревня пустует, а тебе холопов девать некуда... Ой!

Илья испугано прикрыл рот ладонью. Дед сокрушенно покачал головой.

— Всё знают, ну что ты поделаешь? Ну, и что же она мне ответила?

— Так кто ж знает? С другой стороны, холопов ты к ней не ведешь, так что, по всему выходит — она тебе отказала. Тем более, что и знамена нынче на том берегу объявились.

— Какие знамена?

— Обыкновенные — на дереве затес сделан, а на затесе знак выжжен.

— Что за знак? — деловито осведомился дед, сразу же став серьезным и сосредоточенным.

— Неведомо! Таких знаков никто никогда не видел.

— Ну-ка, изобрази, вон около стены земля оттаяла.

Илья нацарапал щепочкой что-то отдаленно напоминающее знак равенства, только с очень толстыми черточками. Даже не черточками, а, скорее, сильно вытянутыми прямоугольниками. В середине каждого прямоугольника имелся полукруглый вырез.

— Кхе... И я не видел. Михайла, что скажешь?

— Не знаю, деда, что-то знакомое, но никак не соображу. Вообще-то, есть правило: чем проще знак, тем древнее род.

Дед снова принялся допрашивать Илью:

— Когда, говоришь, знамена появились?

— Сегодня с утра заметили. Видать, ночью ставили.

— Ночью выжечь, и чтобы дозорный не заметил? — Усомнился Корней

— Да, без огня не выжжешь. — Согласился Илья. — Значит, вчера.

— От кого вчера дозорные были?

— Десяток Фомы, вроде бы.

— Совсем распустились, у них под носом... Илюха, ты служить пришел? Тогда быстро ко мне Фому зови!

В этот момент Мишка все-таки понял, что напоминает ему нацарапанный Илейей знак.

— Вспомнил, деда! Знаю, что это такое! Ярмо, в которое быков запрягают!

— И правда, Корней Агеич, похоже на ярмо. — Приглядываясь к собственному рисунку, поддержал Мишку Илья.

— Кхе... Ярмо разъятое. — Дед поскреб в бороде и вдруг озабоченно нахмурился. — Промахнулись мы с тобой, Михайла. Тут не тридцатью коленами пахнет, а как бы и не сотней...

— Две с половиной тысячи лет? Не может быть!

— Может, Михайла, очень даже может... Удивительно, конечно, даже жуть берет, как подумаешь, но может.

— Деда, ты о чем это?

— Сказка, конечно, языческая, и христианам ей верить не след, однако же в те времена никакого христианства еще и в помине не было... Знаешь, откуда у людей ремесла и знания появились?

— Ну...

"Не желаете ли, сэр, процитировать сочинение господина Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства"? Не желаете? Ну и молчите в тряпочку!"

— Не знаю, деда.

— Кхе... В незапамятные времена, когда люди жили в дикости, землю не пахали, ремесел не знали, городов не строили, Сварог сбросил с небес на землю три золотых предмета: ярмо, чашу и то ли серп, то ли топор — по-разному рассказывают. Люди те предметы подобрали и через это постигли разные умения и ремесла. Кхе... Так вот, если на знаменах — то самое ярмо... Понимаешь?

— Понимаю, деда... Но это же — согласие! — Осенило Мишку. — Ниня нам показывает истинную древность своего рода, чтобы понимали. И в то же время... Мы признали ее боярские права, в том числе, на земли и знамена, а она показала, что признает наше признание... то есть...

— Заблудился ты языком, Михайла, но мыслишь верно.

— Надо, деда, тебе к Нинее ехать.

— Погоди, такие дела суеты не терпят, опять же с беспорядком разобраться надо — Фоме мозги вправить. Вот что, Илюха, зови-ка ты ко мне всех десятников. И Аристарха тоже. Зачем зову, не говори, позвал, мол, и все. Кроме Аристарха, ему обскажи, пусть подумает, как будем Фому наказывать.

— Корней Агеич, — спохватился Илья — так не все еще, про знамена-то!

— Чего ж молчишь-то?

— Так мудрость послушать, когда еще доведется...

— Илюха!!!

— Да... Это самое... Собака там. На шее вроде бы грамотка берестяная привешена, но никого к себе не подпускает. И не уходит — ждет чего-то.

— Деда, это, наверно, одна из нинеинных собак, — догадался Мишка — они меня знают.

— Ну, так не стой, верхом-то сможешь?

— Боюсь ногу разбередить,

— Тогда в санях, грязища, конечно, но проедешь. На лед не выезжай, по мосткам пешком пройдешь. Давай, давай, не тяни! А ты, Илюха, зови десятников. Хотя... Михайла, я с тобой поеду, надо самому на знамена глянуть. Илюха, не стой! Чтобы к моему возвращению десятники здесь были!

На другом берегу Пивени действительно оказалась одна из нинеинных собак. Узнав Мишку, она энергично завилала хвостом и, подбежав, отвернула голову в сторону, подставив открытую шею — знак полного подчинения у собак и волков. Мишка вытащил из веревочной петли свернутую в трубочку бересту и протянул «почтальону» специально припасенный кусочек мяса. Собака сглотнула угощение, еще раз вежливо вильнула хвостом и потрусилась домой.

— Михайла! Ну что там?

Дед, специально, чтобы не отпугнуть собаку остановился на середине мостков.

— Нинея Роську зовет!

— Зачем?

— Не написано!

— Погоди, сейчас подойду!

Дед подошел, забрал у Мишки бересту и по стариковски дальнозорко отставив грамотку прочел:

— Пришли Ёшу. Что за Ёша?

— Нинея дозналась, что Роська ятвяг, и что мать звала его Ёша.

— Надо же! Ятвяг. — Кажется дед уже начал привыкать к постоянным сюрпризам, порождаемым внуком, и удивился не очень сильно. — И зачем он Нинее понадобился?

— Я думаю, она твоего приезда ждет и хочет принять честь по чести, значит кто-то должен тебя у порога встретить, в дом провести, всякое уважение оказать. Самой боярыне Гредиславе, наверно, невместно тебя на улице встречать, а кроме малышни у нее никого нет. А Роську она уже знает, парень смысленый.

— Кхе, может и так. Давай-ка на знамена глянем.

По обеим сторонам дороги, начинавшейся от берега Пивени, на стволах двух самых крупных деревьев были сделаны затесы и выжжены знаки "разъятое ярмо".

— Вот ты, Михайла, говоришь, что у Нинеи никого, кроме малышни, нет. Кто ж тогда эти

знамена ставил? Не сама же она тут топором махала?

— Да, деда, интересно...

— Куда уж интереснее. Кто-то ей поля жнет, кто-то дома в порядке содержит, теперь вот, знамена. Помнится, ты грозился, что Младшая стража выследит, разузнает... Не раздумал?

— Не раздумал.

— Ладно, поехали домой.

— А Роська?

— А что, Роська? Попросила боярыня — отправим. Пошли, пошли — десятники уже собрались, поди.

"Итак, сэр Майкл, еще одна загадка в общую копилку. Разобраться Вы, конечно, лихо пообещали. Однако, позвольте Вам заметить, что бывают загадки, которые лучше не разгадывать — "меньше знаешь — крепче спишь", а то и "дольше живешь". Нет, эту загадку разгадывать надо. Конечно, ни о каком крупном восстании язычников сведений до XX века не дошло, но вдруг, все-таки, было?"

Есть тут одна географическая заковыка. Пинск есть сейчас и есть в XX веке. То же самое и со Слуцком, Мозырем, Минском, Витебском и Полоцком. Есть сейчас еще и Клецк. А в XX веке — не знаю. И это все — северная часть Турово-Пинского княжества или Полоцкое княжество. А вот южнее Припяти... Туров превратился в захолустье. Черторыйск, Дрогобуж и Переспница в XX веке, если не ошибаюсь, отсутствуют. А вот Шепетовка и Сарны есть в XX веке, но отсутствуют сейчас.

Такое ощущение, что южнее Припяти все, как будто смело метлой или очень сильно повредило. А потом здешние места осваивались заново. Прямо уверуешь, что Чернобыль, на этих землях, не первая катастрофа. А если восстание, все-таки было, и Рюриковичи осуществили здесь "тактику выжженной земли"?

Европейские хроники, византийские хроники... Привыкли мы в XX веке, что "Голос Америки" и "Радио Свобода" знают все чуть ли не лучше нас. А если не осталось свидетелей? Заросло все лесом, затянуло болотами. Могли Рюриковичи объединиться для подавления серьезного восстания? Против татар не смогли, но до этого еще сто лет дробления, междоусобиц, разложения.

Допустим, пока они на объединение еще способны. Удар с четырех сторон: с севера — полочане, с востока — черниговцы, с юга — киевляне, с запада — волынцы. "Регулярные части" профессионалов, против лесовиков. Вон Илларион — всего двумя сотнями, не зная местной специфики, попадая в засады и ловушки, разнес не то два, не то три городища и неизвестно сколько мелких поселений. Это Кунье городище было хоть как-то укреплено, а вообще-то, тын вокруг древних поселений вещь редкая — достаточной защитой являются сами лесные дебри, да болота. К большинству городищ можно добраться только по воде или зимой по льду. Есть, конечно тайные пути и по суше, но знают о них немногие. Впрочем, как доказала экспедиция Иллариона, добыть эту информацию можно, и если Рюриковичи возьмутся за дело серьезно, никакие леса не уберегут.

От Иллариона небольшая часть населения сумела сбежать, но им было, куда бежать, а если обложат со всех сторон... Трупы и обгорелые развалины, а уцелевших — в холопы. Через пару

десятков лет на месте деревянных построек не останется вообще ничего.

Что можно этому противопоставить? Два момента: крепкую свару между Рюриковичами и профессионально подготовленную, хорошо вооруженную армию.

Крепкая свара... Она будет, только вот, когда? Владимир Мономах, при смерти. Мужиком он был крутым, половцев драл как помойных котов, так что, всю эту оппозицию Мономах задавил бы, вопросов нет. А преемник? Кто он? Допустим, боярин Федор прав и в Киеве сядет Мстислав, сколько лет он еще править будет? Ничего не знаю — как слепой. Может с него чехарда на киевском столе и начнется?

Помнится, был период, когда киевские князья менялись как перчатки. Когда это начнется? Через год или через пятьдесят лет? Если через год, тогда возможно все, вплоть до попытки языческого восстания. А если через пятьдесят... Меня это уже не колышет. Были какие-то выступления волхвов, но когда? Ни хрена не помню, да и вряд ли в летописях писали правду... Что ж я еще-то про этот период знаю?

Да! Во время этой чехарды на Киевском столе, там успел недолго посидеть Юрий Долгорукий, даже, кажется, дважды. Ну и что мне это дает? Когда я еще был ТАМ, праздновали восьмисотпятидесятилетия Москвы. В каком году? Кажется в 1997, значит Москву основали в 1147. Будем считать, что так. Значит, осталось двадцать два года. Возраст городов у нас считается не от действительного основания, а от первого упоминания в документах. Где-то я читал, что Москва упомянута, как раз, в письме самого Долгорукого: кого-то он в гости приглашал... даже текст, вроде бы помню: "Приди ко мне на Москву".

Мог он быть в это время Великим Киевским князем? Мог! И был он в этой чехарде на Киевском столе далеко не первым и не последним — где-то в середине списка. То есть, за оставшиеся двадцать два года власть в Киеве сменится четыре — пять раз.

Это — если я насчет Юрия Долгорукого не ошибаюсь. А если ошибаюсь? Почему он на Киевском столе дважды сидел? Выгоняли? Тогда кто? Долгорукий сын Мономаха, а мать говорила, что Мономах сел в Киеве незаконно — династическое старшинство было за кем-то из черниговских князей. Да! Помню, что-то такое не то в школе проходили, не то сам где-то читал: многолетняя вражда между Мономашичами и Ольговичами.

Неужели начинается? И какие-нибудь волхвы, просчитав полученную через свою агентуру информацию, сочли обстановку для себя благоприятной? А я, умный такой, все это вычислил, обладая минимумом информации?

Много о себе представляете, сэр Майкл. Не знаете, Вы, любезный, истории своей страны. А раз «плаваете» в теории — будете изучать ее на практике, если выживете, разумеется. И все! Больше мне тут ловить нечего: знаний — крохи, и из этих крох большую часть забыл. И не хрен мозги зря мозолить!

Единственный вывод: первое необходимое условие успешного восстания язычников — свара между Рюриковичами — может иметь место в ближайшее десять-пятнадцать лет.

Второе условие — наличие профессиональной армии. "Людей в белом" где-то подготовили. Уровень подготовки — очень хороший, но это уровень разведчиков-диверсантов — "штучный товар". А требуются профессионалы для регулярных частей, причем в массовом порядке. Ни в каком тайном лесном убежище такую армию не создашь. Нужны не только тысячи

людей, но и нехилая материальная база. Нужна, в конце концов, боевая практика, без нее настоящего воина не подготовишь.

Нет, не выходит. Если с первым условием нет ясности только по срокам, то со вторым условием нет ясности вообще по всему. А лапотникам с дреколем, да охотникам без достижений никакая свара в княжеском роду не поможет. Вот если бы у язычников была бы хорошая учебная и материальная база...

Блин!!! Наша воинская школа! За десять-пятнадцать лет здесь такого навалить можно! Нинея запросто может приказать нескольким десяткам пацанов притворно принять христианство, пройти полный курс обучения, может быть остаться при школе инструкторами или поступить на воеводскую службу. Набраться опыта, у кого выйдет, приобрести командные навыки... Каждый из таких ребят сможет обучить несколько десятков других, а те, в свою очередь, еще несколько сотен.

За десять-пятнадцать лет поднакопить оружия, обучить своих оружейников... Да нет же, все готовое можно получить: мы же здесь собираемся настоящий военный городок создать. С учебной базой, с мастерскими, со стратегическими запасами.

Да, сэр, вот так оно и бывает: щелк и мозаика сложилась. Дед готовит из меня своего преемника — командира чего-то, что, конечно же, будет больше, чем просто сотней. Илларион видит во мне, опять же, командира — военного магистра, коннетабля, маршала или что-то в этом же роде, Православного рыцарского ордена. Нинея собирается сделать из меня если не вождя, то кого-то из верхушки языческого восстания. Все хотят примерно одного и того же, но вкладывают в это совершенно разный смысл".

— Здрав будь, Корней Агеич! — Раздался рядом голос десятника Фомы. — Чего звал-то?

"Ну, блин! На самом интересном месте... Подумать не дадут".

— Здорово, Фома! — Отозвался дед. — Непорядок у тебя в десятке. Вчера твои люди в дозоре были?

— Мои. А что такое? Я проверял, никакого беспорядка не заметил.

— А знамена на том берегу?

— Так это у Аристарха спрашивай, его холопы вчера там ковырялись.

— Кхе... Вот оно что. Ладно, у него и спрошу. Давай ко мне, там все десятники сходятся, разговор есть.

"А ларчик просто открывался... Ну да, холопы старостики Беляны осенью Нинее дрова заготовливали, теперь, вот, знамена соорудили. Похоже, первая леди Ратного у баронессы Пивенской на подхвате обретается. То-то она не христианским именем зовется, а родовым. О, сколько Вам открытий чудных... сделать еще предстоит, сэр".

* * *

— Так, други любезные, разговор у нас будет важный, а потому располагайтесь поудобнее и слушайте, что я вам буду рассказывать.

Десять мужиков свободно, не теснясь расположились за обширным столом в просторной

горнице нового здания на лисовиновском подворье. Кроме старосты Аристарха пришли все действующие десятники, кроме Тихона, и Данила с Анисимом, хотя последние двое числились в должностях лишь номинально. Отказался придти только Глеб, видимо, распротившийся со своим десятичеством, не дожидаясь обозначенного сотником срока.

Дед величественно возвышался во главе стола и, по всей видимости приготовился к произнесению длительного монолога. Мишка за стол не полез — пристроился в уголке, но старался выглядеть так, словно его присутствие здесь — дело совершенно естественное.

— Настало время, господа начальные люди, сказать вам следующее. — Голос деда живо напомнил Мишке первую реплику комедии Гоголя «Ревизор»: "Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие..." — Покойный Великий князь Киевский Святополк Изяславич, — вещал дед — незадолго до своей кончины, возложил на меня попечение о Погорынской земле. Земля эта должна была с того дня зваться Воеводством Погорынским, а я — Погорынским Воеводой.

Все вы были на Палицком поле и знаете, какая там со мной приключилась беда. Из-за нее я на Погорынское воеводство встать не смог, и говорить об этом тогда смысла не имело. Теперь же, получив от нынешнего князя Туровского Вячеслава Владимировича благословение на командование сотней, счел я правильным принять на себя и воеводские заботы, по повелению покойного князя Святополка Изяславича.

— Выздоровел, значит?

По голосу десятника второго десятка Егора было не понять: то ли он язвит, то ли просто констатирует факт.

— Выздоровел, Егорушка, выздоровел. А если сомневаешься, то у Пимена спроси, он тоже, вроде бы как, сомневался.

Дед воинственно вставил вперед бороду и вперился глазами в Пимена. Тот криво ухмыльнулся и, видимо совершенно произвольно, прикоснулся рукой к левому уху, все еще не восстановившему нормальный цвет и форму.

— И грамота, наверно, княжья имеется?

— Егор!!! — Лука грохнул по столу кулаком. — Тебе что, гривны княжьей мало? Совсем очумел?

— Ты тут кулаками не стучи! — Завелся "с полоборота" Егор. — Я тебе не мальчишка! И кто из нас очумел еще неизвестно. Холопов нахватали так, что запихнуть некуда, щенок его по селу с самострелом носится, четным ратникам грозит, деньгами швыряется, сюда вон тоже приперся...

Егор все повышая и повышая голос начал медленно подниматься из-за стола. Лука, багровея лицом, точно так же начал подниматься ему навстречу. Голос у Егора уже начал срывать на крик:

— За серебро у кого-то из бояр в Турове гривну сотничью купил и думаешь: теперь все можно? Прихлебателям своим — добычу, а нам шиш? А вот мы еще посмотрим...

Лука, перегнувшись через стол, схватил Егора за бороду и дернул к себе. Егор, от

неожиданности потеряв равновесие, упал вперед, едва успев опереться в стол локтями. Дальше все завертелось с калейдоскопической быстротой: десятники повскакивали с лавок один за другим, Фома попытался дотянуться до Луки и тут же получил в ухо от Данилы, хотел дать сдачи, но Игнат дернул его сзади за ворот и Фома, запнувшись о лавку повалился на пол. Игнат, многозначительно положив руку на рукоять ножа, встал между Фомой и дедом. Леха Рябой навалился на Анисима, не давая тому подняться с лавки, а Лука, все-таки дождал Егора, опустив тому голову до самой столешницы.

Лишь один Пимен остался сидеть и, тем самым, привлек к себе Мишкино внимание. Его спокойствие было совершенно непонятным.

— Пинька, что ж ты?.. — Егор уже не говорил а хрипел — железная рука Луки медленно выворачивала ему голову. — Пинь... ка...

Все еще неподвижно сидевший Пимен, незаметно ни для кого, кроме Мишки опустил руку и потянул из-за голенища засапожник. Мишке скрытность была не нужна, поэтому он действовал быстрее: кинжал мелькнул в воздухе и пригвоздил рукав рубахи Пимена к лавке. Тот мгновенно разжал пальцы и засапожник провалился обратно за голенище. Мишка встретился с ненавидящим взглядом Пимена и неожиданным даже для самого себя голосом, больше похожим на змеиное шипение, выдохнул:

— Только шевельнись, падла, у меня еще два есть.

Получилось, по всей видимости, убедительно: Пимен замер, не пытаясь даже высвободить рукав.

— А-а-ах-х!!!

Непонятно откуда взявшаяся у деда секира, очертила почти идеальный полукруг и с хрустом врезалась в середину столешницы. Все замерли. Было непонятно, что отрубил дед: то ли нос Егору, то ли пальцы Луке. В наступившей мертвой тишине Лука шумно выдохнул и брезгливо отбросил в сторону клочок егоровой броды. Старый вояка не промахнулся, лезвие не задело ни Луку ни его противника, если не считать бороды Егора. Однако, топор не бритва — часть волос была перерублена, а часть вмята в древесину и заклинена там, Егор так и остался лежать щечкой на столе, раскорячившись руками и ногами как краб.

— Ну что, наигрались, детишки? — Дед стукая деревяшкой обошел стол и ухватил за ухо Егора. Тот, распяленный между зажатой лезвием секиры бородой и дедовыми пальцами, беспощадно тянущими за ухо, зарычал сквозь стиснутые зубы. — Наигрался, спрашиваю, или еще желаешь?

— Пинька... сука...

— Еще какая! — Охотно согласился Корней. — Истину глаголешь Егорушка. И что же он тебе наобещал?

— Убью... змея... подколодного...

— Ну зачем же, Егорушка? — Этот «ласковый» тон деда был знаком Мишке, от него так и несло смертью. — Так уж сразу и убивать? Христос прощать велел. Ну разве что, для науки: зубки там повыбивать, вежливо, ребрышки поломать, ласково. А больше ничего и не надо. Михайла, внучек, чего у него там? — Дед указал бородой в сторону Пимена.

— Засапужник.

— Ну вот, не топор же. Ты, Пинюшка, сходи в церковь, да свечечку за здравие Михайлы поставь. Мог же паренек и по горлышку тебя чиркнуть.

Рукав у Пимена медленно намокал кровью, мишкин кинжал, все же зацепил руку. Дед отпустил ухо Егора и, сокрушенно вздыхая покачал топорище, вытаскивая лезвие из толстой доски столешницы. Егор облегченно вздохнул, поворачивая голову в естественное положение и тут же испуганно дернулся, теряя равновесие и падая на пол. Обух секиры ударил в стол прямо перед его лицом.

— Бунтовать?!! Говноеды!!! Сотника лаять!!! Роська!!!

В горницу, чуть не сорвав дверь с петель влетел Роська, в обеих руках взведенные самострелы. Лицо у него было таким же, как в том переулке, где он добил кистенем раненого татя. Мишка цапнул у него один из самострелов и вопросительно уставился на деда.

Дед ткнул пальцем в Егора и Пимена.

— А ну, на пол!!! Оба!!! Минька, бить в них, чуть только шевельнутся!

Егор и Пимен распластались на полу, а дед, прыгая на деревяшке принялся пинать их здоровой ногой в головы. Мужики только мычали, не решаясь даже прикрыться руками — два самострела смотрели им прямо между лопаток.

— Корней, будет! Лучше уж сразу добить.

Лука подхватил деда под руку и оттащил от лежащих.

— Ладно, Лука, будь по-твоему. Данила, Лука говорит: добить. Ты что скажешь?

— Добить!

— Леха?

— Пимена добить, Егорка — дурак, пусть живет.

— Фома?

— Тогда уж и меня добивай, старый хрен!

— Хрен я, конечно, не новый... — Дед на мгновение задумался, потом приказал: Данила, врежка ему еще разок.

Хрясь! Фома опять шлепнулся на пол.

— Фома, надо понимать, против. — Прокомментировал дед и продолжил опрос десятников: — Анисим?

— За бунт — смерть, но и ты Корней...

— Значит, добить. — Утвердил сотник. — Игнат?

— А бунт-то был, Корней Агеич? Оружия я ни у кого не видел, кроме тебя.

— А засапожник?

— Так не достал же.

— Двое против. — Подвел итог опроса дед. Потом глянул на лежащих на полу Егора с Пименом и добавил: — И эти двое, конечно же, тоже.

— Батюшка Корней, Христом Богом!

Пимен брызгал кровью из разбитого рта, извиваясь на полу, как змея. Попытался подползти и ухватиться за сапог сотника.

— Нет, Пинька, один раз я тебя уже простил. Ребятки, бей в него!

Роська выстрелил не задумываясь. Мишка чуть поколебался, но нажал спуск, хотя было это уже бессмысленно — роськин болт ударил Пимена в затылок, прошел навывлет и вонзился в пол возле дедовой ноги. По привычке, Мишка тут же упер самострел в пол и нажал ногой на рычаг. Рядом щелкнул самострел Роськи.

— А ты, Егорушка подумай, как хитрецы, дураков, вроде тебя, вперед выставляют, чтобы из-за их спины ножом полоснуть, да еще чистенькими потом остаться. За то, что сотника облаял — вира. Три гривны, отдашь Аристарху. В другой раз убью. Садитесь ребятушки, разговор еще долгим будет.

— Коней Агеич, — Игнат кивнул на труп Пимена. — Прибрать бы...

— Пусть лежит. Вместо него нового десятника еще не выбрали, и я его не утвердил. Кхе! Пусть слушает, может еще и посоветует, чего полезного.

"Блин, ну натуральный мафиозо дон Корнелио. Или злодей из мексиканского сериала — сначала поизмывался, потом приказал прикончить. Нет, падре Мигель, пролетаете Вы со своим диагнозом, были бы мы берсерками, тут бы сейчас трупы штабелями лежали."

А мужики-то сериалов не смотрели, на них спектакль подействовал, вон как на деда плятятся. Вообще-то, нечто подобное сейчас происходит по всей Европе — именно так какой-нибудь "Рейнский Потрошитель" или "Пьер Живорез", грохнув конкурента и крепко пугнув остальных подельников, становятся бароном фон Шварцвальд или маркизом де Мон Плезир.

Если я прав, то прямо сейчас, над неостывшим еще трупом, под графа Погорынского должна начать формироваться новая иерархия".

— Фома, а у тебя-то с чего шило в заднице завелось? — Подал голос Лука Говорун. — Ладно, Егора Федька накрутил, а тебя кто?

"Ага, Лука «столбит» за собой место "второго человека в команде". Как говорилось в одном мультфильме: "Птица Говорун отличается умом и сообразительностью". Процесс пошел".

Фома, все еще сидя на полу и опустив голову, угрюмо молчал. Вместо него голос подал Анисим:

— Его собственная баба крутит, уже который день. Тогда на выручку сотнику ехать не отпускала, а теперь грызет за то, что не поехал и без добычи остался. И язык укоротить нельзя

— на сносях, родит скоро. Бабы в эту пору с головой не дружат.

"Торопливое многословие, хотя тебя и не спрашивают. Все, шер ами Анисим, ходить Вам в шестерках, причем не у первого лица, а у Луки. Испугался, что заподозрят в сговоре с Пименом и в несколько секунд определил свою роль на много лет вперед".

— А ты-то чего суетился, Аниська? — Отозвался Лука. — Спасибо, Леха — мужик спокойный, только придержал, а мог бы и приложить крепенько.

"Вот, уже Аниська, а не Анисим, сейчас Лука его дожмет".

— Так это... Все повставали, и я...

— Повставали, да по-разному! — Лука неторопливо поправил свои длиннющие рыжие усы. — Вон Игнат тоже встал: руку на нож и сотника с боку прикрыл. А Данила, даже и вставать не стал, сидя Фому приголубил.

"Силен дядька Лука — все заметил, все оценил, хотя, можно было подумать, что он только Егором и занят. Сейчас он должен что-нибудь сказать деду. Все равно, что, лишь бы зафиксировать свое положение второго человека, мол, напрямую с сотником общается только он, а остальные — более низкий уровень".

— Корней, а надо ли было ребяток-то?.. — Лука качнул головой в сторону Мишки и Роськи. — ...Что ж, мы сами не справились бы?

— Надо, Лукаша, надо. Егор по дурости, с пинькиной подначки затеял драку, Пинька, под шумок надумал меня зарезать, а пацаны его болтами истыкали...

"Ага, "официальная версия событий для средств массовой информации". Извольте, господа, именно так на публике все и излагать".

— ... И пусть знают: — дед повысил голос — Лисовинов так просто не изведешь! Сейчас у меня четверо таких пацанов, а к осени будет полсотни, и каждый за лисовиновский род, хотя бы одного злыдня, на тот свет да отправит!

"Так, заявка Луки на роль первого зама принята, а сейчас надо его тормознуть, что бы много о себе не вообразил".

— А чего это, Лукаша, я твоего Тихона не вижу? — Поинтересовался дед. — Званы были все десятники, где же твой племяш?

— Меньшого своего к Настене понес, пацан щами ногу обварил.

— Ладно, садитесь все.

"Внимание, сэр Майкл, сейчас будем наблюдать результаты «перестройки». Так, по правую руку от деда занял почетное место "чиф мэйт" Лука Спиридоныч, по левую — "либер фройнд" Данила. Рядом с Данилой — Леха Рябой, рядом с Лукой — Игнат. На шкентеле — Анисим и Егор, появится Тихон, окажется там же".

— ...за честность, разумность и воинскую доблесть жалую вас воеводскими боярами! — За размышлениями, Мишка пропустил начало дедовой речи, а уже, оказывается, началась раздача наград за верность и преданность. — С правами на земли, знамена и на передачу всего

по наследству.

— Благодарствуем Корней Агеич!

Новоиспеченные бояре встали и низко поклонились, касаясь правой рукой пола. Данила глянул на деда глазами собаки, у которой прямо из пасти выхватили мозговую косточку, и потупился. Егор, на лице которого уже явственно налились синяки, остался неподвижным. Анисим тоскливо отвернулся и напоролся взглядом на самострелы, все еще направленные в сторону сидящих за столом. Увиденное, похоже, не понравилось ему очень сильно. Он даже собрался было что-то сказать, потом, видимо, передумал, еще сильнее ссутулился и уставился глазами в стол.

— А тебе, Данила, поручаю дело, доселе для нас необычное. Будешь обучать пешее ополчение. В начале зимы, после Большой охоты по первой пороше, соберешь всех годных для того мужиков и парней...

"Ну вот все и определилось, досточтимый сэра Майкл. Ратное еще ничего не знает, люди живут, как жили, а жизнь их уже изменилась. Его сиятельство граф Погорынской Корней Агеич вступил во владение феодем. Место старпома на корабле, отстранив Данилу, занял Лука. Он же — командир преторианцев. Тут же и его центурионы: Леха Рябой и Игнат. Элита сформирована. Данила же, в силу обнаружившейся второсортности, списан в пехоту. А Егору с Анисимом — замаливать грехи. Анисиму, между прочим, еще и десяток себе где-то набирать".

— ... Пока они себе десятника вместо Пимена выберут (а я еще посмотрю: утвердить ли), — продолжал дед — ты Фома, умыкни-ка у них четырех человек. Их там пятнадцать... Кхе, уже четырнадцать, так что, не обеднеют, а у тебя полный десяток соберется.

— О-хо-хо, хо-хо, грехи наши тяжкие. — Донеслось из угла за спиной деда.

— Аристарх! — Корней обернулся на голос старосты. — Ты чего там затих в уголке, я про тебя чуть и не забыл!

— А и забыл бы, Корнеюшка, не велика беда. Тяжко мне, дела у вас какие-то непонятные начинаются. Стар я что-то стал, выбрали бы вы себе ребятки нового старосту. Пора мне на покой.

"Глава Администрации, в свете произошедших событий, намылился в отставку. С чего бы это? Есть два варианта. Первый — предчувствие неизбежного конфликта между военной верхушкой и самой состоятельной частью населения ратного. Да! Пимен же его родич — брат Пимена Семен на дочке Аристарха женат. Не хочет староста попадать между молотом и наковальней. Вариант второй — поза обиженного: "Этим — боярство, а мне что?". Интересно, как лорд Корней прореагирует?"

— Вот что, Репейка, справишь по мне тризну, тогда и о покое думать будешь! Мне еще твои охи слушать... Других дел нет. Молодых бы постыдился!

— Корней...

— Хватит, и слушать ничего не хочу!

"Репейка? Детское прозвище, что ли? И разговор о тризне... Понятно: мы с тобой на всю"

жизнь повязаны и никуда ты от меня не денешься. Эзоп нервно курит в сторонке".

— ... Ну вот, вроде бы на сегодня все и обговорили. Ступайте все, кроме бояр и Михайлы.

"Ага, "А Вас, Штирлиц, попрошу остаться!" Поздравляю, сэр, Вы сподобились присутствовать на первом заседании Боярской Думы Административно-территориального образования Погорынье. А я-то тут на хрена? Кроме бояр в Думе... Кроме бояр... Опричь бояр... Блин!!! Опричник!!! Бешеный внучек, способный со своими подручными замочить кого угодно по первому приказу деда!

Дед же ясно всем указал: к осени будет полсотни таких! Сочетание информационно-аналитической функции, функции устрашения и кузницы кадров. Опричина, Третье отделение Жандармского корпуса и НКВД в одном флаконе. Блестящая карьера, сэр Майкл, поздравляю! Какой псевдоним желаете принять: Малюта Скуратов-Бельский, Граф Бенкендорф, Лаврентий Палыч Берия?"

— Михайла... Михайла! Ты что уснул, что ли? Давай-ка, садись к столу.

Мишка перебрался за стол, скромно пристроился с краешка и устался на деда. Воевода Корней горделиво выпрямился, уперся, оттопырив локоть, рукой в колено, окинул собравшихся орлиным взглядом и произнес историческую фразу:

— Значит так, господа бояре, с сегодняшнего дня у нас начинается новая жизнь!

Часть 6

Глава 1

Конец Апреля — начало Мая 1125 года. База Младшей стражи — село Ратное.

— Раз два!левой,левой,левой!

Роськин голос, когда он вот так муштровал свой второй десяток, очень напоминал голос Ходока, скорее всего, потому, что Роська, вольно или невольно, подражал командным интонациям кормщика.

— Раз два!левой! Глаголь, Он!

— Го!

— Земля, Ук!

— Зу!

—левой,левой,левой! Хер, Аз!

— Ха!

Молодые голоса отвечали дружно, весело, даже с некоторой лихостью: вот, мол, как мы уже грамоту знаем!

"Шустро у Роськи дело продвигается, пора бы уже и на трехбуквенные сочетания переходить".

Роська, словно услышал мысли своего крестного:

— Напра-во!левой, левой! Слово, Еры, Рцы!

— Сыр!

Отозвались всего два или три голоса.

"Шустро-то, шустро, да не очень. А чего вы хотите, сэр, всего три недели занимаются".

— Отставить! Почему не дружно? Еще раз: Слово, Еры, Рцы!

— Сыр!!!

—левой, левой! Люди, Ять, Слово!

— Лес!

С другого конца двора доносится голос Петьки:

— Деревянные, ничего понять не можете, всех нужники чистить пошлю!

"Совершенно другой стиль: привык на холопов покрикивать. Привезут из Турова купеческих сыновей, они ему покажут «деревянных». Хорошо, что Никифор задерживается, двумя неделями раньше увидел бы картинку: обе руки в лубках, на морде синяки всеми цветами радуги цветут... Живопись, блин".

Издали пистолетными выстрелами раздавались щелчки кнута. Там Немой проводил занятия по верховой езде. Словесных комментариев, разумеется, никаких, только щелканье кнута, да изредка, скупые жесты. Но пацаны его понимали.

Три десятка на занятиях, один — в карауле, один — на хозработах. Дед не обманул: ребят, действительно, набралось полсотни. Десять человек из новой родни, двадцать восемь из холопских семей и еще двенадцать дали воеводские бояре из своих холопов.

Воеводских, конечно, после обучения придется вернуть, но пока — полсотни. Хотя, на самом деле, больше. Еще трое двоюродных братьев: Демьян, Кузьма и Петр. Кузька, правда, все еще в Ратном — готовит вместе с отцом и мастеровыми холопами оборудование для мастерских. Ну и четверо крестников: Роська, Артемий, Дмитрий и Матвей. Матвея здесь тоже нет — прижился в учениках у лекарки Настены.

Мишка вздохнул и снова уставился на грифельную доску. Расписание занятий на следующую неделю никак не желало принимать нужный вид. Ситуация до боли напоминала родную Советскую Армию — решительное доминирование хозяйственных работ над боевой подготовкой. Мишка, получивший во время срочной службы весьма серьезную специальность техника дальней связи, был убежден, что обучиться этому можно было бы не за два года, а месяцев за шесть-восемь. Все остальное время было потрачено на всякую дурь. Сейчас на те же самые обстоятельства приходилось смотреть с другой стороны, и выглядело все совсем иначе.

На новом месте надо обустраиваться, налаживать быт, создавать учебную базу... Хочешь, не хочешь, берись за топоры и лопаты. Спасибо Илье — такой зам по тылу оказался, без него, как без рук.

Опять же, инвентарь. Если на полсотни рыл имеется всего два самострела, то как учить? Вообще, постоянно натыкаешься на иллюстрации к диалектическому закону перехода количества в качество. Казалось бы, простая вещь — выстругать деревянные кинжалы для тренировок. Мишке и в голову не приходило, что с этим могут возникнуть какие-то сложности, но когда делом одновременно занимаются пятьдесят человек, просто статистически, должна случиться какая-то неприятность. Из пятидесяти учеников воинской школы у троих все время получался брак, а двое умудрились так порезаться, что Мишка даже думал отправить их в Ратное к Настене. Слава Богу, обошлось — опять выручил Илья.

То же самое и с учебным процессом. Сам Мишка с братьями, в свое время, получил от крутящегося болвана достаточно синяков, но чтобы на первом же подходе одному «курсанту» сломало мешочком с гравием нос, а другой, споткнувшись, выбил себе об столб передний зуб...

И еще одно яркое напоминание о ТОЙ жизни: партию из двенадцати самострелов, на которую Мишка так рассчитывал, нахально перехватила мать для своего "бабьего батальона". Такой подянки от родной матери Мишка никак не ожидал.

Вот они — невидимые войны снабженцев. Со своими победами, поражениями, хитроумными комбинациями и балансированием на грани закона и уголовщины. Только сейчас Мишка не теоретически, а на практике понял, почему директора ценят хорошего снабженца больше, чем секретаршу "с ногами от ушей", сколь бы услужливой и умелой она ни была.

Положение, хоть топись. И деда теревить по каждому случаю не будешь, у того и так голова кругом — вовсю идут полевые работы.

Времени не хватало вообще ни на что, приходилось все больше и больше надеяться на десятников, а они все — такие разные. Демка, Роська, Петр Первак, Дмитрий.

Знакомиться с Дмитрием и Артемием Мишке пришлось, практически, с нуля. В Турове общались только по поводу музыки, с глазу на глаз ни с кем, ни разу поговорить не пришлось, да Мишка и не собирался. А потом ребята лежали раненые, да и сам Мишка тоже шкандыбал на костылях, и занят был то одним, то другим — только и хватало, чтобы ежедневно заглянуть к раненым на несколько минут.

Дмитрий...

Дмитрия теперь и родная мать не узнала бы. Не повезло парню, тогда, на дороге из Княжьего погоста в Ратное, стрела лесовика ударила сбоку, вклинившись между лбом и металлическим наносником, кончик жала отломился, а оставшаяся зазубренная железяка наискось пробороздила мальчишке лоб, оставив на всю жизнь уродливый шрам с рваными краями.

Парнем Митька оказался мрачным и замкнутым, Мишка поначалу думал, что это последствия ранения, но Матвей объяснил, что Митька и в музыкантах был таким же, Своята даже хотел его выгнать за то, что парень его не очень-то и боялся, а при любом конфликте смотрел зверем, будто собирался кинуться и вцепиться зубами в горло.

О себе Дмитрий не желал рассказывать ничего, и вообще, на контакт шел очень неохотно. Пришлось, в первые же дни после переезда на базу, сводить его к Нинее. Там, под ласковое нинеино: "Рассказывай Митюша" — он поведал такое, что проняло даже волхву.

Родом Дмитрий был из небольшого городка в Переяславском княжестве, на самой границе Степи. Отец его был десятником в дружине боярина, которому принадлежал городок, а старший брат — унотой в той же дружине. Были еще мать и сестра на выданье.

Мать ждала четвертого ребенка, когда случилась беда. Из степи, от кого-то из половецких родственников возвращался один из черниговских князей, в сопровождении своей дружины и отряда половцев. Дело, в общем-то, в тех местах обычное — черниговские князья активно рождались со степными ханами. В городок проезжих пустили переночевать, не то, чтобы без опаски, пограничье есть пограничье, но и не пустить было нельзя.

Дома в ту ночь ни отец, ни брат Дмитрия не ночевали — боярин проявлял бдительность, однако городок это не спасло. С чего все началось, так и осталось неизвестным, Митька проснулся от криков, звона оружия и зарева разгорающегося пожара. При описании последующих сцен, Нинее несколько раз пришлось успокаивать парня, а однажды, и самой утереть слезу.

На глазах у одиннадцатилетнего Митьки, ворвавшиеся в дом мужики, вспороли живот матери и скопом изнасиловали сестру. Мать оставили умирать в подожженном доме, а Митьку с сестрой выволокли на улицу и привязали к телеге, на которую складывали награбленное в митькином и соседних домах.

Потом, когда телегу с привязанными пленниками выводили из пылающего поселения, Митька увидел труп отца — с отсеченной правой рукой и пробитой грудью. Пожар разгорался быстро, грабители торопились выбраться за городские стены, а привязали Митьку небрежно. Пацану удалось отвязаться и в суматохе сбежать.

Через несколько дней Митьку подобрала дружинники переяславского князя, которые даже не сразу поверили, что все, о чем рассказал им мальчишка, творили не половцы, а «свои» — черниговцы. Дружинники доставили Дмитрия и еще нескольких спасшихся горожан в Переяславль, там его и подобрал Своята.

Нинее еще немного поворковала над Дмитрием:

— Все хорошо, Митюша, ты теперь среди своих, Мишаня тебе брат родной, ко мне заходи почаще...

А потом, в очередной раз, огорошила Мишку:

— Любят тебя Светлые Боги... и Христос, наверно, тоже. И я бы не сразу догадалась, что ему нужно, а ты даже и не думая, все, как надо, сделал. Эх, был бы ты девкой...

Насчет того, что Мишка не думал, Нинее ошиблась. То, что раненый в голову парень целыми днями лежит, уставясь в потолок и никак не поддается на попытки его разговорить, лишь односложно отвечая на вопросы (да и то не на все) Мишку тревожило очень серьезно. Заявление лекарки Настены о том, что рана не опасная и парень скоро поправится, Мишку не удовлетворило.

Однажды, выбрав щенка, из тех, кто еще не "попал под распределение", Мишка принес его Дмитрию и положил ему на грудь.

— Вот, Мить, подружку тебе принес. Извини, кобельков уже всех разобрали.

Митька придержал ладонью куда-то целенаправленно поползшего звереныша, погладил его, потеревил мягкие ушки, потом обхватил его ладонями, поднял к лицу и потерялся о щенячью

мордочку щекой.

— Спасибо, Минь.

— Как назовешь-то?

— Сестренкой.

В тот день Дмитрий впервые не просто поднялся с постели, а вышел из горницы, нашел в незнакомом ему доме кухню и попросил молока для щенка. Больше Митька с Сестренкой не расставался никогда, даже у Нинеи он сидел, держа щенка на коленях.

Визит к Нинее пошел на пользу. Уже на следующий день, Дмитрий, впервые за все время заговорил с Мишкой сам. Разговор этот Мишку здорово порадовал, потому, что вопросы Митька задавал очень точные и деловые. Чувствовалось военное воспитание в приграничье, значительно менее спокойном, чем Погорынье.

Первые вопросы были о близости рубежа с Волынью, частоте и времени набегов, численности нападающих и способах охраны рубежа. Выслушав мишкины ответы, Митька заявил, что половцев такой обороной не удержали бы — давным-давно на месте Ратного были бы обгорелые развалины. Сказано было не с укором или насмешкой — простая констатация факта.

В ответ на мишкино возражение: "в лесах воюют иначе, чем в степи" — тут же начал расспрашивать о разнице. Потом заинтересовался статусом ратнинской сотни и заметно удивился, когда понял, что Киев, похоже, о сотне забыл, а Туров своей ее не считает. Да, в Переяславском княжестве, фактически бывшем форпостом против степняков, такое было бы невозможно.

— Сколько у Туровского князя своей дружины? Тысяча, хоть, есть?

— Не знаю, Мить, нет, пожалуй. В Турове — сотен пять-шесть. Князь Вячеслав Владимирович с собой из Смоленска привел, а до того у Брячислава Святополчича, может быть, и была сотня, а может и нет. Теперь Брячислав вместе с братом Изяславом в Пинске живет. Вдвоем, наверно сотни две имеют, да городское ополчение еще.

В Клецке князь Вячеслав Ярославич. Сколько у него дружины, я не знаю, но много быть не может. Сколько-то воинов, есть у посадников в Слуцке и других городках. Боярские дружины... Вместе — тысячи полторы-две, наверно. Еще ополчение можно собрать.

— И при таких малых силах целой сотней раскидываться? Не били вас, как следует, страху не знаете.

— У переяславского князя больше?

— Три тысячи кованой рати. И каждый мужик по первому сигналу за оружие взяться способен. И из Киева подмога быстро приходит, А Киевский князь может и десять тысяч собрать. Не сразу, конечно.

"Да, в нынешней Европе, после развала империи Карла Великого, многотысячных армий нет. Три сотни викингов брали на щит такие города, как Гавр, Париж, Генуя. На Руси та же ситуация. Да и где взять, людей? Сколько сейчас вообще населения? Миллион? Полтора? Вряд ли больше."

Где-то я читал, что во времена призвания варягов на территории будущей Руси проживало пятнадцать славянских племен или племенных союзов. Численность каждого из них определялась как «тьма» то есть, десять тысяч. Оценка, конечно, очень приблизительная, но вряд ли общая численность достигала хотя бы четверти миллиона.

С тех пор прошло два с половиной века — десять поколений. Пять-семь детей в семье ЗДЕСЬ не редкость, а норма, но высокая детская смертность, войны, эпидемии, неурожай... Пожалуй, до двух миллионов не дотянет, хорошо, если полтора есть. И это на огромной территории — почти половине Европы. Прав Митька — сотней профессионалов, по нынешним временам, пренебрегать нельзя".

Следующей темой, заинтересовавшей Дмитрия, оказалась отдаленная перспектива.

— Когда выучимся, где служить будем: в княжеской сотне или в воеводской дружине?

"Да, сэр, парень субординацию понимает, и разницу между боярской и княжеской службой тоже. Другие так даже и не задумываются о таких тонкостях".

— Хочу дать тебе под начало десяток, согласишься?

— Чему учить? — Дмитрий еще раз порадовал Мишку — сразу понял свою главную задачу.

— Ты в Турове сам все видел.

— Верхом я не хуже вас могу...

"Еще бы, в степи вырос!"

— ... Кинжал могу метать, но хуже, чем вы, и только один. Сулицу тоже могу, но не очень, пока, да и не упражнялся давно. А самострела в руках не держал.

— Так и никто, кроме меня и братьев не держал. Будем учить.

— Меня учи отдельно — сразу же поставил условие Дмитрий — и быстрее, иначе, какой я десятник?

— А мы все учиться будем, и я тоже. Вот Роська, единственный из нас, кто с кистенем обращаться умеет, будет нас всех учить. А еще мы с Петькой всех грамоте учить будем. Ты, случайно, не грамотный?

— Отец учил, но подзабылось...

— Ничего, вспомнишь. Значит так, ставлю тебя десятником третьего десятка, сотник Корней, я думаю, будет не против. Ты из воинского рода — отец воином был, а дед?

— Тоже, и прадед, и прапрадед. — С законной гордостью перечислил новоиспеченный десятник. — Наш род из Любеча вывели.

— Выходит, ты полянин. А прозвище у твоего рода было?

— Нет.

— А как прапрадеда звали, знаешь?

— Никола Вихорь.

— Значит, ты — пятое колено воинов Вихревых. Гордись!

Митька помрачнел и отвернулся.

— Что такое, Мить?

— Нечем мне гордиться — родня неотомщенной осталась.

"Однако, сэр Майкл, в молодом человеке живет самурайский дух! А сестру он, похоже, уже в мыслях похоронил".

— Как того черниговского князя звали?

— Не знаю, я его даже не видел.

— Но хоть что-нибудь знаешь?

— Нет — Митька закусил губу и потер рукой сой жуткий шрам, наискось пересекающий лоб. Было заметно, что он старается не показать перед старшиной слабости. — Я думал, что со Своятой как-нибудь в Чернигов попаду, смогу что-то разузнать... А он — то в Киев, то в Ростов, даже в Берестье были, а в Чернигов... — Голос у парня прервался.

— Значит, не судьба. — Мишка уже пожалел, что затронул эту тему. — Христос сказал: "Мне отмщение и аз воздам!". Рано или поздно против тех злодеев их же злодейство и обернется. Может, уже обернулось.

— Я сам воздать должен!.. Или хотя бы видеть, как воздалось! — Дмитрий в ярости сжал кулаки, стиснул зубы, на его изуродованном лбу вздулись жилы. — Они там пропивали награбленное, а я у Свояты на дудке играл!

— Мить, я тебе обещаю...

Мишка прекрасно понимал, что говорить такого нельзя, что вяжет себя практически невыполнимым обещанием, но иначе не мог.

— ... Обещаю: если что-то станет известно, я сам с тобой пойду, и братьев возьму... За все рассчитаемся! А сейчас учись. Чтобы с теми нелюдями справиться, надо силу иметь и умение. Понимаешь меня? Верись мне?

— Понимаю... Верю.

"Бери ложку, бери хлеб, собирайся на обед!" — рожок, конечно, звучит не так, как горн, но этот сигнал любому солдату любезен в любом исполнении. Да и играл Дударик — ученик Артемия — виртуозно.

Артемий...

Оказалось, что он внук мастера, изготавливавшего музыкальные инструменты. Родом Артюха был из "культурной столицы" древней Руси — Ростова Великого. Родителей своих он не помнил, жил с дедом. Какая беда оставила деда бобылем с малолетним внучком на руках, Артюха так и не дознался, дед об этом говорить, почему-то не хотел. Соседи тоже ничего не знали, дед

поселился рядом с ними уже после случившегося.

Артемий не только перенял мастерство деда, но еще и умел играть на всем, что выходило из-под его рук. Но и этого матушке природе, видимо, показалось мало — одаривать, так одаривать. Артюха обладал еще и педагогическим талантом. Как выяснил Мишка, это Артемий, а вовсе не Своята, как можно было подумать, выучил играть Матвея на рожке, а Дмитрия на флейте.

Вообще, вся музыкальная часть в оркестре держалась на Артемии, а Своята, скорее, был администратором. Заполучил себе такого ценного кадра Своята очень просто. Будучи постоянным клиентом деда, он случайно оказался в Ростове в то самое время, когда старик умер и, нахально назвавшись дальним родственником, просто-напросто забрал Артемия себе. Так же, как и денежки, вырученные от продажи имущества покойного. Фактически, Своята ограбил талантливого сироту и заставил пахать на себя лишь за скудные харчи. Века проходят, а отношения в шоу-бизнесе не меняются.

Ученика Артемию нашел Мишка. По случаю выздоровления раненых крестников, мать устроила... праздник не праздник, так — посиделки с пирогами, а ребята решили порадовать крестную музыкой. Народу на звуки рожков и флейты набралось столько, что пришлось перенести концерт во двор.

Там-то Мишка и обратил внимание на пацаненка лет восьми-девяти, зачарованно глядящего на музыкантов и перебирающего пальцами около рта, словно он играл на свирели. Пацаненок и пацаненок, таких во дворе было целая толпа, но как-то очень уж четко и осмысленно двигались его пальцы, перебирая невидимые клапаны свирели.

Мишка подозвал паренька и тихонько спросил:

— Нравится?

— Ага, у меня тоже дудочка была, только потерялась.

"Да уж, выселялись из Куньего городища, мягко говоря, торопливо. Где уж там было думать о детской дудочке".

— Пойдем-ка со мной.

Мишка привел мальчика в кладовую, выбрал на полке два берестяных туеска, величиной, примерно, со стакан, всыпал в каждый по горсти сушеного гороха и закрыл крышками. Потряс, прислушался к получающемуся звуку, еще потряс.

— Понимаешь?

— Ага, только, дядька Михал, надо вот в этот туесок еще горошку подсыпать, чтобы звук одинаковый был.

Мишка даже сам не понял, что его больше удивило: обращение «дядька» или тонкость музыкального слуха мальчишки.

— Ну, подсыпь сам.

Малец и добавил-то всего три или четыре горошины. Потряс туески, открыл оба и отсыпал

понемногу из каждого. Снова потряс, склонив голову набок, и расплылся в улыбке.

— Теперь хорошо!

— Ну, беги, подыгрывай.

Артюха, услышав ритмичное погромыхивание самопальных шейкеров, удивленно поднял брови, не прерывая игры, отыскал глазами мальчика и кивком головы указал тому на место рядом с собой.

"Вот так, сэр Майкл, коллекционируйте счастье на детских лицах, и чем обширнее будет ваша коллекция, тем дольше проживете. Да и потом... если там, наверху, кто-то и вправду есть — зачтется. Ей Богу зачтется, вернее, чем все поставленные в церкви свечи".

Дня через два или три, проходя по двору, Мишка вдруг услышал звуки рожка и свирели:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой
Выходила на...

Свирель сбилась, следом за ней умолк рожок, а потом дуэт зазвучал снова:

Расцветали яблони и груши...

Малец оказался из той самой семьи, которую Мишка с таким скандалом выкупил у Афони. В Нинеину весь семья переехала вместе с воинской школой, и Артюха, научив пацаненка играть на рожке, заставил его разучить воинские сигналы, которые напел ему Мишка: "Подъем, отбой, тревога, целься, приступить к занятиям" — все, что удалось вспомнить.

Так мишкин протеже стал сигнальщиком Младшей стражи, а звать его стали Дудариком и прозвище это ему очень шло.

Артемию же Мишка поручил искать мальчишек, обладающих музыкальным слухом и способных выучиться игре на каком-либо музыкальном инструменте. Мысль о создании военного оркестра была совершенно несвоевременной, Мишка сам себя обзывал дураком, но этот дурацкий проект засел в мозгу, как рыболовный крючок, и избавиться от него никак не получалось.

— Стража! В колонну по три становись! На обед, правое плечо вперед, шагом, ступай!

Со строевыми командами Мишка намучался предостаточно. Заменить немецкое «марш» на русское «ступай» особого труда не представляло — эта команда существовала в русской армии еще при Екатерине Великой, «марш» появился только при Павле I. Шеренгу Мишка заменил на ряд, а вот с колонной ничего придумать не смог, так и оставил.

"Ну-с, сэр, пора на ежедневное мучение, укрепите себя мыслями о божественном и вперед. Кто там у нас сегодня по календарю?"

Мишка пошуршал записями, сделанными под диктовку отца Михаила.

"Ага, Преподобный Феодосий Печерский. Феодосий, Феодосий... Должен же быть сегодня именинник... Ага, есть! В четвертом десятке. Ну что ж, вперед, сэр Майкл, вас ждут

великие дела!".

Мишка спустился из своей горницы на первый этаж, служащий одновременно и столовой и казармой и вообще всем остальным, теснотища, конечно, жуткая, но это — временно.

— Стража! Смирно! Господин старшина! Ратники Младшей стражи на трапезу собраны, дежурный десятник Дмитрий!

— Вольно.

— Стража! Вольно! На молитву шапки долой! Отче наш, сущий на небесах...

Хор голосов звучал стройно, за прошедшее время молитву вызубрили все. Мишка дождался дружного «Аминь», перекрестился вместе со всеми и прошел к торцевой стене, чтобы быть видимым для всех. Набрал в грудь побольше воздуха и торжественным голосом начал:

— Сегодня, в третий день мая, мы поминаем Преподобного Феодосия Печерского. Преподобный Феодосий Печерский родился в Васильеве, недалеко от Киева. Вскоре родители его переехали в Курск. На четырнадцатом году жизни преподобный Феодосий лишился отца и воспитывался строгой, но любящей матерью.

Тайно покинув родительский дом, он в 6540 году [3] принял постриг в обители преподобного Антония. Подвизаясь в обители, он отличался необычайной кротостью и смирением, прославился многочисленными чудесами и по благословию преподобного Антония был единодушно избран игуменом обители.

Преподобный Феодосий ввел в ней общежительный устав святого Федора Студита, списанный по его поручению в Константинополе. Святой почил в Боге в 6548 году [4], а его мощи обретенны нетленными спустя 17 лет.

Среди нас пребывает новообращенный раб Божий, крещенный именем преподобного старца Печерского — ратник четвертого десятка Младшей стражи Феодосий. Поздравим же его с праздником тезоименитства!

Все дружно поклонились враз покрасневшему до корней волос имениннику. Мать Дударика, принявшая в Младшей страже должность шеф-повара, поднесла ему большущий, так, чтобы хватило угостить весь четвертый десяток, медовый пряник.

— Стража! Садись!

"Отличался необычайной кротостью и смирением... Ну да, как раз то, что и требуется курсантам военного училища, блин. Хотя, десять дней назад с Георгием Победоносцем вышло тоже не лучшим образом. Именинник взял да и поинтересовался: почему это Георгий «случайно» проезжал мимо именно тогда, когда дракону должны были отдать царскую дочь, а не какую-нибудь холопку. До сих пор стыдно вспоминать, как выкручивался".

— Господин наставник...

Около мест, на которых сидели Мишка и Немой остановился "новообращенный Феодосий", держа на подносе уже разрезанный именинный пряник. Как-то быстро и незаметно сложилась традиция — резать пряник не на десять а на двенадцать кусков и угощать старшину и наставника Младшей стражи.

Мишка обнял парня, сказал, чтобы слышно было всем:

— Поздравляю, Федот, спасибо за угощение.

Немой тоже облапил именинника, тот окончательно застеснялся и чуть не выронил поднос.

Именины праздновали уже несколько раз. Отцу Михаилу, чтобы зараз окрестить более полусотни новообращенных пришлось крепко посидеть над святцами, и ни одного святого, чей день поминовения приходился на апрель или май, он не пропустил. К условию деда — чтобы имена, по возможности, не повторялись — отец Михаил отнесся с пониманием. Под это дело Мишка окрестил весь первый десяток именами апостолов. Как раз получилось десять: Андрей, Петр, Иаков, Иоанн, Филипп, Варфоломей, Фома, Матфей, Фаддей и Симон [5] .

Смотреть на отца Михаила во время обряда крещения было одно удовольствие — такое массовое обращение язычников поправило ему здоровье лучше, чем все оздоровительные процедуры тетки Алены, а о способах убеждения к которым прибег сотник Корней, чтобы подвигнуть пребывающих во тьме язычества на принятия православия, деликатность требовала умолчать.

3

1032 год. Разница между датами, исчисляемыми от Сотворения Мира и от Рождества Христова составляет 5508 лет.

4

Сейчас это 23 апреля или 6 мая по новому стилю.

5

Апостолов, как известно, было двенадцать, но Иудой никому, конечно, зваться не понравится. Кроме того двое апостолов были Иаковами: Иаков Зеведей и Иаков Алфей. Так у Мишки и получилось десять. Были среди апостолов и еще тезки: Симон брат Андрея и Симон Кананит, но у брата Андрея Первозванного было прозвище — Петр (камень). Под этим именем он, в основном и известен, особенно, среди неверующих и непросвещенных.

Ниней к насаждению христианских порядков отнеслась терпимо, единственным условием, которое она выставила, было — не строить в деревне церковь. Мишка попал между Нинеей и отцом Михаилом, как между молотом и наковальней, но выход нашел дед. Посмотрев, начерченный Мишкой план крепостцы и выслушав мишкины сомнения, сотник принял соломоново решение:

— Крепость поставим на другом берегу Пивени, а место для храма выберем так, чтобы с этого берега крест не был виден.

— Деда, Нинею не обманешь.

— А и не надо, она баба умная, сама все поймет.

Делами воинской школы Нинея заинтересовалась всерьез. Сначала, вокруг шастала Красава, держась особняком от холопских детишек, которые, пользуясь отсутствием ограды, лезли во все щели. Потом, дней десять спустя после переезда из Ратного, Красава предупредила Мишку: "Завтра с утра бабуля придет на вас посмотреть".

Явилась Нинея на утренний развод. Была величественна и строга — в черной, шитой золотом одежде из дорогой заморской ткани, с резным посохом в руке — том самом наряде, в котором принимала официальный визит сотника Корнея.

Мишка скомандовал: "Смирно, равнение на середину!", отрапортовал "матушке боярыне", представил Немого и десятников, потом разродился краткой речью для личного состава на тему: "Светлая боярыня Гредислава Всеславна принимает воинскую школу на своей земле под материнское попечение, и все мы обязаны исполнить долг боярской дружины, буде в том возникнет нужда".

Нинея одобрительно кивала, то ли выражая удовольствие, то ли подтверждая мишкины речи. Потом медленно пошла вдоль строя «курсантов», внимательно вглядываясь в лица, а иногда и заговаривая то с одним парнишкой, то с другим, Дударика и вообще ласково погладила по голове. Мишка, на протяжении почти всей процедуры маялся, пытаясь понять: что это все ему напоминает? Под конец, все-таки, вспомнил — Черчилль!

Кадры старой кинохроники о визите английского премьер-министра в Москву, то ли 1941 то ли 42 году. Черчилль точно так же медленно шел вдоль строя почетного караула, иногда останавливаясь и вглядываясь в лица солдат. Мудрый аки змий премьер-министр из древнего рода герцогов Мальборо пытался понять: выдержат ли русские удар военной машины Гитлера. И что-то тогда для себя понял.

Нинея тоже что-то поняла.

— Хорошие у тебя ребята, Мишаня, правильно их Корзень выбирал. Один только... Вон того, конопатенького, гони — с головой у него непорядок, сейчас незаметно, а годика через два... Оружие ему в руки давать нельзя.

"Красота! Только один из пятидесяти, да ТАМ любая призывная комиссия померла бы от счастья. У них-то все наоборот — один абсолютно здоровый из пятидесяти призывников, уже хорошо, а то и столько не набирается".

— Спасибо на добром слове, матушка боярыня, не желаешь ли посмотреть, чему учить ребят собираемся?

— Отчего же не посмотреть?

Нинея с достоинством утвердилась на специально для нее приготовленной лавке, а ребята повторили для нее (да и для «курсантов» тоже) часть циркового представления. Жонглировали кинжалами, скакали верхом, стреляли из самострелов. Когда в стоящего у стены дома Роську полетели кинжалы «курсанты» чуть ли не хором ахнули, а когда Мишка, завязав глаза, принялся поражать одну мишень за другой, разразились восторженными криками.

Неожиданно для Мишки, к представлению подключился Дмитрий. Сначала сделав круг верхом, он повторил номер с подбором на скаку воткнутого в землю кинжала, а потом соскочив на землю и дав коню отбежать, заарканил скакуна. Заставив коня остановиться, Митька птицей взлетел в седло и показал такой класс джигитовки, что даже Немой несколько раз одобрительно хлопнул в ладоши.

Ниня смотрела на представление с обычной ласковой улыбкой, иногда кивая головой, а когда все закончилась, обратилась к «курсантам»:

— Ну, ребятки, коли все так выучитесь, я за вами, как за каменной стеной буду, никакие вороги не страшны!

«Курсанты» снова разразились восторженными воплями. Мишка причины восторга не уловил, но немного позже случайно услышал спор парней и понял, что Ниня и здесь умудрилась проявить свои волховские навыки. Каждый из учеников воинской школы был совершенно искренне уверен: именно с ним Ниня ласково поговорила, задержавшись дольше, чем около других учеников. Сделанное открытие Мишке очень не понравилось. Случись что, неизвестно, кому подчинится полусотня — своему старшине или Нинее.

Закончив "смотр войск", Ниня ласково попрощалась и попросила Мишку проводить ее до дома.

"Внимание, сэр Майкл, баронесса Пивенская увиденным осталась явно довольна, следовательно, сейчас должно последовать некое предложение, от которого, скорее всего, будет очень трудно отказаться".

— Скажи-ка, Мишаня, как долго вы всему этому учились?

— Трудно сказать. — Мишка неопределенно пожал плечами. — Кинжалами играть я сам все лето учился, а братьев начал учить уже после купальских праздников, но к осени они умели уже все, что и я. Из самострела учиться стрелять начал в октябре, когда у тебя выздоравливал, а в середине декабря уже от волков отбиваться довелось.

— Слыхала, слыхала... Ты ведь тогда семерых зверей завалил?

— Пятерых. Только тогда я еще не очень-то метко стрелял, повезло просто. Но если считать от начала учебы и до тех волков, выходит месяца два. А братьев я примерно за месяц обучил, правда на слух стрелять они не умеют, впрочем и не старались научиться, да и некогда было.

— Значит, к осени ребят обучишь?

Мишка снова пожал плечами.

— Как получится. Кого-то лучше, кого-то хуже — способности-то у всех разные.

— Тех, у кого худо получаться будет, ты ко мне присылай, помогу. Но только тех, кто старается и не выходит, а лентяев сам вразумляй. Понимаешь?

Мишка еще не успел раскрыть рот для ответа, как Ниня «выстрелила» вопросом:

— Почему братья выучились быстрее, чем ты?

И снова тот самый взгляд, под которым невозможно соврать даже в самой малости. Мишка

даже вздрогнул, хотя врать и не собирался.

— Так я почти всему сам учился, а братьев и я учил и дед с Немым помогали.

Ниней некоторое время шла молча, Мишка шагал рядом, гадая о причинах такого интереса Ниней к срокам обучения.

"Что-то планируется на осень? Ерунда, я со своими пятьюдесятью самострелами серьезно ни на что повлиять не смогу. Да и что вообще может быть осенью? Дожди, грязь, непролазная, до первого снега всякое движение замирает. Чего-то Вы, сэр, не понимаете, вернее информации не хватает. Да и с Нинеей с каждым разом разговаривать все труднее становится, какой-то непонятный напруг между нами все усиливается и усиливается".

Ниней, наконец прервала молчание:

— Если я тебе еще полсотни ребят приведу, сможешь выучить вместе со своими?

"Так! То, о чем я и думал — обучать языческие кадры на нашей базе. Нет уж, милейшая баронесса, чтобы потом эти же «кадры» моих ребят по лесам резать принялись?"

— Нет, баба Ниней, прости, но нет.

Ниней явно не была готова к столь решительному отказу, раньше Мишка себе подобного тона никогда не позволял. Она даже остановилась и уставилась на Мишку испытующим взглядом.

— Что ж так, Мишаня?

— Воины должны быть единоверцами, у меня учатся только крещеные.

— Этих же окрестил, и моих окрестишь, я позволяю.

"Ну да, все как по нотам — притворное крещение для получения знаний и навыков".

— Тесно у нас, этих-то с трудом разместили, куда же еще-то?

Ниней сердито стукнула посохом в землю.

— Не юли, Мишаня! Не хочешь брать моих ребят! Почему?

— Был у нас уже об этом разговор, баба Ниней, помнишь, наверно. Я делаю только то, последствия чего могу себе точно представить. А сейчас я последствий представить не могу. Вернее, могу, но они мне не нравятся. Учить тех, кто потом мне нож в спину всадит, это ж каким дураком надо быть? Ты же меня дураком не считаешь? До тех пор, пока ты мне не объяснишь, зачем тебе это понадобилось... И пока я не поверю, что это так на самом деле и есть... Не обессудь, ни одного твоего человека в учение не возьму.

— Вот, значит, как...

Ниней отвернулась от Мишки и медленно пошла к своему дому, а Мишка остался стоять на месте. Этого Ниней, похоже, тоже не ожидала, видимо думала, что старшина Младшей стражи пойдет следом, попытается что-то объяснить, как-то смягчить впечатление от своего отказа... Мишка же, хоть и было ему неприятно отказывать Нинее, чувствовал за собой правоту и ни каяться, ни менять своего решения не собирался.

Старуха снова зло ткнула посохом в землю, и развернулась лицом к Мишке.

— Не веришь мне? Я тебя когда-нибудь обманывала? Хоть раз зло тебе сотворила?

— Мне — нет, но сейчас я не за одного себя отвечаю. А верю или не верю... Крещение ведь будет притворным? Так?

— А эти? — Ниня кивком головы указала на дом, в котором размещалась воинская школа. — Они по своей воле крест приняли?

— Нет, не по своей, во всяком случае, не все. Однако приняли, не для того, чтобы отринуть!

— Воинская школа на моей земле стоит, и я не могу в ней своих людей учить?

— ...

— Да стоит мне только повелеть!..

— ...

"Ну, сэр, сейчас ка-ак долбанет... Как того волхва... Как там Беяна причитала: "Убьет или разума лишит".

Мишка буквально физически ощутил, как давит на него воля ведуньи, захотелось, если не сбежать, то хотя бы отвести глаза, но именно сейчас этого ни в коем случае делать было нельзя.

"Нет здесь никакой мистики! Надо только выдержать, не поддаваться... Б-б-блин... Не будет она меня убивать, ей не убить, а подчинить надо... Кажется, надо выстроить в сознании стену, даже мысленно представить ее себе... Или все проще? А ну, пошла на хрен, старая карга! Сейчас сам как долбану!"

Похоже — получилось... Давление пропало, а Ниня, уже не угрожающе, а как-то совсем по-женски обиженно воскликнула:

— Да что ж ты молчишь-то, Мишаня?

— ...

"Жалко бабку, что-то важное я ей, похоже, обломал... А ведь ничего, кроме добра от нее не видел. Но нельзя иначе!"

Ниня неожиданно улыбнулась и заговорила тоном ворчливой бабки:

— Верно тебя Бешеным Лисом зовут... Ладно, паршивец эдакий... Пошли в дом, там поговорим.

"Не верю!", как говорил товарищ Станиславский. Это: "Стоит мне только повелеть" — не просто так выскочило. И попытка ментальной атаки, хотя знает, что меня, так как остальных, не ей пригнуть. Редкое зрелище Вам открылось, сэр Майкл — мадам Петуховская сорвалась, потеряла контроль над собой! Но, судя по тому, как она быстро взяла себя в руки, Вы, сэр, нужны ей позарез. Правда возвращение в образ доброй бабушки вышло не очень натурально — нервы, годы...

Однако, если прозвучало предложение поговорить, то получается, что тогда — в начале

апреля — Вы, сэр Майкл, были правы, решив не форсировать и дожидаться, пока старуха сама расколется. Вот, похоже, и дождались. Теперь, чтобы Вас убедить, ей придется выдать хотя бы часть тех планов, которые у нее в отношении Вас, сэр, имеются. А планы, надо понимать, очень для нее важные, иначе Ниня не сорвалась бы при первом же возникшем препятствии. Ну что ж, слушаем".

— А может здесь поговорим, баба Ниня? Не дай Бог, Красава почует, что мы с тобой поссорились.

— А вы вовсе и не ссорились! — Голос Красавы прозвучал за спиной так неожиданно, что Мишка чуть не подпрыгнул. — Ты просто боишься бабулю, а чего бояться-то?

— Ну ты даешь, Красава! Так и заикой сделать можно...

— Ну вот, и меня испугался!

"Выпороть бы тебя, соплячка...".

— Ага! А теперь рассердился! — Красава явно получала удовольствие от применения недавно освоенной науки.

"Ну-с, мадмуазель, если Вы считаете себя такой умной... Пороть-то по-разному можно".

— Правильно, рассердился. А можешь сказать: почему?

— Потому, что я незаметно подкралась и узнала то, что ты не хотел, чтобы я знала!

— И это правильно. И чего же я, по-твоему, боюсь?

— Я же сказала: бабулю.

— Бабулю, которая мне жизнь спасла и от которой я ничего, кроме добра не видел? Я, которого Светлые Боги так любят, что бабуля меня заморозить не может?

Бзынь! Подзатыльника от Мишки Красава никак не ожидала и не только не смогла увернуться, но даже на какое-то время оцепенела от изумления. А Мишка, схватив Красаву за плечо, уже орал, как Петька на своих ратников:

— Бабуля на тебя свистелку все силы тратит, знания свои тебе передает, а ты ни на что, кроме игрушек их применить не можешь! А ну-ка, называй признаки страха!

— Бабуля, он меня... — Красава сначала попыталась вырваться, не вышло, потом вознамерилась пустить слезу. Мишка вспомнил, как мать муштровала Машку и топнул ногой.

— Не реветь! Стоять прямо, руки опустить, смотреть на меня! Да не по коровьи смотреть, ты волхва, твой взгляд — твоё оружие! Теперь отвечай: глаза у меня расширились или, может, я озирался?

— Нет...

— Я горбился, сутулился, плечи опускал?

— Нет.

— Голос был тихим, прерывался, речь была невнятной?

— Нет.

— Я дрожал, пятился?

— Нет.

— Руками я одежду тербил, за лицо или за горло руками брался?

— Нет.

— Колени я подгибал, на месте без толку топтался?

— Нет. — С каждым ответом голос Красавы становился все тише и тише.

— Так где ты у меня страх увидела?

— ...

— Не молчать! Отвечай: с чего про страх подумала?

— Почувствовала...

— А если чувство и зрение по-разному говорят, что это значит?

— Не знаю...

— Так вот, запомни: недоучка — хуже неумехи. Я тебе только подзатыльник дал, а кто-нибудь другой и убить может.

Мишка опустился на корточки и притянул Красаву к себе. Погладил по голове, зашептал на ухо:

— Не печалься, Красавушка, ты только начала учиться, многого еще не знаешь, но это не страшно — научишься, ты умница и красавица, тебе ведовство дастся, я знаю. Станешь великой ведуньей, все мои ратники тебя почитать станут. Вот придешь ты к нам, а я воинов построю и доложу тебе: "Светлая боярыня Красава, ратники Воинской школы для смотра построены!". И ты пойдешь вдоль строя, как бабуля сегодня, и все будут на тебя смотреть с любовью. Будешь каждому заглядывать в глаза и все про него понимать, а они будут рады любой твой приказ выполнить.

А на меня, Красавушка, не обижайся, в жизни всякое случается и преодолеть сопротивление, сдержать встречный удар, тоже надо уметь. Считай, что сегодня ты и этому учиться начала. Но одно запомни на всю жизнь: люди — не куклы, ведовство — не игрушка. Забудешь — превратишься из ведуньи в ведьму.

Красава затихла у Мишки на груди, а он спиной чувствовал пристальный взгляд Нинеи. Слышать его шепот волхва вряд ли могла, хотя, кто ее знает...

— Ты, Красавушка, все правильно почувствовала, только это не страх был, а напряжение. Когда у человека чего-нибудь не получается, или он с кем-то спорит, или еще из-за чего-то ему плохо, а виду показать нельзя, то у него внутри... как бы тетива натягивается — вот-вот лопнет. В это миг его лучше не трогать — дать время остыть, успокоиться. И уж тем более, нельзя на

него неожиданно наскокивать.

Когда такое напряжение срывается, ну, как бы тетива лопаается, человек обязательно себя как-то нехорошо ведет. Женщины в слезы ударяются, бывает, что и с криком, с визгом. Чем-нибудь кидаются, что-то рвут, портят. Когда уж совсем край, то ногтями в рожу обидчику вцепляются, а если не обидчику, то тому, кто под руку попался.

Мужчины, когда срываются, не плачут, а ругаются скверно, кричат, норовят что-нибудь сломать, разбить или ударить кого-то, могут даже покалечить или убить. В общем, не владеет человек собой в такой миг. Потом самому стыдно, даже страшно, бывает, но так уж мы устроены, ничего не поделаешь...

Вот ты видела, как бабуля в землю посохом стучала? Говорила сердито: "Это моя земля! Стоит мне только повелеть!"? Это и есть такой срыв, только бабуля собой хорошо владеть умеет, поэтому все не так сильно было. А когда ты ко мне неожиданно подкралась, и я тоже сорвался — подзатыльник тебе дал.

Все из-за того, что разговор у нас трудный был. Мне бабуле отказывать не хотелось, но и выполнить ее желание я не мог, а ей обязательно нужно было, чтобы я ее желание выполнил, но заставлять силой меня она не хотела. Оттого и напряжение — то, что ты почувствовала, но признаков страха не увидела. Понимаешь меня?

— Угу...

— Не обижаешься за подзатыльник?

Красава отрицательно помотала головой. Мишка выпрямился, взял Красаву за руку, повернулся к Нинее лицом.

— Прости, светлая боярыня, за то, что при тебе твою внучку поучать взялся, но такие уроки тоже нужны, настоящей учебы без них не бывает.

— Все правильно, Мишаня, и говорил ты все верно... почти.

— А что не так?

— То, что знаем только мы, а вам не дано... был бы ты девкой...

На лице Ниней не было обычной улыбки, не улавливал Мишка на нем и отражения каких-то других эмоций, но почему-то был уверен: в мозгу Ниней набатом бьется вопрос: "Кто ты, парень? Откуда ты такой взялся?".

— Стража! Встать!

Мишка за воспоминаниями даже не заметил, как прошел обед. Поднялся со своего места, вместе со всеми повернулся лицом в Красный угол.

— Благодарим Тя Христе Боже наш, яко насытил Ты еси нас земных Твоих благ; — начал громко дежурный десятник Дмитрий.

— Не лиши нас и Небесного Твоего Ц арствия, но яко посреде учеников Твоих пришел еси, — хором подхватили «курсанты» — Спасе мир даяй им, приди к нам и спаси нас.

— Аминь. Выходи строиться!

Ученики Военной школы потянулись к выходу, а Мишка поплелся в свою горницу доделывать расписание занятий на следующую неделю. Однако учебные дела никак не лезли в голову, все время вспоминался тот день, когда Ниня предложила вдвое увеличить численность «курсантов» военной школы...

Едва войдя в дом Ниня велела Красаве собирать на стол.

— Да пива принеси — у нас мужчина в гостях! — Ниня радушным жестом указала Мишке на место во главе стола. — Садись Михайла Фролыч, разговор у нас долгим будет.

— Ну какой я Михайла Фролыч, баба Ниня...

— Михайла Фролыч! — С нажимом повторила Ниня. — Или мне с тобой, как с мальчишкой разговаривать?

— Гм... Да я же тебе во внуки гожусь... если не правнуки...

— Ты мне в командиры моей боярской дружины годишься! — Ниня сделала паузу и вроде бы передразнила Мишку: — Если не в воеводы княжеские...

"Ну и шуточки у Вас, баронесса, а с пивом, сэр, пожалуй, поосторожнее надо — ведовское. Будете потом мозги по всем карманам искать, хотя карманов-то, как раз, еще и не изобрели. Матери, что ли, идею подкинуть? Блин, о чем думаю?"

Красава с поклоном поднесла гостю ковш, Мишка отхлебнул пару глотков и поставил посудину на стол. Демонстрировать вежливость, осушая ковш до последней капли не стал. Ниня понимающе усмехнулась и едва заметным движением головы отослала Красаву в угол к остальным детишкам.

— Значит, не хочешь моих ребят в учение брать?

— Так, баба Ниня.

— Чего опасаться?

— Если хорошо их учить, то через три-четыре года они станут годны для службы в латной коннице. С опытными ратниками, конечно, не сравнятся, но опыт — дело наживное. Самое же главное, каждый из них сможет обучить десяток-другой мальчишек, а те — еще сколько-то... Лет через десять-пятнадцать в здешних местах появится сила, способная на равных противостоять княжеской дружине и неизвестно кому подчиненная.

— Неизвестно кому подчиненная... — Ниня повторила последние Мишкины слова не то с сомнением, не то с насмешкой. — Сам-то что об этом думаешь?

"Ну нет, светлая боярыня, на эту удочку я сегодня не ловлюсь!"

— Думать можно, если есть знание, а если его нет, то можно только гадать.

— И какое же знание тебе нужно?

— Одеть, обусть, вооружить и несколько лет кормить полсотни молодых мужиков — не пустяк. Для этого средства нужны, и средства немалые. Их надо где-то добыть. Первый вопрос: откуда средства? Военская сила требует применения, в сундук до времени ее не спрячешь. Даже хорошо обученный воин, без боевой практики — не воин. Второй вопрос: Где и с кем воевать? Военская сила сама по себе не существует — должен быть хозяин. Третий вопрос: кто? Ну и последнее: если кто-то решил завести себе воинскую силу, вложить в это очень и очень серьезные средства, то у него должна быть для этого очень и очень серьезная причина. Тогда четвертый вопрос: зачем?

Ниня помолчала, зачем-то переставила с места на место несколько тарелок на столе, не глядя на Мишку, прокомментировала:

— Первый вопрос — зряшный. Если предлагаю, значит средства есть. Второй вопрос... тоже зряшный. Война где-то идет всегда. Если князья между собой не ратятся, то есть еще Степь. Есть угорский, ляхский, литовский рубежи. Есть Мордва, Булгар, Чудь, на худой конец, Цареградские земли. Любой князь подмоге рад будет и долю в добыче выделит. Можно даже для начала противника послабее выбрать, чтобы сразу мальчишек в пекло не совать.

"Да, сэр, с этим раскладом не поспоришь, неужели бабка сама все продумала? Или, все-таки, с кем-то советовалась? Все равно, последние два вопроса самые важные, пока не ответит, никакого решения я принимать не могу. Да и потом... Деда, ведь, еще убеждать придется. Ну это-то она и без меня знает, но почему-то считает, что уломать, в первую очередь, надо меня. Попробовать обострить? Придется — информацию надо выжимать по максимуму".

— С ответом на второй вопрос согласен. А вот с ответом на первый — нет. Прости, Ниня Всеславна, но это римляне говорили, что деньги не пахнут, а для меня пахнут!

— Строг ты, Михайла Фролыч...

— Не в игрушки играем, Гредислава Всеславна! — в тон волхве ответил Мишка.

— А если не в игрушки, — Ниня построжела лицом — то должен понимать: если узнаешь «кто», то поймешь и чем пахнет!

"И вовсе не обязательно! Сейчас скажет: "мои средства", и поди угадай, откуда что взялось? Да чего она крутит-то? Если уж начала разговор, так колись. Иначе зачем начинать-то?"

— Хорошо, баба Ниня, оставляю два вопроса: "кто?" и "зачем?".

Ниня снова помолчала, крутя в руке ложку. Все ее поведение настолько не вязалось с привычным образом волхвы, что Мишку даже взяла легкая жуть.

"Сейчас как выкатит такую информацию, после которой: либо соглашайся, либо вперед ногами вынесут... Да чего она тянет-то, можно подумать девственности лишается... Пивка, что ли, принять, для разговору?"

— Ты пей, Мишаня, пей, рыбкой, вон, закуси...

"Блин, все чует, как голый перед ней! Ну уж хрен Вам, мадам Петуховская! Хватит кругами ходить!"

— Благодарствую на угощении, Гредислава Всеславна, но видать время для разговора неудачное. Пойду я.

Мишка поднялся с лавки, оправил рубаху под поясом...

— Сядь! Ты мне гонор не показывай, я и не таких видала! Сядь, я сказала!

Мишка опустился на прежнее место, уставился на Нинею в упор.

— Сам сказал, что в правнуки мне годишься, изволь вежливым быть! Забыл, как надо разговор застольный вести?

Мишка сделал постное лицо и елейным голосом пропел:

— По здорову ли, боярыня Гредислава Всеславна? Погодка-то нынче какова, скоро скотину на первую травку выгонять можно будет...

— Не скоморошничай!

Нинея в сердцах стукнула ложкой по столу. Странно было видеть, что она все никак не может выбрать верного тона для разговора. Это Нинея-то! Мишке вдруг стало жаль старуху. Почему она была так уверена, что Мишка поверит ей на слово и даже не поинтересуется, для чего ему подсовывают полсотни учеников? Почему отказ, даже и не отказ, а просто просьба объяснить ситуацию, выбивает ее из колеи?

— Баба Нинея, не сердись на меня. Мне ведь тоже трудно. Сама подумай: такое решение на себя взять... Не могу я вслепую. Не хочешь объяснить... или, может, нельзя тебе... Ну и не надо, забудем.

Нинея сидела молча, не глядя на Мишку. Кажется, уловила его жалость к себе и это раздосадовало ее еще больше. Потом со вздохом поднялась и, ничего не сказав, ушла за занавеску.

"Приехали, сэр, и что теперь прикажете делать? Встать и уйти — дурость. Сидеть и ждать — чего? Закурить бы... Блин! А это-то откуда? Да оттуда же, сэр Майкл, привычное в ТЕ времена заполнение паузы. Вот Нинея-то обалдела бы! Ну что ж, если нельзя закурить, то можно выпить. Пиво, позвольте Вам заметить, сэр, отменное, ТАМ такого не варят. И закуска тоже..."

Над головой раздался голос Нинеи:

— На! Узнаешь?

На стол перед Мишкой легла красная шелковая ленточка.

"Ох, мать твою..."

— Узнаешь?

— Узнаю... В Туров ехать? Но откуда? Баба Нинея, откуда...

— Никуда ехать не надо. Это — не зов, это — знак. Теперь веришь мне?

Нинея нависала над сидящим Мишкой, словно собиралась, в случае отрицательного ответа,

прихлопнуть его, как муху.

— Я тебе и раньше верил... всегда. Дело же не в недоверии, мне понять надо!

— Ну, так понимай: то, что я прошу тебя сделать, нужно княгине Ольге. Этого тебе хватит?

Мишка чуть не ляпнул «да».

"Тпру, стоять, сэр Майкл! Бабка пытается использовать эффект неожиданности, чтобы не открывать карты до конца. Кто же ей ленточку-то привез? Чудны дела твои, Господи, но и мы многогрешные тоже кое-что видали!"

— Это — Мишка кивнул на ленточку — знак или приказ?

— А не все равно?

— Нет. Если знак, то тогда это только ответ на вопрос "кто?". Но не на вопрос "зачем?". А если приказ, то вопрос "зачем?" я задавать не имею права. Приказы выполняются, а не обсуждаются.

— Ну и выполняй.

— Не буду!

"Блин, доведу бабу до гипертонического криза, надо срочно объяснить свое поведение".

— Баба Ниня, ты сядь... Кваску испей... Или, может, пивка?

— Изгаляешься, паршивец? А ну, пошел вон! Чтобы глаза мои тебя больше не видели! И щенков своих забирай! Чтобы духу вашего...

"Эх! Пропадай моя телега, все четыре колеса!"

— Молчать, баба!!!

Мишка грохнул по столу кулаком, специально попав так, чтобы зацепить по краю ковш с пивом. Ковш полетел кувыркком, пиво плеснуло на Ниню, та ошарашено отшатнулась. Давно, видимо, с ней так никто не обращался, а может быть, и вообще никогда. Мишка ковал железо, пока горячо.

— Забыла, что у воинов тоже есть то, что для бабьего ума непостижимо? Или не знала никогда?

— Да я тебя...

"Сейчас долбанет... Ну уж нет..."

Мишка широко, изо всей силы махнул рукой над самой столешницей. Посуда и еда полетели в Ниню, та непроизвольно закрылась руками, давая Мишке драгоценные мгновения. Мишка толкнул старуху на лавку, схватил за руку и, чувствуя, как поднимается внутри лисовиновское бешенство, зашипел, глядя Нинее прямо в глаза:

— Покорности приказам есть предел!!! Мой прадед сотника зарезал за дурной приказ!!! Я Лисовин!!! Можешь меня убить, но куклой...

— А-а-а!!!

Тельце Красавы с разбегу врезалось Мишке в бок, запястье резанула боль — на руке, вцепившись в нее зубами, повис Глеб. Мишка покачнулся, попытался отмахнуться от детишек и... перед глазами все поплыло, Мишка понял, что падает.

"Достала, все-таки, ведьма...".

Льющаяся на лицо холодная вода попала в нос, Мишка закашлялся, попытался отмахнуться рукой, не вышло, пришлось отвернуть голову, вода полилась в ухо.

— Хватит, Красава! Очнулся он. Вставай, Аника-воин, вставай, кончилась война.

Мишка разлепил глаза, прислушался к ощущениям — вроде бы все в норме. Сел, попытался отереть лицо рукавом, но тот оказался мокрым.

— Красава, дай ему чем утереться.

Ниня сидела за столом, и вид у нее был довольный до чрезвычайности.

"Ни хрена не понимаю, блин. Она же меня должна была...".

— Вставай, Мишаня, вставай, все хорошо, не бойся.

— А я и не боюсь. — Мишка завозил по лицу поданным Красавой полотенцем. — Сразу не убила, теперь бояться нечего.

— Ну вот и ладно, вставай.

Мишка поднялся, снова прислушался к самочувствию — никаких неприятных ощущений, кроме мокрой рубахи. Огляделся. В горнице прибрано, ни опрокинутой посуды, ни разбросанной еды.

"Долго я в отключке валялся, успели прибраться. Что же, все-таки произошло?".

— Что это было, баба Ниня?

— То, что и должно было быть. Прав Корзень, толк из тебя будет... Лисовин.

— Так ты что, дурила меня?

— Проверяла. — Ниня снова стала доброй, улыбчивой бабушкой. — Обижаешься?

— На вас с дедом обидишься... Вы ведь сговорились? Ну, баба Ниня, сговорились же?

— Догадливый...

— Значит, от моего решения ничего не зависело?

— Наоборот — все зависело. И не только от самого решения, но и от того, как ты его примешь.

— Так я его не принял...

— Правильно, если уж я тебя не смогла уломать, значит и никто тебя с толку не собьет.

"Врешь, бабка, это ты сейчас все проверкой выставляешь, а был момент, когда ты контроль над ситуацией потеряла. И в то, что, что я натурально на псих сорвался, ты поверила. Так что, не всемогущи Вы, баронесса, не всемогущи".

— Ну, так как? Примешь теперь учеников?

— Нет.

— Неужто против деда пойдешь?

— Ну почему же? Он — сотник, прикажет, я выполню. Но это будет его решение, а не мое. Сотнику виднее, он знает то, чего я не знаю.

"Спектакль, блин. Давненько Вы, сэр, в театре не были. Сейчас, по законам жанра, откроется дверь и войдет лорд Корней. "Молодец, внучек! Мы тебя испытывали, и ты испытание выдержал!". Яволь, герр штурмбанфюрер! Рад стараться! Если еще где дебош с битьем посуды устроить или, скажем, старухе морду набить — со всем нашим удовольствием!"

Не-а, не входит сотник. А что, собственно, изменилось? Ну сказала Нинея, что дед в курсе, а я так сразу и поверил? После всего, что она тут мне изобразила? А ху-ху не хо-хо?"

— Нет, Мишаня, на деда не ссылайся, ты решение сам принять должен, потому, что такие дела из-под палки не делаются.

— Тогда убеди, докажи, что я не прав, только ребятишек сначала успокой, напугались, поди.

— За ребятишек не беспокойся, ты Красаве сначала рассказал, как люди срываются, потом сам же и показал, как это бывает, а я ее как раз и поучила, как такого сорвавшегося угомонить.

"Есть контакт! Не уловила старуха фальши, блистать Вам, сэр, на подмостках столичных театров!"

Мишка даже слегка поерзал на лавке, чтобы не выдать своей радости.

— А убеждать тебя почти и не надо, — продолжала, между тем, волхва — ты сам уже готов ко всему. Помнишь наш разговор о власти, о Державе, о том, что Рюриковичи землю на части рвут? Порадовал ты меня тогда, все верно говорил, только об одном забыл.

— О чем же?

— О человеке — о властителе. Таком, которого земля примет, за которого народ подняться захочет. А человек такой есть, ты его даже видел однажды.

"Ну, прямо, как в стихах: "Я Ленина видел!". Только вот не припомню, что-то".

— Это кто ж такой, баба Нинея?

— Помнишь, княгиня Ольга мне поклон от Беаты передавать велела?

— Помню.

— Беата — бабка княгини. А еще она праправнучка дочери последнего древлянского князя Мала. Князь Мал успел тогда, еще до войны с Киевом, дочку за чешского короля выдать. Так

что, княжич Михаил Вячеславич потомок древлянских князей.

— По женской линии. — Уточнил Мишка.

— Других нет. — Признала Ниня с явным сожалением. — Или есть, но про них ничего неизвестно. Важно не это. Важно то, что его признают князем и Рюриковичи, и древлянские роды, и дреговические.

— Так ты хочешь для него дружину в нашей школе вырастить? — Догадался Мишка.

— Не просто дружину — войско для Державы! Такое, чтобы ни один из Рюриковичей, ни все они вместе, на древние славянские земли посягнуть не могли.

— Хочешь туrowsкую землю от Руси оторвать?

— Не только — Ниня как-то невесело усмехнулась. — Но начнем отсюда. Вот тебе и ответ на вопрос "зачем?".

Разговор в тот день у Мишки с Ниней получился долгим. Ниня рассказала про бояр и боярынь, которые отправились вместе с древлянской княжной в Чешское королевство. Рассказала, как дошла до уехавших страшная весть о гибели Древлянского княжества, как пытались они уговорить чехов на войну с Киевом, как лелеяли планы мести...

Шли годы, десятилетия... Умирали старики, прерывались роды последних древлянских бояр, потомки их забывали свои древлянские корни, не осталось мужского потомства носителей крови древлянских князей.

Мишку поразило то, с какими подробностями и потрясающим "эффектом присутствия" рассказывала Ниня почти двухсотлетнюю историю, словно все происходило на ее памяти.

"Сколько же ей лет, на самом деле? Нет, какой бы мощной волхвой она ни была, столько не живут. Но история, сама по себе, выглядит в общем-то достоверно, а Ниня вполне может быть внучкой или правнучкой кого-нибудь из тех, оставшихся при чешском дворе, бояр".

По всему получалось, что боярыня Гредислава осуществляет сейчас функции "местоблюстителя Древлянского престола", а брак княгини Ольги и князя Вячеслава Владимировича Туровского — результат весьма непростой интриги с далеко идущими последствиями.

"Время выбрано подходящее — если после смерти Мстислава Владимировича его братья не признают наследником Всеволода Мстиславича Новгородского и начнут борьбу за Киев, им станет не до Туровских дел.

Можно к совершеннолетию княжича Михаила поднакопить ресурсы для того, чтобы объявить Турово-Пинское княжество независимым, все может получиться. Но какие же силы участвуют в такой серьезной интриге? Если католическая Польша или, чем черт не шутит, вообще папский престол, то вся операция, в конечном счете, направлена на ослабление Руси. И мне предлагается в этом участвовать? А дед? Он что, не соображает, к чему все это может привести?"

— Баба Ниня, но это же ослабит Русь! Мы же на руку латинянам действовать будем! Ты не

думаешь, что все это ими и затеяно?

— А я что, сильно похожа на католичку?

— Но ты можешь и не знать... Политика — такая штука...

— Это ты пока мало что знаешь. — Нинейя немного помолчала, а потом завела речь издалека:

— Рюриковичи своими усами, глупостью, жадностью всем уже осточертели. Одно благо от них — от Степи славянские земли худо-бедно защищают. Мономах молодец, если бы Святославичи в Киеве сидели, давно бы уже все развалилось. Но ему жить осталось недолго, что потом? За власть будут бороться три силы. Первая — Мономашичи сыновья Владимира, если, конечно, между собой не перегрызутся, но, скорее всего, не перегрызутся — чувствуют опасность.

Вторая сила — черниговские Святославичи. Их много, и они уже порезали Черниговское княжество на уделы. Но народ их не любит за то, что не единожды приводили на славянские земли половцев, когда своих сил было недостаточно. Могут и в этот раз такую же пакость учинить. Но есть еще и третья сила — полоцкие князья. Знаешь, почему Полоцк с Киевом на ножах уже больше ста лет?

— Владимир Святой, когда собрался принимать христианство и жениться на Цареградской принцессе, отослал свою жену Рогнеду обратно в Полоцк.

— Да не просто жену! — Нинейя сердито повела плечами и нахмурилась. — Когда Владимиру Святославичу пришла пора жениться, Ольга Киевская посватала ему полоцкую княжну Рогнеду, но полоцким князьям показалось зазорным отдавать Рогнеду за сына рабыни. Ответили отказом, и отказом грубым. Тогда дядька Владимира Добрыня и киевский воевода Асмунд Полоцк на щит взяли. По приказу дядьки Добрыни, Владимир Рогнеду изнасиловал, а потом у нее на глазах киевские варяги ее отца и братьев зарезали.

Нинейя рассказывала таким тоном, словно все это произошло не полторы сотни лет назад, а совсем недавно, и не полоцкой княжной, а близкой родственницей или подругой самой волхвы.

— Увезли Рогнеду в Киев, и Владимир жил с ней, как с женой, а когда уже прожили много лет и сына Изяслава вырастили, взял да выгнал ее, как девку гулящую. Владимир Святой... хрен собачий, что б ему на том свете...

Ругнулась Нинейя, что называется, от души и с видимым удовольствием. Умение "доброй бабушки" дернуть крепким словом не то, чтобы сильно удивило Мишку, но впечатление произвело. А Нинейя продолжила:

— Думаешь, стерпела Рогнеда? Нет! Владимира убить по ее наущению пытались, да не вышло. А ведь заслуживал паршивец! Но князем был дельным, не отнимешь. Полоцкие же князья, с тех пор, считают, что у них прав на киевский стол больше, чем у других, потому, что они потомки старшего сына Владимира. Вот они-то и могут латинян на помощь призвать. Либо ляхов, либо угров.

"Да, дед с погостным боярином Федором Алексеевичем примерно о том же говорили. И срок боярин Федор называл — примерно десять лет. Мне через десять лет будет двадцать четыре, первому набору «курсантов», в основном, столько же. По нынешним временам зрелые мужчины. И княжич Михаил совершеннолетним будет.

Ниня, значит, рассчитывает дожить? А дед? А князь Вячеслав Ярославич Клёцкий? А если все начнется раньше? Помнится боярин Федор говорил, что на спокойную старость надежды слабые".

— И что же мы во всей этой заварухе сделать сможем?

— Пока — ничего. Но думается мне, что Мономашичи какое-то время у власти продержаться смогут. Нам бы еще лет десять времени выгадать и подготовиться как следует, а потом... Ты сам подумай: природный славянский князь, которого все, кто в Светлых Богов верует, примут, как своего, и одновременно Рюрикович, которого и христиане признают. Да если еще у него воинская сила будет и держава благоустроенная... Кто с ним справится?

— Так вы не собираетесь языческое восстание устраивать? — Мишка сам удивился прозвучавшему в его голосе облегчению

— Вот ты чего опасаясь! — Ниня невесело усмехнулась. — Хотелось бы, конечно, державу без попов создать, да только...

Ниня помолчала, а потом произнесла с горечью:

— Не судьба...

— Но все это многолетнее дело: замужество Ольги за Вячеславом, переезд Вячеслава из Смоленска в Туров, были, наверняка, и другие непростые дела... Ведь не обошлось же без волхвов?

— Умный ты, Мишаня. Верно, не обошлось — есть еще у нас и силы и влияние и доброты в самых разных местах. И народ еще Светлых Богов не забыл... Но явно выступить, открыто себя показать, мы уже не можем — все дело погубим. Последний случай нам выпадает, другого уже не будет. Да и видение твое о силе, из Степи наступающей... Подтверждается оно. Действительно: времени мало осталось.

— Кем подтверждается? — Мишка от удивления даже чуть привстал на лавке.

— Подтверждается и всё! — Ниня всем своим видом продемонстрировала, что дальше развивать эту тему не намерена. — Ну так что, берешь учеников?

— Беру, только с дедом поговорить надо. Не так-то это все просто.

— А я и не говорю, что просто. Корзню сейчас и самому нелегко, на него в самом Ратном ножи точат.

"Час от часу не легче, блин! Неужели правда?"

— Кто точит?

— Он сам тебе расскажет. А от нас... — Ниня запнулась, потом поправилась: — От меня. От меня тебе помощь всякая, какая понадобится для воинской школы, будет. Корм для учеников, мужики для строительства, брони, оружие...

— Брони-то ты где возьмешь? Полсотни доспехов — недешевая вещь.

— Дядька твой Никифор привезет.

— Что? И он тоже? — поразился Мишка.

Сюрпризы сыпались, как из рога изобилия.

— Купцам твердая власть и порядок выгодны. — Пояснила волхва.

— Но пятьдесят доспехов! Это даже для него неподъемно! Я свою полусотню только потому и могу вооружить, что добычу у татей большую взяли — они обоз с ранеными дружинниками разбили...

— Ну, Никифор-то, чай, не один. Таких купцов, которым доспех купить — не разорение, много есть.

— Ага! — Не удержался от колкости Мишка. — Особенно, если у того, кто откажется, вдруг склад сгорит или еще какая-нибудь неприятность случится.

Ниня хитро улыбнулась и ответила без малейшей тени смущения:

— Не без того, так и Христос ваш делиться велит.

— Не нравится мне это все, баба Ниня — сомнительно и ненадежно.

— И что же тебе сомнительно, Мишаня? — за все время разговора Ниня впервые назвала Мишку ласковым именем.

— Сомнительны мне три вещи, баба Ниня. Первая — Мишка загнул на левой руке один палец — здоровье княжича Михаила. Я его в Турове хорошо разглядеть успел. Тощий бледный, квелый какой-то. Все вокруг него, на наше представления глядя, смеялись, кричали, ахали, в ладоши хлопали. А он даже не улыбнулся ни разу, как будто через силу смотрел. Ты вот говоришь: "десять лет", а он столько проживет?

— Болел он недавно сильно. — Ниня тяжело вздохнула. — не оправился еще. Но знающие люди обнадеживают — выздоровеет.

Мишка кивнул, принимая ответ волхвы и загнул второй палец.

— Второе сомнение мое в числе войска. Если в течение десяти лет принимать в Воинскую школу по сотне парней, то получится тысяча. С одной стороны, не так уж и много — Киевский Великий князь, как я слышал, вдесятеро больше выставить может. С другой стороны, для нас это очень много. Каждому воину, кроме пропитания, одежды и оружия, нужно три коня — строевой, заводной и вьючный. Три тысячи голов! Где их столько взять и где такие табуны среди наших лесов и болот кормить? Где это войско разместить? А жениться парни начнут? А обоз и прочее, что такому войску при себе держать надо?

Можно и дальше перечислять, но я добавлю только одно: как ты думаешь, почему численность ратнинской дружины никогда не превышала полутора сотен? Всё просто: больше в одном месте не собрать. Для того, чтобы хорошо содержать одного воина, нужно пятнадцать-двадцать холопских семей. Или семей сорок вольных смердов, платящих подати. Где их столько взять и где расселить? Можно, конечно и поменьше холопов, самим пахать-сеять, но тогда постепенно число годных к службе воинов станет уменьшаться. У нас так и получилось.

— А где, по-твоему, князя все это берут? — Ниня смотрела на Мишку так, словно уже знала ответ, но хотела его проэкзаменовать.

— Их земля кормит — княжество. Подати, мыто, виры, полюдье. К тому же большую часть их войска составляют боярские дружины, а боярам, опять же, нужны земли и холопы или смерды на тех землях. У нас-то княжества нет!

— У нас княжество есть! — Ниня утвердительно пристукнула по столу костяшками пальцев, сжатых в кулак. — И князь Вячеслав будет только рад его укреплению и появлению бояр с большими дружинами! На то он и земли пожалует и заселять их позволит. Да и заселенные земли тоже имеются, только в Турове о них мало что знают, а то, что все это будет делаться не для самого Вячеслава, а для сына его, князю знать вовсе и необязательно, достаточно того, что Ядвига... — Ниня досадливо поморщилась на собственную оговорку — достаточно того, что княгиня Ольга знает.

— А бояре? Где их-то взять?

— А где их твой дед взял? Поверстал своих десятников!

— Но я деду не наследник, у него сын сесть — Лавр. А у лавра свои сыновья...

— Ну и пусть себе! — Ниня сделала движение, будто отмахнулась от мухи. — Поверстаешь в бояре своих сотников... воевода.

"Блин... Да это же настоящая программа! Десятилетний план подготовки к созданию суверенного государства. Все продумано: структура, кадры, ресурсы... Неужели все сама Ниня? Нет, не может быть! Кто-то опытный и знающий, да не один, с ней работал, чувствуется коллективное творчество. Но пока это все лишь теория. Впрочем, можно проверить".

— Поверстать-то в бояре легко, да только куда их сажать? — Мишка вспомнил дедово высказывание об иеромонахе Илларионе и добавил: — А даже если и посадишь, примет ли их земля?

— Молодец! — Ниня расплылась в довольной улыбке. — Умница, о главном спросил! А только и мы не дураки! Ты думаешь, куда Корзень своих новых бояр сажал? Да туда, куда я указала! Он за этим ко мне и приезжал, а ты, поди, решил, что просто из вежливости? Ратнинская сотня сто лет на этих землях силой продержалась, но вечно воевать нельзя! Настала пора своими становиться. И дреговичам пришла пора признать, что в Ратном сплошь их родня живет — за сто лет сколько девок замужем в ратном оказалась? Да в каждой семье! Вот о том у нас с твоим дедом разговор и был — Кунье городище должно быть последней кровью между дреговичами Ратным!

Умных и сильных бояр роды на своих землях примут и отроков в дружину дадут, а ты этих отроков в своей Воинской школе выучишь. Ну, развеяла я твое второе сомнение?

Сразу отвечать утвердительно, пожалуй, не стоило. Слишком многое оказалось неожиданным, слишком многое надо было обдумать, но сделать это можно было и потом, поэтому Мишка молча кивнул и загнул третий палец.

— Третье сомнение мое — дед. Он был близким другом князя Ярослава Святополчича, женат на его сводной сестре. Понимаешь, баба Ниня, дед равнодушен к судьбе младших братьев Святослава, которые в Пинске на кормлении сидят. Но особенно он считает себя обязанным позаботиться о старшем сыне покойного князя Ярослава — Вячеславе Клёцком. Вячеслав не мальчик — почти ровесник моему отцу, но князь без княжества, да еще и очень нелюбимый

Мономахом и Моношачами...

— И об этом у нас разговор с Корзнем был. — Казалось, у Нинеи есть ответы на любые вопросы. Дед твой честный муж, родню покойного друга в беде не забудет. Только... — Нинея пожалала плечами, словно речь шла о чем-то не очень уж и важном. — Все зависит от того, как эти князья сами себя поведут. Хватит ума, так и найдутся для них уделы в... — Нинея запнулась, а потом по-молодому тряхнув головой (говорить, так говорить!) продолжила: — В королевстве Туровском! Герцогские короны тоже на земле не валяются...

— Нет!!! — Мишка и сам не ожидал от себя такой резкой реакции. — Нет!!! Под Папу Римского не пойду и людей не поведу! Ты! — Мишка вскочил с лавки. — Ты... Да как ты смеешь... Предлагать мне...

— Да дослушай ты...

— Нет, я сказал! — Не дал Нинее продолжить Мишка. — Совсем обалдели со своей Ядвигой? Думаешь, я не знаю, что королевские короны Папа Римский раздает только католикам? Еще одну мясорубку устроить желаете? Сначала крестили Русь огнем и мечом, теперь перекрещивать будете? И это Велесова волхва! Да дреговичи тебя сами, как капусту нашинкуют, и ратнинская сотня поможет, а Ядвигу с пацаненком в Польшу кнутами погонят!

— Молчи! Ты не знаешь...

— Знаю!!! Знаю, что с тобой после этого будет! Велес с тебя спросит! Я для такого дела сам к нему обращусь — знаю средство!

"Господи, что я несу? Вот именно, сэр, бред сивой кобылы в похмельное утро 9 марта. Под свист рака на горе после дождичка в четверг, позвольте Вам заметить, досточтимый сэр. И это — еще сильно смягченная формулировка!"

— Да замолчи ж ты, наконец! — Снова, как и в начале разговора на улице, это был вскрик обиженной женщины. Впрочем и Мишка уже не знал, что еще можно сказать и замолчал бы и без ее просьбы.

Нинея оперлась локтями на стол, обхватила ладонями опущенную голову и замерла, не глядя на Мишку. Из угла, где тихо сидели Нинеины внучата, на Мишку уставилась Красава. Непонятно как, но Мишка почувствовал, что детишек сдерживает уже не Нинея, а эта маленькая волхва, и у нее еще хватает сил на то, чтобы пытаться понять: что же такое происходит между бабулей и Мишаней.

"Понять не поймет, но то, что вмешиваться нельзя, сообразить сумела, и перехватить у бабки управление малышами тоже. Стоп! Это что же, Нинея сейчас вообще никакая, что ли? То есть, с ней, как с обычной бабой разговаривать можно?"

Додумать мысль не удалось.

— Тебе сколько лет? — Спросила вдруг Нинея, не поднимая головы.

— Тринадцать, скоро четырнадцать...

— Врешь!

— Вру...

— Так сколько?

— Тринадцать.

Ниня тяжело вздохнула, выпрямилась на лавке и обернулась к Красаве. Та вся так и подалась навстречу бабке. Волхва ничего не сказала, лишь одобрительно кивнула, слегка прикрыв глаза, Красава так и расцвела счастьем, видимо, бабкина похвала, даже такая скупая, была для нее редкостью.

"Так это она впервые детишек под контроль взяла! Почувствовала, как бабке трудно и поддержала! Ну и девчонка! Елька ей ровесница, а до сих пор все в куклы играет..."

— Сядь, чего стоишь столбом? Да сядь же ты! — Ниня досадливо поморщилась. — Ну как с тобой разговаривать, Лис Бешеный?

Мишка опустил на лавку, поерзал, избегая смотреть на Ниню.

— Ну чего ты взъерился? Не дослушал до конца и сразу: "Нет! Не пойду! В капусту нашинкуем!". С чего ты взял, что король обязательно латинянином должен быть?

— Православных королей не бывает. Цари есть, а королей нет... Не обижайся на меня, баба Ниня. Это я от неожиданности.

— От неожиданности, от неожиданности... Эх...

— Был бы я девкой?

— Да нет, — Ниня хмыкнула и огорошила Мишку в очередной раз — была бы я мужчиной! Сидел бы сейчас и слушал...

— Или валялся бы с битой мордой.

— А и следовало бы! Сопляк, а как ровня разговариваешь. Что ж поделаешь, если такими делами бабам пришлось заниматься, так уж Светлые Боги решили. Я бы и сама рада была...

"Блин! Это же она из-за своей половой принадлежности комплексует! Вернее из-за того, что занимается исключительно мужским, по современным понятиям, делом и думает, что я ей потому и хамлю. Это в XX веке то ли мужики измельчали, то ли бабы покрутели, а здесь женщины еще свое место знают. Единственное, что поднимает Ниню и в своих, и в чужих глазах, над общим женским уровнем — статус волхвы. Но я-то ее волховскому воздействию практически не поддаюсь. Значит и относится к ней должен с обычным мужским высокомерием. И она с этим смиряется! Обалдеть!"

А с чего, собственно Вы вознамерились обалдеть, сэр? Представьте себе на месте Нини боярина Федора, к примеру, или того же Луку Говоруна, не говоря уже о лорде Корнее. Как бы Вы себя вели? Так же, как с Нинеей, или иначе? Иначе, конечно же иначе! А если бы на ее месте оказалась какая-нибудь бизнс-вумен из XX века? Тожже иначе! Ну так что? Будем обалдевать или будем делом заниматься? Вы, насколько помнится, собирались информацией разжиться, так сейчас самый подходящий момент. Более того, если бы Вы, сэр Майкл, не устраивали тут африканские пляски, так уже бы эту информацию имели. Ну?"

— Гредислава Всеславна, — Мишка постарался произнести это с максимальным почтением — ты в Европе долго жила?

— Семнадцать лет. — Ниней, кажется, даже и не удивилась Мишкиному вопросу. — Замужем была за графом Палием.

— Это в Венгрии?

— Это в Богемии.

— А сюда как вернулась?

— Сбежала.

— От мужа?

— От костра! Ведунов, видишь ли нигде не жалуют, если крест завелся... Вот и меня, вместе с дочкой — годика еще не было — на костер везли. Сатанинское отродье, сказали, пусть вместе с колдуньей горит. Да не довели вот... Муж со старшими сыновьями налетели, отбили, сами все полегли, а мне уйти дали.

Казалось бы голос волхвы должен был дрогнуть, но ничего подобного — Ниней продолжала говорить ровно, даже как-то монотонно, видать все уже давно отболело.

— От всей мужниной дружины шестеро осталось. Привезли к княгине Беате, а она уж сюда переправила. Правда не сразу. Два года я случая ждала, чтобы за мужа и сыновей рассчитаться. Псов христовых на меня мужнин двоюродный брат натравил. Не сам — жена змея подколотная научила, очень уж ей графинею стать хотелось. За все расплатились — больше суток корчили оба, все кишки из себя извергли.

И снова — спокойный монотонный голос, словно не о себе.

— Сюда вернулась, а тетку Ягу тоже убили. Я и этих псов христовых нашла, тоже смерть лютую приняли, да толку-то. Мертвых не вернешь. Никогда не мсти ради себя самого, Мишаня. Если для дела требуется, тогда — да, не жалей никого. И чем страшнее месть будет, тем больше пользы — врагов в страхе держать надо. А себе облегчения этим не добудешь, даже и не надейся. Наоборот, только хуже станет. Пустота настает, не для чего жить становится.

Ты думаешь, как меня Беата уломала этим делом заняться? Умна она, хоть и моложе меня, а тогда еще совсем девчонкой была, только-только двадцать стукнуло. Поняла, что мне цель нужна — дело долгое и трудное. Очень долгое, может, на всю жизнь.

Знаешь, когда я умру, Мишаня? — Вопрос был настолько неожиданным, что Мишка даже не нашелся, что ответить. Впрочем, Нинее ответ и не требовался. — Вот сядет король... ладно, ладно, царь Михаил Вячеславич на трон в стольном граде древлянском Искоростене, повергнет Рюриковичей, обратит во прах Киев, тогда можно будет и уйти — дело сделано.

"Да не будет же этого никогда! Неужели сама не понимает, что это невозможно?"

— Не веришь, Мишаня? — Ниней, как всегда неожиданно, продемонстрировала силу своей способности улавливать чужие эмоции. — Ну и не верь. Тебе это и не обязательно, у тебя какая-нибудь своя цель в жизни появится, ради которой не жалко будет... Что-то разболталась я, — прервала сама себя Ниней — хитер ты Михайла Фролыч, как меня старую разговорить сумел!

— А дочка? — Мишка внаглую проигнорировал намек на окончание разговора. — Ты говорила, что вы вдвоем с дочкой спаслись.

— А что дочка? Выросла, замуж вышла, детишек нарожала. — С каким-то странным равнодушием ответила Ниня. — Детишки выросли, переженились, замуж повыходили. Обычная жизнь, дара волховского в ней не было.

— Погоди... Замуж повыходили? — Мишка с изумлением уставился на Красаву. — А как же?..

— А-а, вот ты о чем. — Ниня грустно усмехнулась. — Да, время летит... Не внучка она моя, а правнучка. Помнишь я сказала, что Беате только-только двадцать стукнуло? А сейчас ей уже под семьдесят.

"Это сколько же получается? Пятьдесят лет назад она уже была замужем семнадцать лет. Ну выходила замуж никак не раньше пятнадцати. Выходит Ниня уже за восемьдесят?"

— Ну, подсчитал? — Насмешливо спросила волхва. — Зря старался! Я за графа Паляя вовсе не девчонкой несмышленной выходила. Если тебе так уж хочется мой возраст знать, считай меня ровесницей ратнинской сотни.

— Но Беяна говорила, что ваши матери...

— Помню, помню. — Ниня хитро глянула на Мишку, будто собираясь загадать ему загадку. — Это она так думает... Ну и пусть думает, вреда от этого никому нет.

— Ничего не понимаю! — Вырвалось у Мишки.

— А и не надо! Я вот про тебя тоже много чего не понимаю, и ничего. Беседуем, как видишь. Я с тобой — не как с тринадцатилетним сопляком, ты со мной — не как со столетней старухой. — Мишка почувствовал, что краснеет. — Не смущайся, Мишаня. Разница между нами не в годах, а в том, что я знаю, для чего живу, а ты еще нет. Светлые Боги... или кто там еще, тебя щедро одарили, но и для меня не поскупились, вдвоем мы много чего можем. Мысль о создании державы, ну, если хочешь, царства тебе не претит, я вижу. Так давай потрудимся вместе, пока у тебя своего стремления не появилось. А потом... Если найдешь для себя дело на всю жизнь, так вон — Красава тебе мой долг вернет.

Интересненький, в общем, вышел разговорчик, и пици для размышлений дал предостаточно.

Глава 2

Рыжуха шла мерной рысью, позади глухо рокотали по лесной дороге копыта коней первого десятка Младшей стражи — Мишка вел пятую часть своего «войска» в Ратное.

С утра дед прислал к Мишке гордого оттого, что выполняет поручение самого сотника, пацана из холопов. От великого старания дурень чуть не запалил коня, но переданный приказ настолько удивил Мишку, что он даже забыл отругать мальчишку. Впрочем, от наказания пацана это не избавило — Митька, знавший и любивший кавалерийское дело, без лишних разговоров крепенько повозил парнишку физиономией по потному конскому боку.

Приказ же был, действительно странный: приехать в Ратное самому Мишке и привести с собой

первый десяток, полюс Роську, Демьяна Артемия и Дмитрия. Получалось, что дед вызывает к себе из Воинской школы всю родню, кроме Немого. Мишка по быстрому собрался, оставил за старшего Первака, получив на это молчаливое согласие Немого и повел свой небольшой отряд в Ратное.

"Дед позвал родню. Ниней намекала, что на деда в Ратном кто-то "нож точит". Понять «кто», в общем-то, семи пядей во лбу не нужно, но если дело идет к драке, Немого оставлять, вроде бы нельзя — такой боец обязательно пригодится... Ладно, приедем — дед объяснит.

Но надо же будет еще и отчитаться о договоренности с Нинеей... Да, сэр, а тут-то, как раз, все не просто. И самое большое сомнение порождает резкая перемена отношения баронессы Пивенской к христианству. То она христиан своими злейшими врагами числит — отца Михаила чуть не угробила, а то — "крести, я позволяю".

Похоже, христиане нужны лишь на определенном этапе — пока Турово-Пинское княжество не добьется независимости и не укрепится, а потом... Все, что угодно, вплоть до Варфоломеевской ночи. Правда, такие, с позволения сказать, мероприятия, войдут в моду только лет через четыреста — во времена Реформации и религиозных войн. Однако, можно припомнить и более ранние примеры: те же крестовые походы или Альбигойские войны.

М-да, сэр, жареным от всего этого пахнет вполне отчетливо. В конце концов, почему бы циничный принцип "Чья власть, того и вера" не изобрести в XII веке, а не в XVI? И знаменитую фразу: "Париж стоит мессы!" — произнести не Генриху Наварскому, а Михаилу Туровскому? С учетом местной специфики, разумеется. Что-то вроде: "Туров стоит жертвы Велесу!"

Блин, ну хоть граммульку бы информации! На что способны нынешние язычники? Только по лесам прятаться, купцов на бабки выставлять, да заговоры устраивать? Ну-ка, сэр, напрягите мозги и попробуйте вспомнить хоть что-нибудь, если не из истории, так, хотя бы, из литературы. А какая сейчас литература?

Стоп! "Слово о полку Игореве"! Его, правда напишут еще только лет через девяносто — сто, но это не принципиально. Вот и пригодилась школьная зубрежка, кто бы мог подумать? Как мы тогда злились на это: "Не лепо ли ны бяшетъ, братие". Но против школьной программы не попрешь. Даже, ведь, сочинения писали. Девчонки все больше про "Плач Ярославны", а мы — про "червленые щиты, перегордившие степь".

И вот что интересно — конец XII (или начало XIII?) века, а во всем произведении, если не ошибаюсь, ни разу не упомянуты: ни Иисус Христос, ни Богородица, ни иные библейские персонажи. Зато языческих образов пруд пруди: Стрибог, Хорс, Дева-обида, Карна и Желя — вестницы смерти. Баяна автор называет Велесовым внуком.

Да и сам "плач Ярославны", по сути, настоящая языческая молитва. К кому она обращается? К ветру, к Днепру, к солнцу, но отнюдь не к Христу, не к Деве Марии, не к кому-нибудь из христианских святых. И это — православная княгиня?

Что же получается, что языческий менталитет будет доминировать в массовом сознании и через двести с лишним лет после крещения Руси? Такое население, если умеючи взяться, запросто можно поднять на резню христиан! Однако, сэр, перспективочка...

Правда, есть в Слове о полку Игореве одна закавыка, которая может все мои рассуждения

свести на нет. Последние строки поэмы:

*Здрави князи и дружина,
Поборая за христьяны на поганья пълки!*

Получается, что князья с дружинами защищают христиан. И как прикажете это все понимать? Позднейшая правка? А может быть, отсутствие в тексте христианских персонажей всего лишь дань литературной традиции? Христианской-то литературы еще нет, тем более светской.

Вот ведь как интересно! В "Слове о полку Игореве" Ярославна обращается к ветру, солнцу и Днепру-Славутичу. У Пушкина, в "Сказке о мертвой царевне и семи богатырях", королевич Елисей, разыскивая невесту, тоже обращается к ветру, солнцу, месяцу. И в фильме Эльдара Рязанова, который показывают на каждый Новый год, то же самое: "я спросил у тополя, я спросил у ясеня, я спросил у месяца...". Поэтический прием, сохранившийся в течение тысячи лет! Наверняка автор Слова о полку Игореве, выдумал его не сам, а следовал еще раньше сложившимся традициям!

И что это Вам дает, сэр? Да прежде всего то, что за прошедшие после крещения двести лет христианство на Руси толком не укрепилось! Если попытаться сделать хотя бы приблизительный анализ имеющейся информации, получается весьма неприглядная картина. Двоеверие, иначе говоря: идеологический кризис.

А чему, собственно, удивляться? Население, мягко говоря, малообразованно, но если бы читать умели все или подавляющее большинство? Что читать? Книги — редкость, да и дороги так, что по карману только очень состоятельным людям. Литературы, как таковой, не существует — ни языческой, ни христианской, а устные сказания и легенды сплошь языческие.

Священников мало, да и не все они годятся для распространения христианства. Тот же отец Михаил... Ну кто в здравом уме захочет подражать его жизни? Только такой же фанатик, как он. Нет, его конечно, уважают, но, если честно, то с оттенком жалости. Требуется белое монашество — семейные попы, являющие собой пример праведного жития и благополучия, живущие той же жизнью, что и окружающие, умеющие дать толковый ответ на любой вопрос из реальной жизни, исходя из положений христианской концепции.

Нужна, наконец, явственная, понятная всем польза, исходящая от монахов: школы, больницы, богадельни, странноприимные дома. И нужна христианская литература — духовная и светская. А для этого — бумага и типографии...

Да-с, сэр, не скоро еще Русь станет по-настоящему православной! Впрочем, и сама Православная церковь тоже хороша. Татары ее не тронули, даже предоставили иммунитет, так что почти весь период татаро-монгольского ига попы продвигали в массы широко известный лозунг: "Несть власти, аще не от Бога". Только когда Орда приняла мусульманство, спохватились, почуяв мощную конкуренцию, и срочно заделались патриотами. И ведь справились! Сумели внедрить в массовое сознание идеологию национально-освободительной борьбы! И вот тогда-то Русь и стала по-настоящему православной! Все-таки, что ни говори, а иерархическая структура — мощнейший инструмент управления!

Прав был старик Экклезиаст: нет ничего нового... Дерьмократы повели себя точно так же — за одобрение Запада готовы всю Россию по кускам раздербанить и распродать.

Патриотизм ругательным словом сделали. Ребят, кладущих головы в Чечне, федеральными бандформированиями называют, ветеранам Великой Отечественной в лицо кричат: "Вы бы похуже воевали, мы бы теперь получше жили!". Когда же спохватятся, что так можно и вообще без страны остаться? Падлы...

Ладно... Будет Вам, сэр. Все это, конечно, так, но произойдет еще не скоро, а сейчас-то что Вы намерены делать? Время на раздумья, впрочем, еще есть. Пока княжич Михаил Вячеславович достигнет совершеннолетия, да пока у Вас, сэр, "под ружьем" соберется достаточная сила... Короче: как говаривал Ходжа Насреддин: "Либо ишак помрет, либо я, либо эмир".

Или я сам себя успокаиваю? Ниней-то ребят обработала, а те полсотни пополнения, которые она предоставит, уж и подавно будут нужным образом подготовлены. Может с лекаркой Настеной посоветоваться? В прошлый раз, когда Юлька ребят обаяла, Настена каким-то образом пацанам мозги вправить сумела. Возможно и сейчас сумеет или подскажет что-нибудь?

В конце концов, Ниней не всесильна — меня-то заморозить она не может! Да и последний эпизод прошел, без ложной скромности, по моему сценарию. Ниней, поди, и сейчас уверена, что это она меня до бешенства довела и заставила сорваться. Только одно непонятно: как она меня вырубил? Я, ведь, никакого воздействия ее на себя не заметил... Да и не могла она, я ее как грушу тряс. А может это не она, а Красава? Девчонке же никакой экстрасенсорики и не требовалось, могла просто в суматохе нажать на какой-нибудь нервный узел или артерию придавить. Пока я за Нинеей следил, да Глеба с руки стряхивал, время у Красавы было. Но информацию я, все-таки добыл! А с Настеной, конечно же надо проконсультироваться".

Едва в мишкином сознании сформировалось понимание необходимости встречи с Настеной, он сразу почувствовал, как соскучился за месяц по Юльке. На душе как-то потеплело, а в голове закрутились мысли о том, что хорошо было бы притащить Юльке какой-нибудь подарок или рассказать что-нибудь интересное. Просто посидеть с ней и потрепаться, не важно о чем.

"Гормоны играют, сэр? Весна! Вам-то уже вот-вот четырнадцать, а ей-то и тринадцати еще нет, только в октябре будет. Девчонки в этом возрасте еще ни о чем таком не думают, а если и думают, то исключительно в романтическом духе. Ну и я не о чем таком плотском... Так, живая душа, около которой сердцем отмякаешь..."

Мишка, сам не зная от чего, разозлился, понукнул Рыжуху и, оглянувшись на скачущих позади парней рывкнул:

— Подтянись! Не растягиваться!

"Все бабы, хоть немного, но колдуньи!". Это высказывание бригадира-алкоголика из времен своей молодости в XX веке Мишка вспомнил, когда его отряд въехал на подворье сотника Корнея. Скомандовал: "Стража, слезай!" — Мишка соскочил на землю и... не услышал за спиной ожидаемого слитного шума, издаваемого полутора десятками спешивающихся всадников. За спиной стояла тишина, лишь изредка прерываемая звоном колец на сбруе, лошадиным фырканьем, да топотанием копыт.

Мишка обернулся и понял, что его команду просто-напросто не слышали. Парни дружно

пялились в одном и том же направлении — в сторону крыльца. У одних был приоткрыт рот, у других неестественно широко распахнуты глаза, и на всех лицах, с той или иной степенью ярвственности, наличествовало выражение восторженного идиотизма.

Мишка снова обернулся и, наконец, понял причину полной потери боеспособности первого десятка Младшей стражи — с крыльца медленно спускались его старшие сестры Машка и Анька. Машка в светло-зеленом платье, Анька — в розовом. Головы под мантильями гордо подняты, пальчики придерживают пышные, на кринолинах, юбки, обе старательно делают вид, что оказались здесь совершенно случайно и вовсе не замечают направленных на них восторженных взглядов.

"Шарман, сэра Майкл, сестры у Вас... Слов нет! А парни-то прибалдели, ведь не видали ж такого никогда! Ну, баба Нинея, нашелся-таки антидот на твое волховство! Хоть напрочь вся исколдуйся, а эти соплячки, сами того не понимая, только бровью поведут, и пацаны про все твое внушение враз забудут!"

Сестер, наконец, проняло. Анька первая, хихикнув, развернулась и шмыгнула за угол, за ней устремилась Машка. К такому вниманию к своим персонам девки еще не привыкли и купаться в нем, как в живой воде, не научились.

"Ничего, научатся... И привлекать к себе внимание, и удерживать, и силы в нем черпать, и... жилы рвать, чтобы подольше это свойство сохранять, несмотря на возраст. Ну, мадам Петуховская, держитесь! Если обычный женский бокс — зрелище, для людей понимающих, не только и не столько спортивное, то уж виртуальные бабьи поединки, и вообще — пиршество богов! Валяться Вам, баронесса, в нокауте, уж я позабочусь!"

Мишка снова обернулся к «курсантам» и, с трудом сдерживая улыбку, заорал:

— Команды не слышали?! Слезай! Расседлывай!

Ратники Младшей стражи пососкакивали на землю и деятельно засуетились, время от времени бросая взгляды на угол, за которым скрылись мишкины сестры. Пока парни расседлывали коней и заводили их под навес, на крыльце нарисовался сам батюшка-воевода Корней Агеич. Выглядел он не совсем здоровым, хмурым и озабоченным, приняв рапорт Михайлы о прибытии первого десятка, велел всем отправляться в новое здание обедать, а внука позвал с собой в дом.

В горнице был накрыт обед на двоих. Мишка жадно припал к поднесенному Листвяной ковшу с квасом, а дед, дождавшись, пока внук утолит жажду, без всяких предисловий, огорошил:

— Убивать нас будут, Михайла.

— За Федора?

— И за него тоже... Но эта причина только для Федорова брата Семена — главная. У остальных — другое.

Мишка оглянулся на Листвяну. Та, и не думая уходить, стояла у двери, сложив руки под грудь. По всей видимости, дед доверял своей пассивности полностью. Мишка свои соображения вслух высказывать не стал — деду виднее, задал следующий вопрос:

— Что другое, деда?

Дед повозил ложкой в миске со щами, вздохнул, отложил ложку в сторону. Было очень заметно, что старому сотнику тоскливо до невозможности. Мишка решил было, что деду не по нраву необходимость вести с четырнадцатилетним пацаном разговор, как со взрослым, но потом пришла мысль о том, что в сотне намечается усобица — для сотника позор невыразимый. Дед, прежде всего, нуждался в моральной поддержке и оказать ее требовалось немедленно.

— Деда, твоей вины здесь нет! Все к тому и шло. Ты же сам говорил, что разборкой с Федором дело не кончится. Смуту в зародыше надо каленым железом выжигать! Объясни только: с кем и когда разбираться придется?

Дед зло отпихнул от себя миску так, что щи выплеснулись на стол. Мишка испугался, что Листвяна сейчас сунется подтирать и получит от деда затрещину, но ключница, видимо, уже достаточно изучила характер хозяина и не струнулась с места.

— Правильно, внучек! Выжигать! — голос деда был полон злого сарказма. — А про то, что от нас после этого меньше полусотни останется, ты не подумал?

Мишка, удивляясь сам на себя, точно так же, как дед отпихнул миску и тем же тоном парировал:

— А если не выжигать, совсем ничего не останется! Кто смутьяны, сколько их? Почему думаешь, что перед убийством не остановятся?

— Ну, ты голос-то не повышай, мал еще на сотника...

Листвяна, каким-то деревянным голосом прервала деда:

— Михайла Фролыч прав.

— Да знаю я, что прав!!!

Дед грохнул по столу кулаком, потом поднялся, и захромал, стучая деревяшкой, от одной стены горницы до другой. Мишка и Листвяна остались неподвижны. Ключница лишь настороженно сопровождала глазами мечущегося деда, словно собиралась в нужный момент кинуться к нему и удержать от какого-нибудь безрассудства.

Мишка же сидел, упершись локтями в стол и на деда не смотрел. Когда матерый мужик вот так мечется, словно зверь в клетке, лучше ему глаза не мозолить, и вообще на него не смотреть. В такие моменты каждый взгляд чувствуешь кожей, и это заводит еще больше.

Наконец, дед заговорил. Ни к кому, вроде бы, не обращаясь и не ожидая от слушателей никакой реакции:

— Приходили ко мне... Кондрат и Касьян с Тимофеем... Хотят, чтобы я сотню на другие городища язычников повел — холопов набрать. Придурки... Жадность заела... Того не понимают, что это — война: опять, как сто лет назад, сидеть за тыном, в поле с оружием ходить и стрелу из-за каждого куста ждать. Только тогда у нас каждый мужик воином был, а сейчас в Ратном холопов чуть ли не больше, чем самих ратнинцев, а в воинов строю меньше сотни!

А в городищах только и ждут: ограничусь я Кунным или дальше пойду! Ждут и готовятся! А промеж холопов уже шепотки пошли: если ратники из села уйдут другие городища громить,

поднять бунт, да всех здесь вырезать! И шепотки эти не сами родились, приходят какие-то людишки из леса, нашептывают.

"Так, Кондрат — самый богатый хозяин в Ратном и братья Касьян с Тимофеем, которые все кожевенное и шорное дело держат. Ерунда! Эти люди основам управления не чужды, у каждого в подчинении десятки человек. Не могут они не понимать последствий. Идея с походом за холопами — явный «пиар» для того, чтобы натравить на деда тех, кто завидует добыче, взятой в Куньем городище. Все правильно: мстить за Федора готов только его брат, остальным нужен другой повод. Идея пиар-компании проста и понятна: Корней сам обогатился, а другим не дает. "Болезнь кранных глаз" — один из самых мощных рычагов воздействия на сознание субпассионариев — отнять и поделить. Остается только ваучеры на раздел лисовиновского имущества раздать".

Мишка набрал в грудь воздуха, стукнул, копируя деда, кулаком по столу и выдал в полный голос:

— Вранье! Все они понимают и никакой поход им не нужен! Всякою завистливую шваль на тебя натравить хотят, а сами толпу возглавят! Собирай верных людей и режь их поодиночке, пока действительно бунт не назрел! Если толпа поперет, не справимся!

— Дурак! Где они толпу возьмут? Все, кто не в строю — под Бурею, а Бурей в усобицу сам не полезет и своим людям шелохнуться не даст!

"Да, сэр, это Вы, пожалуй, слишком уж ситуацию на XX век спроецировали. Впрочем, где-нибудь в Киеве или Новгороде толпу и сейчас можно собрать, но не в Ратном. Пардон, граф, это я погорячился".

— И второй раз дурак! — Продолжил дед. — Усобицу они сами должны начать, а не мы, тогда правда на нашей стороне будет!

Дед еще раз мотнулся по горнице туда-сюда и, видимо успокоившись, присел к столу.

— Кхе... А насчет того, что про поход — вранье, тут ты верно угадал, молодец.

Видя, что дед, похоже, "выпустил пар", Мишка перешел на деловой тон:

— Значит, разговоры про поход им нужны только для оправдания своего бунта. Тогда деда, надо выяснить три вещи: когда они нападут, какими силами, и что мы им можем противопоставить.

Дед деловой тон принял, значит, действительно успокоился.

— Какими силами? Это подсчитать можно, загибай пальцы, Михайла. Перво-наперво, Семен. Потом братья-кожевенники Касьян с Тимофеем, у каждого, к тому же по два сына — уже ратники, хоть и молодые.

— Семь.

— Еще Кондрат с двумя братьями Власом и Устином, да у каждого по взрослому сыну. У Власа, правда, старший сын только в этом году новиком должен стать, но, все равно, считать его надо.

— Тринадцать.

— Теперь Степан-мельник. У него старший сын ратник, второй тоже в этом году новиком будет, третий — тебе ровесник.

— Семнадцать.

— Еще каждый из хозяев может двух-трех холопов, способных топором помахать, привести.

— Для ровного счета, получается три десятка.

— Погоди, не все еще. Сколько-то народу, хотя вряд ли много, они еще уговорить смогут. Тот же Афоня на тебя зол. Так?

— Афоня из десятка Луки, не посмеет.

— А Луки в Ратном нет, он свою боярскую усадьбу обустроивает — в двух днях пути отсюда.

"Блин, дед же всем верным людям боярство и земли пожаловал. Они же все разъехались, пахота и посевная — за холопами следить нужно. Едрит твою, в случае чего, даже помочь будет некому!"

— А еще, внучек, про Егора и Фому помнить надо. У Егорки еще борода не отросла с того раза, да и Фома битую морду свою не забыл. И еще вот о чем подумай: что о тебе — воеводском внуке — люди говорят. Вспомни-ка, как Егор блажил: "Щенок его по селу с самострелом носится, честным ратникам грозит, деньгами швыряется". Вспомнил? Думаешь Егор сам все выдумал?

"Ох, блин, вот это да! Типичное поведение представителя "золотой молодежи": гонять по улицам, не соблюдая правил и распугивая пешеходов, таскаться с оружием, сорить деньгами. Вспомните-ка, сэр, как Вы в юности ненавидели сынков разных начальников, которых привозили в школу на папиных машинах, у которых всегда были деньги и которым сходил с рук такое, за что обычные пацаны давно бы загремели в колонию для несовершеннолетних преступников. Я же в глазах ратников именно так и выгляжу! Ну, доигрался!"

— А еще, внучек, вспомни-ка, что Семен — брат покойника Федора, тобой убиенного — женат на дочке старосты Аристарха. Ну как, хватило пальцев? Нет? Правильно, не хватит, даже если разуться. Так что, для ровного счета, запросто может быть не три десятка, а полсотни!

— Мы что же, все Ратное против себя настроили?

— Кхе... Всё, не всё, а половину точно. Девы наши тоже... — Дед совершенно неожиданно ухмыльнулся и блудливо подмигнул Листвяне. — Анька с Машкой удумали — в новых нарядах по селу прогулялись, так все девки, что на выданье, прямо гадюками на них шипели. Кхе... Аж посмотреть приятно было, но разговоров пошло... Не приведи господь! Так что, можешь смело еще сколько-нибудь пальцев загнуть — ночная кукушка, как говорится, дневную перекукует.

"Все "в одну калитку", как по заказу! Верные деду люди разъехались обустроить боярские усадьбы, у меня друзей среди сверстников так и не завелось, сестры... У баб свои разборки, но, насколько я понимаю, они друг другу такие фортели не прощают. Хреново дело, сер Майкл, но если устоим, всё — мы графы! По всем статьям и ни одна тварь пикнуть не посмеет. Только вот, как устоять? Драться, конечно придется, но если есть еще время..."

— Деда, сколько у нас еще времени?

— Кхе! Глянь-ка Листя, парень-то не оробел, голова работает!

"Ого! Уже и Листя! Роман развивается по всем канонам".

Листвяна отреагировала на дедово замечание с достойной престарелого мудреца лапидарностью:

— Так Лисовин же!

"Мерси боку, мадам! Я в Вас явно не ошибся".

— А если Лисовин — Дед поскреб в бороде и испытующе глянул на внука. — Сообрази-ка сам!

— Ну... Прямо сейчас пахать, сеять надо — не до бунтов. Потом, как раз, травы подойдут, надо будет косить... Получается, что до Купальских праздников у нас время есть. Полтора месяца... Должно хватить.

— Верно мыслишь. — Дед согласно кивнул, потом спохватился: — Погоди, на что хватить?

— Всякая война должна предваряться информационным воздействием...

— Михайла!

— Прости, деда. Вот наши враги, прежде, чем напасть, подготавливают умы односельчан к тому, чтобы их действия были сочтены правильными и справедливыми. Все наши грехи и промахи — действительные и мнимые — вспоминают, по-своему толкуют, а если надо, то и вообще полное вранье выдумывают. Ведут разговоры, распускают слухи. Следят за тем, как люди это все воспринимают, что в ответ говорят. Если что-то идет не так, то поправляются: ведут разговоры несколько по-другому, распускают немного переиначенные в нужную сторону сплетни.

Все это называется информационной войной. Цель ее — оставить будущего противника без друзей и союзников. Сделать будущего противника заранее во всем виноватым. Озlobить людей, настроить их так, чтобы любой гадости о противнике сказанной верили, и любую подлость и жестокость с ним совершенную, признали справедливой. Все это сейчас к нам и применяется.

— Кхе...

— Я почему про время спросил? В информационной войне, как и в обычной, надо отвечать ударом на удар. А чтобы победить, наш удар должен быть сильнее, чем их. Только в рукопашной схватке все происходит за считанные мгновения, а в информационной войне медленно. Но если сделать все как надо, то полтора месяца должно хватить.

— Кхе... Опять книжная премудрость. И как у тебя в башке это все помещается-то? Листя, чего скажешь?

Листвяна сделала постное лицо и выдала афоризм:

— Береги честь смолоду. Если уж Михайлу невзлюбили, то никакими сплетнями и слухами это не поправишь.

"Ты что же это, курица, уже госпожой воеводихой себя вообразила? Воспитывать меня будешь? Ну, погоди..."

— Все правильно, деда. Арабы говорят: "Если хочешь принять решение — посоветуйся с женщиной и сделай наоборот!"

— Кхе! Арабы, говоришь? — Дед покосился на ключницу. — А что, арабы — народ смысленный!

На лице Листвяны столь явственно отразилась досада, что Мишка почувствовал себя прямо-таки персонажем одно из романов Дюма-отца.

"Прокол у тебя вышел, тетка, талант к интриганству у тебя, несомненно, есть, а знаний мало. Если хватит ума мне поперек не становиться, Бог с тобой, но если попробуешь мне гадить, урою так, что позавидуешь запоротой Буреем девке. Мне тут еще только доморощенной миледи де Винтер не хватало!"

От деда, кажется, этот маленький психологический этюд не укрылся — все-таки Корней был мужиком бывалым, при княжеском дворе обретался, да и вообще, всякое видал. Он недовольно повел носом и рявкнул:

— Листвяна! Щи простыли, стол заляпан, куда смотришь?

"Жучка! Место! Так-то вас, интриганок. Но без баб проблему информационной борьбы не решить — они в Ратном вместо СМИ работают"

— Погоди, деда, без женщин нам не справиться. Слухи, сплетни — их епархия. Не надо ключницу гнать, да мать еще позвать бы...

— Так! — В голосе деда зазвенели строевые интонации. — Со стола прибери, найди Анюту и приходите сюда обе! Давай, шевелись!

Листвяна мигом вызвала двух девок-холопок, велела прибрать на столе и сказать боярыне Анне Павловне, что ее кличет боярин Корней Агеич. Все было, вроде бы, правильно, но Мишка решил «дожать» ситуацию. Вперившись взглядом в ключницу, Мишка, стараясь копировать дедову интонацию, выдал:

— Ты что, оглохла? Господин сотник велел ТЕБЕ найти мою матушку, и только потом приходите вместе с ней! А ну, пошла!

Листвяна метнула возмущенный взгляд на деда, но тот, словно ничего не слышал, целиком сосредоточился на наливании себе в чарку кваса из кувшина. Листвяна развернулась и пробкой вылетела из горницы.

"Хлопнет дверью или не хлопнет? Хлопнула! Ну и дура!"

Мишка вскочил с лавки и, высунувшись в дверь, крикнул ключнице в спину:

— Листвяна, вернись, дед зовет!

Обернувшись назад, увидел удивленно поднятые брови деда и скорчив хитрую рожу, приложил палец к губам. Дед, явно заинтригованный, расправил намоченные квасом усы и приготовился наблюдать продолжение спектакля.

"Эх, средневековье! Ни кино тебе, ни театра, а все уже давно обыграно и не по одному разу,

и во всяких вариантах. Только и остается, что повторять мизансцены в подходящих ситуациях".

Листвяна вплыла в горницу с видом оскорбленной невинности и уставилась на деда. Дед, в свою очередь, с интересом пялился на внука.

"Был, в свое время, такой замечательный фильм "Все остается людям". Я, конечно, не народный артист, но и публика-то тоже..."

— Ты, может, не знаешь, Листвяна, но стучать надо тогда, когдаходишь, а не тогда, когда выходишь. Будь любезна, выйди, как положено приличной женщине...

Последние одно или два слова Листвяна вряд ли расслышала, потому что их заглушил дедов хохот и бряканье серебряной чарки, упавшей сначала на лавку, потом на пол.

Надо было отдать Листвяне должное. Несмотря на то, что колером и насыщенностью цвета сравниться с ее лицом могла бы только свекла, ключница нашла в себе силы спокойно подобрать с пола дедову чарку, аккуратно поставить ее на стол и спокойно выйти, тихонько прикрыв за собой дверь.

Дед еще некоторое время фыркал и утирал выступившие на глазах слезы, потом выдал одобрителное:

— Так ее, Михайла, а то совсем себя хозяйкой почувала, даже матери раз нагрубил.

— И что?

— Ну, у Анюты не засохнет! Отхлестала по щекам, да я еще добавил, сгоряча, чуть не прибил... С одной стороны, конечно, хорошо — холопки у нее по струнке ходят, но с другой стороны — место свое знать должна.

— И правильно, деда! А то выстругаешь с ней мне дядьку, а он потом наследником твоим стать захочет. Хлопот не оберешься...

— Но-но, ты тоже не заговаривайся! Дядьку... Кхе... Не выдумывай, холопка, она и есть холопка.

"Ага, то-то я не знаю, как бастарды за коронами охотятся и законных наследников ненавидят!"

— Малуша тоже ключницей была, — решил Мишка напомнить деду — а ее сын Владимир Великим князем Киевским стал!

Дед, похоже, принял поднятую тему близко к сердцу.

— Так у Малуши брат Добрыня княжим воеводой был!

— А у Листвяны старший сын Первак, во Христе Павел, у меня в Младшей страже десятник. И не самый плохой, скажу тебе, десятник. Нам такая головная боль в семье нужна?

— Ты меня не учи! Кхе... — Дед неожиданно смутился. — Все равно: холопка... Это самое... Кхе...

— Так вы что, уже? Деда! Тебе только этого сейчас и не хватает! Мало тебе забот, так еще и...

Мишка даже растерялся от неожиданности — казалось бы, чисто теоретическая проблема, вдруг обернулась совершенно иной — практической — стороной. Дед неловко поерзал на лавке, снова налил себе квасу, но выпить забыл. Наконец, как это обычно с ним и происходило в неловких ситуациях, разозлился и повысил голос:

— Не твое дело, сопляк! Я тут хозяин! Как решу, так и будет, а ты своими делами занимайся!

"Продолжать тему, пожалуй, не стоит, да и какой смысл? Все что могло произойти уже произошло, а читать деду мораль..."

— Все деда, молчу, молчу. Тебе виднее...

— Вот и молчи...

В горнице повисла неловкая тишина. Дед снова потянулся за квасом, но обнаружив, что чарка уже полна, досадливо стукнул доньшком кувшина по столу и недовольно засопел. Паузу надо было как-то прерывать.

— Деда, я слышал ты уже на Княжий погост съездил. Как получилось-то? Нашлась грамота?

— Кхе! — Новая тема, кажется, была выбрана удачно. — Нашлась! И написано все там так, как мы и думали, и печать княжья приложена, и даже, на всякий случай, вторая такая же грамота сделана! Все, Михайла, настоящие мы теперь бояре и воеводство Погорыньское — наше!

— Обмыли, наверно, с боярином Федором это дело?

— Еще как! Так молодость вспомнили, я аж ногу деревянную сломал, пришлось задержаться, пока новую сделали.

"Так, загуляли, надо понимать, по полной программе. Если уж их сиятельство граф Погорыньский умудрились протез сломать... Представляю себе... И повод для продолжения банкета достойный. То-то дед дерганый такой, наверно не отошел еще после возлияний"

— Вот, деда, и первый удар по смутьянам нашелся!

— Кхе... Это как?

— Пойди к кузнецу Кирьяну, вроде бы, как дядьке Лавру некогда, и закажи ему железный ларец для грамот. Да не простой, а с двойными стенками, дном и крышкой. Двойными, для того, чтобы внутрь песок засыпать. Такой ларец грамоты при любом пожаре уберезет. Пока будете обсуждать, как его сделать, ты не торопись, побеседуй обстоятельно, расскажи про грамоты. Как-нибудь вставь, что Кунье городище громили не просто так, а за нападение на княжьего воеводу, и что если бы тебя тогда убили, князь сам пришел бы куньевских карать.

Слушок об этом пойдет обязательно, потому, что сейчас пошли полевые работы и к Кирьяну постоянно народ заглядывает инструмент поправить. Глядишь, кое-кто из смутьянов и призадумается: как посмотрит князь на убийство своего воеводы? А вдруг и правда покарает?

— Кхе... А что? И призадумаются! Хоть бы и тот же Степан. Только... Кхе... Что это за ларец такой, что пожара не боится?

— Несгораемый. Я тебе нарисую, только ты чертеж с собой не бери, а на словах объясняй. Так

разговор длиннее поучится, а чем длиннее разговор, тем легче туда вставить то, что тебе нужно. Таким и будет наш первый удар: пусть хоть один из смутьянов засомневается и о своих сомнениях другим поведает. Те его разубеждать начнут, могут трусом обзывать, а еще лучше, если совсем разругаются. А если смолчит, затаится, то есть надежда, что в решающий день дома сидеть останется. Тоже хорошо.

— Кхе! Верно мыслишь! — деду затея явно понравилась. Завтра же схожу и грамоту с собой прихвачу, чтобы, значит, размер ларца показать. Выберу случай, да еще прочту ему грамоту, чтобы совсем уж проняло. Непременно разговоры по селу пойдут!

— Главное, деда, чтобы поняли: князь покарать может.

— Само собой... Но, это ты, Михайла, первый удар выдумал. А еще?

"Однако, сэр, лорд Корней на полном серьезе совета спрашивает, поверил, наконец-то, во внуковы способности! Приятно, черт возьми..."

— А еще... Для этого, деда, надо знать слабые стороны натуры противников. Степан, вот, как я понял, трусоват...

Дед протестующе выставил вперед ладонь и перебил внука:

— Даже и не думай, Степан не трус. Просто человек такой, что все ему несколько раз обдумать нужно, прикинуть: что да как... Потому ему общинную мельницу и доверили. Обстоятельный мужик, ничего не обдумав не сотворит.

— Хорошо, не трус. — Согласился Мишка. — Но так еще лучше: о княжеской каре не с перепугу подумает, а осмысленно, значит, и других в сомнение ввести сможет. А другие? Ну, хотя бы те же кожевенники: Касьян и Тимофей?

— Ну, эти... Они не то чтобы жадные, но расчетливые очень. Так уж у них повелось издавна. Еще деду их достался холоп, кожевенное дело знающий. Так тот холопа не только работать заставил, а еще и других учить. Потом сын его младший дело продолжил, старших-то на ратях убили. И так он дело повел удачно, что за всякими кожаными изделиями, если, конечно, сами сделать не могли, к нему и ни кому другому обращались. Особенно за седлами и сбруей, по сапожному делу-то он не мастер был.

Ну и Касьян с Тимофеем, как отец помер, тоже все очень расчетливо сделали: не стали хозяйство делить! Все село удивлялось, а они, видать, подсчитали, что так выгоднее будет, и не стали делиться. Так что, не жадные, но выгоду понимают, и ради выгоды на многое пойти готовы. Только это же — не слабость, достоинство, скорее.

"Ага, монополисты! И ради выгоды на многое готовы. Как говорил дедушка Маркс: нет такого преступления, на которое не пошел бы капитал, при четырехстах процентах прибыли. Этих ребят надо не пугать, а покупать!"

— Слабость, деда, еще какая слабость! Как ты думаешь, если ты посулишь им заказ на сотню седел и полных наборов сбруи, им тебя убивать захочется?

— На сотню?

— Ага. Или ты Младшую стражу пешей делать собираешься? Тогда зачем Андрей ребят конному делу учит?

Дед, прищутив левый глаз, с усмешкой глянул ни Мишку и хитрым голосом спросил:

— И с чего же ты, внучек, решил, что у тебя целая сотня под рукой будет? Ась?

— А с Нинеей по душам поговорил! Ты же с ней условился о пополнении? Или нет? Ась?

— Кхе! Все равно не угадал! Никифор аж семьдесят четыре доспеха везет! Так что, поболее сотни у тебя будет!

Новость оказалась настолько неожиданной, что внук, за отсутствием бороды, полез скрести в затылке.

"Откуда дед знает? Можно подумать Никифор телеграмму прислал: "грузите апельсины бочками зпт везу семьдесят четыре доспеха тчк целую зпт Никифор тчк". Черт знает что! Нинее кто-то ленточку княжны привез, деду "накладные на груз"... XII век, охренеть!"

Спросить Мишка ничего не успел — в горницу вошли мать и Листвяна.

— Здравствуй Мишаня. — Мать ласково прошлась ладонью по Мишкиным вихрам. — Звал, батюшка?

— Звал, Анюта, тут такое дело...

Договорить деду мать не дала. Бегло оглядев стол, она скандальным жестом уперла руки в бока и строго спросила:

— Вы что ж, так ничего и не ели?

— Да погоди ты, Анюта...

— Ну уж нет! Сам, как приехал, три дня толком не ел, только похмелялся, так еще и внука голодом моришь! Он из Нинеиной веси верхом прискакал, уставший, голодный. И ты — первый день, как с утра не набравшись. Пока не поедите, никаких разговоров! Листвяна! Все остыло, быстро горячего принести! Да не девок посылай, сама проследи!

Листвяна, в очередной раз выставленная из горницы, развила бурную деятельность. Горячие щи появились почти сразу, словно на кухне только и дожидались команды. Пока дед с внуком работали ложками, подоспели каша и жареная рыба.

Все время, пока сын ел, мать сидела напротив него, подперев щеку рукой, и Мишка вдруг почувствовал горестный комок в горле. Точно так же ТАМ — в XX веке — бывало, сидели напротив него сначала мать, потом жена... Потом стало некому... Сколько раз, вспоминал он этих женщин, тепло и уют, который придавали они дому одним своим присутствием. Сколько раз корил себя за невнимание к ним, за грехи и вины явные или мнимые — Бог весть... И вот теперь какие-то сволочи собираются...

"Ну уж нет! Зубами рвать буду! Кровью умоетесь, падлы! И Листвяне, курве, пусть только попробует матери еще раз нахамить, так рожу распишу, дед, как от чумы, шарaxаться будет!"

Мать, видимо каким-то женским чутьем, уловила его настроение.

— Мишаня, ты чего злой такой? Случилось что?

— Не случилось, пока, мама, но может случиться, об этом и беседуем. Слыхала, наверно, что бывший федоров десяток смуту учинить собирается?

— Слыхала, батюшка Корней упреждал. Пусть только сунутся, мы им в тридцать самострелов дырок в брюхе-то наделаем!

— Что-о-о?

Воистину, день для Мишки выдался необычный — сплошные сюрпризы.

— А ты думал: мы тут без тебя бездельничаем? — Продолжила мать. — Обижался, наверно, что я все самострелы себе забираю? Обижался, обижался, не спорь.

— Я и не спорю, только...

— А у меня три десятка девок, да баб молодых с двадцати шагов в цель величиной с ладонь попадают! Презаряжают самострел на счет до восьми, некоторые даже быстрее. Каждая свое место по тревоге знает: кто у окошка, кто в дверях, кто на дворе. На всем подворье места не найдешь, чтобы сразу с двух-трех мест не простреливалось, а по воротам одновременно десять выстрелов сделать можем!

— Вот это д-а-а! — это было всё, что смог сказать Мишка в ответ.

Дед, не скрываясь, наслаждался ситуацией.

— Кхе! Чего удивляешься-то, Михайла? Сам же придумал бабам самострелы дать. Хе-хе, наше подворье теперь, как еж: откуда не сунься, везде уколешься! Тридцать выстрелов! Да еще ты сегодня десяток привел. Да еще Кузька, Демка, Роська, Петька и ты сам. Да я, Лавр и Андрей. Сорок восемь! Что ж мы, на собственном подворье, где каждый угол знаем, полсотни татей не положим?

Мишка вполне искренне возмутился:

— Так что ж ты мне тут, деда... Я прямо уж думал: совсем край...

— Да? А тебе так хочется полсотни односельчан положить?

— Нет, конечно... Так для того мы с тобой сейчас про информационную войну и толкуем, чтобы их поменьше было.

Мать, услышав незнакомое слово, удивленно подняла брови.

— Какую войну, Мишаня?

Дед явно вошедший во вкус обсуждения и одобрявший сам принцип информационной войны, взялся объяснять матери сам, не дожидаясь Мишки.

— Смутьяны про нас всякие слухи да сплетни разносят, гадости разные рассказывают, чтобы народ на нас обозлить и бунт свой справедливым делом выставить. А мы в ответ свои слухи и сплетни запустим, чтобы врага в смущение привести и число его убавить. Самое же лучшее будет, чтобы они и вовсе между собой переругались.

Мать понимающе покивала.

— И о чем же сплетничать будем?

— Ну одно дело, мы с Михайлой уже обговорили, но до баб это касательства не имеет. А второе дело... Даже не знаю... А, Михайла?

— Ну почему же, деда? Пускай поболтают. Понимаешь, мама, среди смутьянов есть кожевенники: Касьян и Тимофей. Люди, как деда сказал, расчетливые. Если заказать им сотню полных наборов конской сбруи для Младшей стражи, то может быть им выгоднее покажется, заказ у нас взять, чем бунтовать?

Мать всплеснула руками.

— Да что ты, Мишаня, откуда же у нас сотня коней? У татей вы тогда чуть больше трех десятков отбили, да и тех до травы еле прокормили.

— А откуда у Касьяна с Тимофеем кожи на сто сбруй наберется? Да сколько им времени понадобится, чтобы такой заказ выполнить? В том и хитрость, чтобы им головы делом занять, а не бунтом.

Мать снова понимающе покивала.

— Ладно, с этим понятно. Но пока я про сплетни ничего не услышала. То, про что ты рассказал — дела хозяйственные.

— Сейчас и про сплетни будет, мама.

— Во-во! — Оживился дед. — Давай про самые бабьи дела! Кхе... Дед наткнулся на осуждающий взгляд матери и смущенно умолк.

— Так вот. — Продолжил Мишка. — Мама, это верно, что когда Анька с Машкой в новых платьях по селу прогулялись, девки на них как гадюки шипели?

— Да не девки, а матери их. За кого замуж-то отдавать? Почитай все село — родня. Парни-то себе девок и со стороны привести могут, а девкам за кого выходить? За язычников, за холопов? Знаешь, сколько в Ратном девок-перестарков? А тут еще эти последних женихов отбивают. Парни-то на них так и пялились, чуть не до дыр проглядели. Машка аж чесалась потом.

Было очень заметно, что мать, хоть и говорит осуждающим тоном, но от имевшей место ситуации получила несомненное удовольствие.

— Вот! — Мишка поднял вверх указательный палец. — А у меня в Воинской школе полсотни пацанов нецелованных! А будет скоро больше сотни. И заметьте: почти никто с ратнинцами в близком родстве не состоит. Сотня женихов на подходе, из них человек десять, по возрасту, уже на будущий год женить можно.

— Ой, а ведь и верно!

Мать от такой завлекательной темы разговора даже слегка зарумянилась.

— Погоди, мама, еще не всё. Ты, случайно не видела, как мой первый десяток сегодня на подворье въезжал?

— Нет, а что?

— Анька с Машкой как раз на крыльцо вылезли, вроде бы, случайно. Так мои пацаны даже команду: "Слезай!" — не услышали. Так и сидели в седлах, рты разинув.

— Ну да? Правда?

Мать от мишкиных слов получала наслаждение уже почти на уровне эротического. Шансы на удачное замужество дочерей в столице росли, прямо-таки, по экспоненте.

— Вот об этом-то, мама, все село знать должно! Да с подробностями, да кто что сказал, да как кто посмотрел, да каким боком девы к ратникам сначала повернулись, а каким потом...

— Ну этому-то меня, сынок, учить не надо! Распишем в красках! А, Листвяна?

Листвяна, взбодренная тем, что ее, наконец-то, привлекли к разговору, отрапортовала:

— Девки на кухне уже сейчас мозоли на языках набили. Пошлю двоих-троих к колодцу за водой — завтра же все село судачить будет!

Мишка понял, что тема, что называется, пошла, и выбросил козырного туза:

— И добавьте, что, как только отстроимся на новом месте, так будем девок на посиделки в Воинскую школу приглашать, а то, мол, парням скучно. Готовься, мама, заказы на платья принимать, никто хуже Машки с Анькой выглядеть не захочет. Учи холопок шитью, на целую мастерскую работы хватит, а нам будет чем за сбрую кожевникам заплатить — платье вещь недешевая!

— Кхе! Ядрена Матрена! Еще и обогатимся! Ну, Михайла!

— Главное — не это, деда! — Мишка поймал себя на том, что снова поучающее вздел указательный палец. — Главное то, что любому мужику, который этому архиважному делу помешать попробует, бабы адские муки еще при жизни устроят, а может, чего и похуже. Правильно, мама?

— Правильно, сынок!

Мать уже не скрываясь улыбалась во весь рот, на щеках ее играл румянец, и Мишка только сейчас понял: что именно зацепило край его сознания, когда она только вошла в горницу. Мать похорошела! Исчезла вдовья тоскливая самоуглубленность, ставшая очень заметной, после того, как Мишка «расколдовал» тетку Татьяну. Лицо словно разгладилось и посветлело, выровнялась осанка. Куда-то подевались темные тона в одежде. Нет, конечно же, бабий платок не сменила девичья головная повязка, вышитый рисунок на вороте и рукавах сорочки полностью соответствовал возрасту и семейному положению, но все это стало ярким, даже, щеголеватым. На шее — бусы, на пальцах перстни...

"Это что же, сэр Майкл, леди Анна снова загуляла? Неужто Вы Лавра не долечили? Да нет, для Лавра ни бусы, ни перстни, ни прочие побрякушки не надевались... Кто-то другой? Сэр, а не кажется ли Вам, что демографическая ситуация в семье может приобрести весьма скандальный характер? Дед Вам дядюшку, считай, уже изготовил, маман братика поднесет... Как-то тесно вокруг Вас становится, не находите? Правда, с другой стороны, за мать только порадоваться нужно: совесть-то Вас за "снятие отворота от жены" до сих пор покусывала. Как поется в одной популярной в далеком будущем песенке: "Снегопад,

снегопад, если женщина просит...". Блин, меньше месяца дома не был, а тут уже такое...".

Мишкины размышления прервал бодрый голос деда, похоже, обрадовавшегося новому способу ведения боевых действий, как ребенок новой игрушке.

— Теперь бабоньки, о Даниле подумайте. Смутьяны его вместо убиенного Федора себе десятником избрали, а я утвердил. Значит, хотят вместо меня сотником поставить! Надо всем напомнить, что такое один раз уже было, и от сотни из-за этого чуть рожки да ножки не остались. Особенно переговорите с теми бабами, в чьих семьях после той переправы проклятой мужиков недосчитались.

— Батюшка, грех это — на горе таком играть. — Попыталась возразить мать. У многих даже и могилки-то нет — так в реке и остались...

— А усобицу между своими устраивать не грех? — Мгновенно взъярился дед. — А в данилины руки остатки сотни отдавать не грех? Сколько народу он в первом же бою положит? После той переправы, сотня в настоящем деле ни разу не была, народ распустился, десятки не полные, некоторых и вообще нет! Данила порядок наведет? Или бабам легче будет, если их мужья, да сыновья не в реке потонут, а порубленные лягут?

Дед говорил о больном и распаялся все больше и больше. Мать, словно не замечая этого, опять попробовала возражать.

— Все равно, батюшка, как-то нехорошо это...

— Исполнять! — Дед в очередной раз поднял голос до командного рыка. — Война есть война! Если не мы их, то они нас, а потом, сдуру, и вообще всех! Делать, как сказано! Сплетня такая: Данилу хотят после меня сотником поставить, а он в первом же бою половину народу положит, а то и всех!

"Ни хрена себе, сэр, новое слово в строевом уставе тяжелой конницы — команда: "Сплетню запускай! Ать, два!". Ай да граф Корней Погорынский! Силен!"

А дед между тем, подавив робкое сопротивление командира "бабьего контингента" увлеченно продолжал:

— Теперь опять чисто бабье дело. Анюта, у богатея нашего Кондрата жена сильно ревнивая?

— Да нет, вроде бы... Дарья — так, на язык бойкая, а чтобы ревновала... Да и не к кому.

— Ага... Кхе... А у братьев его?

— У Власа жена забитая совсем, — мать сочувственно вздохнула — слова поперек не скажет. А у Устина... Марфа — да! Марфа может! Помнишь: лет пять назад Устин с перевязанной головой ходил? Говорил, что верхом по лесу ехал, да за ветку зацепился и ухо порвал.

— Ну-ну, что-то такое было...

— Только у ветки той, почему-то, зубки оказались. И зубки те — Марфины!

— Кхе! Так может она того... в любви погорячилась? Случается...

— А не все ли равно, батюшка? — На лице у матери появилось выражение, смысл которого

Мишка затруднился определить. — Главное — огонь в бабе есть!

— Во! Молодец, Анюта, правильно все поняла! Значит, Кондрат и Устин. Болтать будете так: Кондрату и Устину приглянулась одна моя холопка. Одна и та же — обоим. Да так в сердце запала, что оба, в тайне друг от друга, приходили ко мне торговаться. Хотели эту холопку себе купить. Я не продал, вот они и озлобились. Только вот, которую из наших холопок... Какую выбрать, Анюта?

— Никакую, батюшка. Так еще интереснее. Бабы сами выберут, да еще и спорить будут: та или эта? А если заспорили, всё — сплетни не удержишь. Такое еще услышим, что сами удивимся! А уж Дарья с Марфой...

Мать даже мечтательно прикрыла глаза.

— Кхе! Как бы мужики и правда на войну не запросились... От такого — хоть на половцев, хоть на ляхов, лишь бы от дому подальше!

"Ну до чего ж люди на черный PR падки! Кто сказал, что его при демократии изобрели? В какой это опере была ария о клевете? "Клевета сперва украдкой слух людской слегка ласкает...". В «Паяцах», кажется. Не важно! Хотели войны, господа заговорщики? Получите в лучшем виде и практически в профессиональном исполнении. Эх, выборы, нынче не в моде, я б вам показал политехнологии!"

— Деда, ты не помнишь, случайно, кто на сходе громче всех орал, что у кожевенников промысел больно вонюч?

— Я говорил. А что?

— А еще кто?

— Да все орали. Ты это к чему?

— Сейчас объясню, деда. Только скажи: у кого подворье близко к тыну стоит — у Егора или у Фомы?

— У Фомы. Прямо, как у нас, к самому тыну примыкает. Да чего ты задумал-то?

— Ты говорил, что десятники Егор или Фома к смутьянам примкнуть могут. Мол, обижены на тебя: Егор за бороду отрубленную, Фома за морду битую. А если слушок пройдет, что Фома громче всех на вонь ругался, а Касьян с Тимофеем обиделись и решили: коли мастерские за тын выносить придется, то поставят их аккурат напротив подворья Фомы? От запаха-то никакой тын не закроет!

— Хе-хе, ну удумал! — Развеселился дед. — Да Фома им только за мысли такие... Хе-хе-хе.

— Потом добавить можно будет, что Фома, как узнал, так грозился мастерскую вонючую поджечь.

— Поверят! Ей Богу, поверят! Фома на руку скор. Анюта, как думаешь?

Мать ответила неожиданно серьезно и строго:

— Плохо думаю, батюшка. Все село между собой перессорим. Не дело это, худо обернуться может.

— А сейчас у нас что? Тишь, да благодать? Умиротворение в человеках и благорастворение на воздухах? — Дед тоже стал серьезен и строг. — Ты вот о чем подумай, Анна Павловна: чем сильнее мы смутьянов между собой перессорим, тем меньше твоим девкам народу из самострелов дырывать придется!

Думаешь это так легко — человека убить? Да еще девке молодой! Это в забор стрелять легко, а в живую душу... Не каждая и решится, как ее не натаскивай. И правильно! Бабам рожать, а не убивать надо. Противно убийство женской натуре — невместно! Так что, стреляйте-ка вы, бабоньки, лучше языками. Это дело для вас привычное, но, бывает, не менее убойное. Ну, а если уж до крайности дойдет... Ты своему войску объясни: дом свой защищать будут, детей, кровь свою... Вот так!

Дед помолчал, словно смутившись собственной патетики, побарабанил пальцами по столу. Никто из присутствовавших не решался нарушить тишину. Наконец, дед вздохнул и оторвал взгляд от столешницы.

— Всё! Ступайте бабоньки, нам с Михайлой еще о делах воинских поговорить надо. Это вам слушать без пользы, да и не интересно. Самых языкастых баб да девок посылайте к колодцу. Да не к одному, а ко всем. Только не вываливайте все разом, что мы тут навывдумывали, постепенно надо. Так, Михайла?

— Так, деда. И еще: пусть внимательно следят за тем, как их слушают. Если не заинтересуются, то сразу же умолкнуть! Если заинтересуются и начнут обсуждать — тоже умолкнуть и слушать внимательно как разговор пойдет. Потом все, что услышат, пусть тебе, мама, пересказывают. Будем обсуждать: что дальше делать. Главное — не передавить, чтобы не пошли разговоры, что это мы слухи распускаем. Тогда — всё, конец. Все на нас поднимутся.

— Кхе! Все понятно? Да ладно, вы бабы умные, чего вас учить. Ступайте. Листвяна, вели пивка, что ли, принести. И закусить.

— Батюшка! — Мать укоризненно покачала головой. — А не хватит ли? Четвертый день...

— Перестань, Анята. Не с утра ж, вон темнеет уже. А разговор у нас долгий, чтобы в сухомятку... Листвяна! Пива и закусить!

На этот раз мать смолчала. Дед с внуком остались одни.

Дождавшись, пока за женщинами зароеется дверь, дед зло сплюнул и с очень натуральным омерзением в голосе произнес:

— Стыдобища! Бабьими языками воевать! Дожили, ядрена Матрена!

"А вот это Вы зря, граф, я же видел, что Вам идея понравилась! Хотите изобразить, что честному воину сплетнями заниматься противно? А еще говорят, что бабы притворщицы. Да старые пердуны кокетничать и жеманиться не хуже продувных потаскух умеют! Ну ладно, хочешь, чтобы я тебя поуговаривал, ради Бога! Мне не жалко".

— Деда, на войне все средства хороши. Считаю это военной хитростью.

— Военной... Тьфу!

— Сплетни, слухи, вообще разные сведения и известия, в умелых руках, страшнее стали

отточенной.

— Сам понимаю! А только... все равно, гнусность это. Война твоя ифро... ифо... Тьфу! И не выговоришь!

— Информационная. Проще — война за умы.

— Так бы и говорил. Все равно, гнусность!

"То-то ты этой гнусностью так увлекся. Ладно, пускаем в дело главный калибр!"

— Иисус Христос в Нагорной проповеди сказал, что вор или убийца подлежат суду, а клеветник — синедриону, то есть, суду духовному. Значит клевета — оружие войны за умы — настолько опасна, что обычный суд с таким делом может и не разобраться.

А еще в Писании сказано, что поднявший меч, от меча и погибнет. Наши противники клеветнический меч первыми подняли, мы только защищаемся. И не просто защищаемся, а пытаемся сохранить жизни людей, которых в противном случае, пришлось бы убивать, а значит, души их, отягченные грехами, обречены были бы на вечные муки. Мы не только жизни спасаем, но и души. Нас в этом деле любой духовный суд оправдал бы!

— Кхе...

"Демагог Вы, сэр, и место Ваше в Парламенте, который — от слова «парле», то есть, трепаться. Хватит! Я — не поп, грехи отпустить права не имею. Меняем тему"

— Деда, а ты откуда знаешь, что Никифор именно семьдесят четыре доспеха привезет?

— Чего?

Дед, видимо, настроился выслушать длинную утешительную проповедь и не сразу понял смысл вопроса.

— Я спрашиваю: откуда ты так точно знаешь, что именно Никифор привезет?

— А-а. Так я на Князьем погосте никифорова приказчика встретил. Никифор его послал с тремя работниками все тут подготовить к его приезду. Аж на четырех ладьях придет! Надо же будет все разгрузить, куда-то прибрать... Ну, и вообще...

— А сколько учеников для Воинской школы он привезет?

— Написано: четырнадцать.

— Где написано?

— Так в грамотке! Никифор мне все отписал: чего привезет, сколько, когда ждать...

— И когда?

— Да денька через два — три, я думаю.

— Понятно... Деда, мы еще о прежнем деле недоговорили. Как мы узнаем, что на нас напасть собираются? Данила предупредит?

— Догадался? Кхе! Смутьяны — мужики тертые, тоже догадались, наверняка. Ну, вот пусть и думают, что у меня вся надежда только на Данилу.

— А на самом деле?

— Кхе... А не много знать хочешь?

"Да, агентуру раскрывать не положено. Ну и ладно, мне, в общем-то и не к чему знать. Главное, что у деда агентура имеется. А я-то, дурень, Афоню вербануть пытался. Вербанул, туды твою... Стоп! Приказчик!!! А не для него ли мать наряжается? Надо будет глянуть: что за тип. Если приличный человек... Нет, не мое дело. Снегопад, так снегопад... Пусть мать порадуется, все равно, весной в Туров уедет".

Дед, неправильно поняв мишкино молчание, заговорил примирительным тоном:

— Ладно, не дуйся. Холоп у Кондрата есть. Два года назад у него родня отыскалась — весточку с гребцом на Никифоровой ладье прислали. Но родня небогатая, выкупить его не могут. Я ему волю обещал, если все по-нашему повернется. Холоп, конечно, многого не знает, но если сравнить то, что он рассказывает, с тем, что они Даниле врут, очень о многом догадаться можно.

"Бог ты мой, дед еще и разведывательной аналитикой занимается! Да где ж он этому всему научился-то? Вообще ничего не понимаю: имея таких профессионалов (а дед-то, конечно, не единственный), так легко поддаться татарам... М-да, управленцы из Рюриковичей, как из жопы свистулька".

— Деда, так может, и у нас кто-то им доносит? Народу-то на подворье...

— Может, конечно, и так быть, но пока никто не замечен. Девки из материнного «войска» по очереди не спят, за соседями присматривают. Трех уже изловили, да все не то.

— Как это "не то"?

— Да так. Одна девка у забора по ночам с кем-то шушукалась. Оказалось — ухажер. Аж с выселок приходил! Ты подумай: почти три версты туда, да столько же обратно!

"Да, почти десять километров за ночь. Что любовь с людьми делает!"

— А еще двое?

— Да тут совсем смешно. Одна девка животом маялась, а в нужник по темноте ходить боялась, так подружку с собой звала. Кхе... Хотели мы еще Прошкиных щенков вдоль забора на ночь привязывать, так они такой гвалт поднимают, никому спать не дают. В общем, стережём... Кхе...

"Примите мои поздравления, Ваше сиятельство, разведка, контрразведка, аналитика, подворье превращено в крепость с каким-никаким, но гарнизоном. Теперь вот еще черный пиар. Круто, черт побери, укатаем заговорщиков, теперь не сомневаюсь, укатаем!"

— Деда, а мой-то десяток зачем?

— Во-первых, твой первый десяток весь состоит из нашей родни. Кому же, как не им род защищать? Во-вторых, на всех уже готовы самострелы и доспех, завтра с утра Кузьма всем

оружие раздаст, доспех поможет подогнать, ну и прочее. За день, конечно, не управимся, но послезавтра ребята будут во всеоружии.

И начинай их натаскивать по-настоящему, чтобы к купальским праздникам у них и самострелы и кистени в руках держались как следует. Все это время, доспех снимать только на ночь, что б привыкли. Если бабье «войско» маху даст, вся надежда на этот десяток останется. Стреляют-то девки шустро, но в настоящем деле на них надеяться... Сомневаюсь я. Не дай Бог, до рукопашной дойдет, тут от них и вообще толку никакого не будет.

— Тогда, деда, у меня одна мысль есть.

Дед поморщился.

— Опять книжная наука?

— Не без нее, конечно, но придумал я сам. Вот смотри: дали, как ты сказал, девки маху, вороги к домам прорвались. Куда они пойдут?

— В старый дом, конечно, им я, в первую очередь, нужен буду.

— А если тебе в новый дом переселиться, да на самый верх? Понимаешь, деда, ратники наши чему лучше всего научены? Конному бою в чистом поле. В лесу тоже воевать умеют. Тем, кто постарше, доводилось города и веси на щит брать. Но таких уже немного осталось. Так ведь?

— Так, ну и что?

— А в доме драться? В тесноте, в темноте, в незнакомом месте? Не умеет этого никто из наших. А теперь представь, что им за тобой на третий этаж лезть надо. На лестнице четыре-пять стрелков целую сотню задержать могут, и на каждой ступеньке по трупку положить. Опять же: в тесноте ни копьем, ни секирой особо не повоюешь, да и мечом не размахнешься, а кистенем, да кинжалом — самое то. С луком тоже не развернешься, а с самострелом — успеть бы зарядить, а там даже в толкучке стрельнуть можно.

Вот я и подумал: а не поучить ли ребят бою в тесном помещении? В сенях, где двоим-троим еле повернуться, на лестнице, где толпой не попрешь, в горнице, где мебель да утварь под ногами мешаются. Научить из окошка стрелять, но самому при этом не подставляться, или наоборот: с улицы в окошко бить, но так, чтобы тебя самого не достали. Двери защищать или, наоборот, вышибать и в них врывать. На подворье среди построек и загоронок, на сеновале, на крыше...

Дед замахал руками, останавливая мишкино красноречие.

— Понял я, понял. Хорошая мысль, но не выйдет. Во-первых, времени мало, во-вторых, где ты их учить будешь? Здесь, на подворье? Так все село на следующий день узнает, да и не дам я дом свой громить, вы же тут все переломаете со своей учебой!

— Времени мало, согласен. Но хоть чему-то за полтора месяца мы научимся, противник-то и этого уметь не будет! А для учебы надо специальное подворье построить — где-нибудь в лесу.

Дед уже открыл рот, чтобы возразить, но Мишка выставил перед собой обе ладони, останавливая его возражения.

— Знаю, знаю: нет времени! Так настоящие дома и заборы делать не нужно, можно все из

плетней составить: врыть столбы, переплести ветками. Дай мне десяток мужиков, мы за два дня все сделаем!

— С ума сошел? Все люди в поле, сейчас один день год кормит! Э-э, постой... — Деду, кажется, пришла в голову какая-то мысль. — Никифор артель плотников везет, целых двадцать пять мужиков. Так и быть, дам тебе их на два дня. Завтра с утра поезжай выбирать место.

"Ну что ж, сэр, дед не зря согласился, названия «опричники» он, конечно же не знает, но создать из моих ребят нечто подобное, намерен. А мы с Вами, сэр Майкл, знаем названия «спецназ» и «ОМОН», хотя о подготовке их имеем представление только по телепередачам, да кинофильмам. Однако же, лишним подобное подразделение в руках управленца регионального уровня не будет. Что-нибудь придумаем... Но вот другая проблема... Надо деда озадачить, самому мне ее не решить".

— Деда, еще одно дело есть, и тоже очень важное. Мне одному с сотней не справиться! Молодняк, сам понимаешь, он — буйный. Я и полусотню-то еле-еле в узде держу — спасибо Немому да Илье. А как придут еще семьдесят четыре парня от Нинеи, да четырнадцать от Никифора... Почти полторы сотни выходит. Помощь мне нужна, деда.

— Кхе! Дошло, наконец! Я-то все ждал: когда ж ты заскулишь?

Мишка от возмущения даже приподнялся с лавки.

— Это я-то скулю! Я о деле забочусь! Ты — сотник, неужели не понимаешь, что полторы сотни мальчишек не может учить только один настоящий ратник, да и тот немой! Я долго терпел! Что полсотни народу в один дом набиты — терпел! Что конь не у каждого есть — терпел! Что ни доспехов, ни оружия нет — терпел! Учил, чему можно было в таких условиях учить! Все думал, что господин сотник, наконец, вспомнит о Младшей страже! Дождался! Дожил до светлого денечка! Скулю я, оказывается!

Мишка вдруг осознал, что стоит в полный рост и орет на деда, но сдержаться уже не мог... или не посчитал нужным? Сам не понимал, но глосс не понизил и продолжил орать:

— Щенки скулят!!! А Старшина Младшей стражи докладывает господину воеводе о беспорядке! А если господину воеводе насрать на Младшую стражу, так я и сам справлюсь! Только не обижайся потом, что по своему разумению поступил, а не по твоему приказу...

Как он справится сам, Мишка не представлял совершенно, но обиделся он на деда по-настоящему, вплоть до желания хлопнуть дверью и уехать обратно на Базу.

— Пух, пух, пух! Закипела каша! — дед, вроде бы, добродушно улыбнулся, а потом вдруг набычился и сам гаркнул в полный голос:

— А ну, сядь!!!

За дверью кто-то ойкнул и раздался звук падения какого-то предмета. Дед поднявшись распахнул дверь, за дверью обнаружили две девки-холопки. Одна держала в руках кувшин, видимо, с пивом, у ног другой лежал на полу поднос с закуской. Увидев деда, обе испуганно пискнули и бросились бежать.

— Стой, дуреха, пиво отдай! — Заорал вслед им дед.

"Ага: "Верни колбасу, я все прощу!", комедия, блин!"

— Ну, вот: без пива остались... Старшина, ядрена Матрена... терпел он...

Мишка, тяжело вздохнув, оттеснил деда от двери, перешагнул через поднос и рассыпавшуюся закуску и отправился на кухню. Там, глядя в две пары перепуганных глаз, стариковским тоном проворчал:

— Чего напугались-то? Разговор у нас такой... громкий. Не на вас же орали. Давай-ка сюда пиво, да приберитесь там. И не бойтесь заходить, не съедим.

Дед встретил Мишку чуть ли не с распростертыми объятиями:

— Слава тебе Господи, добралось до нас пиво, я уж и не надеялся, иссох весь!

— Во-во, — в тон деду подхватил Мишка — пока Старшина Младшей стражи не позаботится, сотник иссохнет, но не почешется.

Внук налил пива деду и, не спрашивая разрешения, себе.

— Разворчался, как старик, древний. — Подколол дед.

— С кем поведешься...

— А ну-ка, уймись! Жаловаться каждый может, кроме сотника. Мне вот, кому прикажешь жаловаться? К князю в Туров бегать? Да сядь же ты, наконец!

Мишка уселся, потянул к себе кружку с пивом. Дед скептически глянул на него и прокомментировал:

— Наливаешь себе, как взрослый, а плачешься, как младенец. Молчи, не спорь! Слушай, что я тебе скажу, больше ты ни от кого такого не услышишь, и книгах своих ученых не прочтешь.

"Интересно, чего же я такого в книгах не прочту? То есть, в ЗДЕШНИХ-ТО книгах, конечно много чего еще нет, а в тех что я ТАМ читал... Стоп, сэр Майкл, дед, кажется, что-то серьезное поведать собрался".

Дед, действительно, как-то весь подобрался, построжел, помолчал несколько секунд, словно раздумывая продолжать начатую речь или нет, потом все же заговорил:

— Сотник, здесь в Ратном, власть. Знаешь, что такое власть? Власть — это, когда пожаловаться некому, когда нет спины, за которую спрятаться можно и когда нет никаких оправданий. Власть со всем: с любыми делами и бедами должна справляться. Иначе она не власть! Приказывай, заставляй, карай, милуй, награждай, убивай, если надо. Но спрос за все только с тебя! Не на кого сослаться. Нельзя сказать: "мне приказали" — над тобой никого нет. Нельзя сказать: "не послушались" — ты не власть если тебе не подчиняются. Нельзя сказать: "чего-то нет или не хватает" — если найдут и добудут сами, без тебя, то зачем ты нужен? И самое страшное, что нельзя сказать: "не по силам, непреодолимо" — выходи на непреодолимое первым, преодолей или умри!

Ты — один! Всегда один! Могут быть друзья, могут быть помощники, могут быть верные и преданные слуги, но в ответе за всё и за всех только ты один. Если ты этот крест на себя не принял, называйся ты хоть сотник, хоть князь, хоть император, верить тебе не будут, подчиняться тебе не будут, кончишь ты плохо. И даже к Богу обращаться бесполезно, потому, что ОН тоже один, и Ему тоже жаловаться некому и пенять не на кого. Не станет он слушать

молитвы слабака.

— Но Бог есть любовь! Прощение, милосердие... — Не то, чтобы Мишка был не согласен с дедом или им овладел вдруг дух противоречия, просто осторожное сомнение, как известно, заставляет собеседника раскрыться лучше, чем настырное любопытство. — Искренняя молитва не может остаться безответной...

— Вранье, поповские сказки! — неожиданно резко возразил дед.

— Но Иисус сказал...

— Знаю я, что он сказал. За это и поплатился!

"Во дает дед! А ну-ка, а ну-ка! Интересненько...".

— Ты хочешь сказать, что ОН позволил своего сына...

— Не позволил — приказал! Думаешь: толпа сама по себе кричала: "Распни его!"; Нет, ей было приказано.

"Однако, концепция... Интересно: что дальше будет?".

— Но за что, деда?

— Не справился, взялся и не смог. Надо было прекращать, пока еще хуже не стало.

— С чем не справился?

— С изменением мира. Ты вот, Нагорную проповедь помянул... А ведь она — переименование десяти заповедей. В заповедях сказано: "Не убивай", а Иисус переименовал: "За убийство — суд". Значит, убийство может быть оправдано?

— А разве не так? — Чем дальше, тем Мишке становилось интереснее.

— Так. — Кивнул дед. — Но Заповедь переименована!

— И что ж в этом плохого?

— А то, что мир лучше не стал! Если уж ты взялся переименовывать сделанное Отцом твоим, то сделай лучше. Если все осталось так же, то дело твое — бесполезно, а если стало хуже — вредно.

"М-да, логика, несомненно есть, и все же...".

— Но сроки, деда! От сотворения мира до Рождества Христова прошло пять с половиной тысяч лет, а Христос прожил всего тридцать три года. Христос просто не успел!

— Всё он успел. — Напористо утвердил дед. — Если дело неправильно начать, то и дальше проку не будет. А Иисус и за тридцать три года такого наворотил... Надо было прекращать! Обязательно!

— Да чего он наворотил-то?

— А то сам не знаешь? В Заповедях сказано, чтобы почитали родителей, а Иисус захотел, чтобы ради него отказывались от семьи. Это разве дело? Дураков и сумасшедших прославлял: "Блаженны нищие духом". А дальше уже и совсем дурь пошла: "Не противься злему", "Благословляйте проклинающих вас", "Молитесь за обижающих вас и гонящих вас". Мог такой мир стать лучше, чем сотворенный Отцом? Ни-ког-да! Надо было пресекать!

Дед резко взмахнул рукой, как бы подчеркивая несомненную необходимость названного действия.

— Значит, как Фаэтона?

— Кого?

— Греки в древности верили, что солнце — бог Гелиос, ежедневно объезжающий небесный свод на огненной колеснице. Сын Гелиоса Фаэтон взялся однажды проехать по небесному своду на отцовской колеснице, но не справился с норовистыми конями и опустился слишком низко. Вся земля могла сгореть. И тогда отец, чтобы спасти землю, метнул молнию, разбил огненную колесницу, но при этом убил и Фаэтона.

— И правильно сделал! — Дед прицелился указательным пальцем в Мишку. — То же самое, что и я тебе толкую: не допустил до беды, пресек.

"Вот тебе, бабушка, и се ля ви! И это — православный христианин! Ну погоди!"

— Пресек-то пресек, но христиан-то теперь чуть не пол мира!

Деда Мишкин тезис совершенно не смутил, он, как будто, даже обрадовался.

— Конечно! Ведь выгодно же! Не противься насилию, молись за обижающего! Это же как удобно хозяину рабов в узде держать! Ты думаешь я холопов крещу, только для того, чтобы отца Михаила порадовать? Да мне ж это на пользу! Но я сам врагов своих любить не собираюсь и подставлять левую щеку, получив по правой и не подумаю! И Бог-отец меня поймет, а Бог-сын... Он сам о себе всё сказал: "Блаженны нищие духом".

"Блин, Ваше сиятельство, да Вы еще покруче Нинеи будете. Она толкует, что христианство религия рабов, а Вы граф, что ДЛЯ рабов. Прагматизм на грани цинизма. Да что там — за гранью, и далеко за гранью!"

Дед прервал мишкины размышления неожиданным вопросом:

— А теперь, Михайла, ответь: если бы я тебя в Ратное сегодня не вызвал, сколько бы ты еще терпел?

— Ты это к чему, деда?

— А ты не понял? — Дед, подобно бабе, собирающейся устроить мужу скандал, упер руки в бока. — Ты ж тоже мир изменять взялся! Военскую школу ты придумал? Ты! Лавку никифорову в Ратном — тоже ты. Войну эту... за умы — опять ты. Погоди, я еще не все сказал! — дед жестом пресек попытку Мишки что-нибудь ответить. — И ты теперь вот-вот станешь сотником! Властью! Я-то думал, что ты и вправду знаешь, что делаешь, а ты оказывается только терпел. Понял меня? Теперь можешь отвечать!

Вот тут-то Мишку по-настоящему и проняло. Вроде бы отвлеченная богословская дискуссия,

совершенно для него неожиданно, обернулась очень серьезным разговором. Все предстало в абсолютно ином свете, вернее сказать: в истинном свете. Вдруг оказалось, что за столом сидят напротив друг друга не средневековый боярин-самодур и искусственный человек XX века, а матерый, всякого повидавший, мужик и четырнадцатилетний сопляк, вообразивший о себе невесть что.

Это ощущение придавило Мишку словно многопудовым грузом. В миг, как когда-то в переулке перед Ерохой, сознание взрослого человека забилося куда-то в темный уголок, а на передний план выступил перепуганный мальчишка. Сам понимая, как неуместно по детски это звучит, Мишка пролепетал:

— Так ты что ж, деда... Ты меня, как Фаэтона?

— Да!

И ни малейшего сомнения в том, что дед произнес это "Да!" искренне. Взгляд — глаза в глаза, спокойный, твердый, уверенный в своей правоте и, потому, беспощадный. Руки спокойно лежат на столе, поза, казалось бы, расслабленная, но это — расслабленность профессионального воина, способная мгновенно взорваться смертельным выпадом.

Мишка чуть было не взвыл: "За что, деда?!" — но откуда-то из дальнего уголка сознания на него, прямо-таки по-хамски заорали:

"Заткнись дурак!!! Прекрати панику, думай! Думай, идиот, ориентировочно-исследовательская реакция одинаково эффективно гасит в мозгу и агрессию, и панику, и любую другую дурь. Думай!"

И правда, чего это я? Ну не будет же он меня прямо сейчас убивать! Да и не за что, вроде бы... Ай да дед! Это ж он момент подловил, чтобы надавить на меня и на место поставить! То есть, он, конечно же не врет и не притворяется, "Я тебя породил, я тебя и убью" для него не фраза из классической литературы, а вполне реальная жизненная ситуация. Но не прямо сейчас, а предупреждение на будущее, чтобы внук не очень-то заносился.

Ага, сэр, и если бы Вы спросили: "За что?" — Их сиятельство Вам выдали бы такой список — обалдеть, не встать. "101 способ доказательства некомпетентности подчиненного" — это любой управленец знает, даже брошюры такие есть, или разделы в книгах об управлении персоналом. Дед, конечно, этой литературы не читал, но на эмпирическом уровне методикой владеет несомненно. Чуть не вяпался, блин.

Ладно, а какая здесь еще засада может быть? Ну да, конечно! Я же, по задумке деда, могу сейчас начать доказывать, что, мол, никакой я не сотник, не власть, и вообще с меня по малолетству и неопытности по полной программе спрашивать нельзя. А ему только того и надо! Скажет: "То-то же! Смирно! Налево кругом!" — и... И пива не даст! А вот хрен Вам, Ваше сиятельство граф Погорынский, боярин Корней Агеич! Вы меня огорошили, я Вас тоже попробую!"

Мишка нахально отхлебнул пива и насколько смог спокойным голосом спросил:

— Значит, на вольные хлеба отправляешь — в изверги? Не рано ли? Мне еще четырнадцати нет.

Туше! Дед ждал чего угодно, только не этого. Пауза, перед ответными словами была совсем чуть-чуть длиннее естественной, но, все-таки, была!

— Дури-то не болтай! Кхе... Никто тебя никуда не гонит...

— Тогда отвечаю на твой, деда, вопрос: сколько б я еще терпел, если бы ты меня сегодня в Ратное не вызвал. Терпел бы до приезда дядьки Никифора. А потом все равно приехал бы, сам понимаешь. Приехал бы и раньше, но ни про заговор против тебя, ни про приезд Никифорова приказчика я не знал.

— Вот как, не знал! А я вот о том, что у тебя на Базе творится, знаю! — не удержался от подковырки дед.

— Спасибо за науку, деда, теперь и я буду знать, что в Ратном без меня происходит.

— Кхе... Это как же?

— Придумаю что-нибудь. — Мишка пожал плечами, словно речь шла о какой-то несущественной мелочи. — Так вот, деда, приехал бы я не скулить и не жаловаться, а доложить господину сотнику о состоянии дел, и обсудить с господином сотником способы этих самых дел улучшения. И ничего зазорного в этом не вижу — твои десятники то же самое делают, и это является их обязанностью, а не слабостью.

— Кхе...

Дедово «Кхе» явно было с одобрителем, хотя, как показалось Мишке, наличествовала в дедовой интонации и некоторая доля растерянности. Наезд на внука с целью указания ему его места и понижения уровня самомнения, по всем признакам, не удался.

Не удался, конечно же, не потому, что дед был глупее внука, а потому, что, как и любой военный начальник, привык устраивать наезды на подчиненных экспромтом — в подходящий момент или под подходящее настроение. Может быть и не всегда по делу, но зато постоянно поддерживая подчиненных в тонусе и не давая им расслабляться.

С внуком же экспромт не прошел, да и вряд ли будет проходить в будущем. Не потому, опять же, что внук — "гигант мысли", а потому, что память человека XX столетия хранит множество штампов и рецептов реакции на подобные наезды. Тезаурус, он и в Африке тезаурус.

— Теперь же, — продолжал Мишка — я тебе деда обещаю: завтра же с утра, после того, как гляну на вооружение первого десятка и поговорю с Кузьмой, сразу же пойду знакомиться с приказчиком и проверять: как он подготовился к приходу Никифоровых ладей.

— Кхе!

Теперь уже универсальный дедов комментарий прозвучал несомненно одобрителем. Дед расправил усы и, наконец-то, опорожнил посудину с пивом. Мишка тоже осушил свою кружку и тут же налил себе и деду.

— А теперь, господин сотник, дозвожь, все же, доложить о делах в Воинской школе.

— Кхе! Ну, докладывай.

Дед уже смотрел совсем весело, то ли пиво хорошо пришлось, то ли был доволен внуком... А

может, и то и другое вместе.

— Качаться на досках научились почти все, можно уже, пожалуй, самострелы в руки давать. Кинжалом играть могут тоже почти все, но только одной рукой и стоя на земле. С рукопашкой без оружия — хуже. Я один со всей полусотней по очереди драться не могу, просто сил не хватает, а Демьян, пока, не может — после ранения еще не оправился до конца. Хоть и не признается, рана видимо побаливает — левую руку и плечо он старается беречь. А больше никто из нас и не умеет.

— А Андрюха?

— Он целыми днями конным делом с ребятами занимается, да и нельзя пацанов с ним сводить, пока хоть чему-то не научились, он же силищей своей всю охоту к учебе отобьет.

— Кхе... Тоже верно.

— Роська учит ребят кистенем махать, но я пока не очень на это налегаю, потому, что надо сначала, все-таки, приемы боя без оружия освоить. Ты как, согласен?

— Согласен. Пусть сперва научатся своим телом владеть, а потом уже оружием его усиливать. Правильно мыслишь.

— Так, теперь кормежка и одежда...

— Погоди, Михайла, про учебу еще не все.

— Ну, грамоте учу помаленьку, но там еще и толку-то совсем чуть. Буквы выучили, но читать еще не могут. Считают тоже только в пределах десятка, да и то плохо. Тут результат можно только к весне ждать, быстро такое не получается.

— А что за сказки ты им на ночь рассказываешь?

"Блин! Ну всё знает. Кто ж ему стучит-то?"

— Да не сказки это, деда. Вернее, первый раз была сказка. Роська однажды слышал, как я внучатам Нинеи рассказывал про мальчишку, воспитанного волками. Как-то вечером, спать еще рано было, на улице дождь льет, не выйти, от "Аз, буки, веди" все уже очумели, Роська взял да и попросил меня еще раз ее рассказать. Ребятам понравилось, на следующий вечер попросили рассказать еще что-нибудь. Я им про Вещего Олега рассказал. Так и повелось каждый вечер, только теперь я им не сказки рассказываю, а про войны и полководцев: Святослава Игоревича, Александра Македонского, Ганнибала, Царя Леонида, Юлия Цезаря, Карла Мартела, Атиллу, Константина Великого. Про викингов, гуннов, спартанцев, римские легионы, персидские колесницы... Много всякого... я думаю: будущим воинам это полезно знать.

— Кхе... Изрядно! — Часть названных имен дед, наверняка, слышал впервые в жизни. — Это ты верно придумал.

"Еще бы неверно! Любой педагог тебе подтвердит: что бы завоевать внимание и уважение, даже любовь, подростков, подобные рассказы — первое дело. Молодой развивающийся мозг до информации жаден, особенно, до необычной информации".

— Заодно рассказываю про дальние страны, про их народы, про их обычаи и богов. Чтобы знали: есть не только Славянские Боги и христианство, но и много еще всяких. Тогда у них в головах потихоньку размоется противопоставление славянского язычества и христианства. Это, между прочим, деда, тоже война за умы.

— Молодец, хвалю!

— Рад стараться, господин сотник.

"Блин, видел бы ты, как я карту мира рисовал! Целая коровья шкура ушла, и то только Евразия и Северная Африка поместились. Впрочем, больше им и не требуется. А уж как я извращался, когда слонов описывал! Не обо всем тебе настучали, воевода".

— Вот такие сказки, деда. А теперь кормежка и одежда...

В тот вечер дед с внуком засиделись далеко за полночь. И что удивительно: кувшин с пивом так до конца и не опустел.

Глава 3

Голос Кузьмы Мишка услышал еще на подходе к кузнице, Оружейный мастер Младшей стражи орал на кого-то из учеников Воинской школы:

— Я кому сказал: впустую самострелами не щелкать?! Каким местом слушали?! Сейчас поотбираю у всех и выгоню!!!

Мишка прибавил шаг.

"Все проспал, блин, засиделись вчера с дедом... А Кузька, чувствуется, на самом деле сердит, куда десятники смотрят? Ну я вас..."

На дворе перед кузницей стоял стол, на столе были разложены: самострел, подсумок для болтов, кожаная коробочка для запасной тетивы и других мелочей, нужных для обслуживания самострела, и сами эти мелочи. Такие же коробочки и подсумки Мишка разглядел на поясах сгрудившихся у стола «курсантов», в руках у всех были самострелы.

— Ты, вот, стрелок великий, — продолжал орать Кузьма — ты слышал, что я сейчас объяснял? Повтори! А ты? Тоже не слышал? Так для кого я тут распинаюсь?

В ответ из толпы кто-то бубнил нечто оправдательное. Первым Мишку заметил, конечно же, служака Дмитрий.

— Смирно! Господин старшина! Первый десяток...

— Вольно! Кузя, да не надрывайся ты так. — Мишка нарочито пренебрежительно оглядел сгрудившихся у стола ребят. — Видишь: детишки же еще, новая игрушка в руки попала, так про все и забыли.

— Во-во, я и вижу: дети малые. — Подхватил Кузька. — Им бы лошадок деревянных, а не оружие...

Сразу же несколько курсантов обиженно засопели, а один уже раскрыл рот для ответа.

Допускать перепалки с Оружейным мастером было нельзя — авторитет Кузьмы следовало всячески поддерживать — поэтому Мишка, не давая никому произнести ни слова, рывкнул во всю мощь голоса:

— Чьё капральство?!

— Мое! — раздвинув мешающих пройти ребят, вперед вышел Филька.

— Что значит «мое»? Доложить, как положено!

— Капрал первого десятка Младшей стражи Филипп!

— Куда смотришь? Почему у тебя люди дурака валяют, вместо того, чтобы Оружейного мастера слушать?

— ... - Филька потупился, зачем-то принялся оправлять рубаху.

— А ну, встать ровно, отвечать, как положено!

"Ох и грозны, Вы сэр Майкл, прямо унтер Пришибеев! А как иначе?".

Филька оставил рубаху в покое, выпрямился и пробурчал:

— Виноват, господин старшина.

— Не слышу! Где командный голос?

— Виноват, господин старшина!

— А раз виноват, то слушай команду! Раздолбаев своих накажешь по прибытии на Базу! Сам, что причитается, получишь от десятника, но не от Петра, а от Дмитрия. Десятник Дмитрий! Принять командование первым десятком!

Нет, Митька точно рожден быть солдатом — ни удивления, ни малейшей заминки.

— Слушаюсь, господин старшина!

Петька же вылеплен совсем из другого теста: на лице сначала удивление, потом возмущение, потом... Ничего сказать или сделать Мишка Петру не дал.

— Десятник Петр, Десятник Дмитрий! За мной, остальным продолжать занятия! Старший — десятник Василий.

Петька весь, прямо-таки кипел от возмущения, но все же дождался, пока они отошли за угол.

— Минька, ты чего? Из-за этих обалдуев...

— Отец твой на днях приезжает, — не дал ему закончить Мишка — четырнадцать новых обалдуев тебе привезет, вот с ними и займешься. Я тебе специально дал десятком покомандовать до их приезда, чтобы поучился, да видно не впрок. Ни хрена дисциплины в десятке нет. А за обучение тех ребят деньги будут плачены, и ответ ты будешь держать не только перед дедом и отцом, но и перед каждым, кто их обучение оплатил. Так что, думай.

А ты, Митька, теперь будешь сразу двумя десятками командовать: своим и бывшим петькиным.

Зваться теперь будешь старшим десятником, и обучать твоих ратников будем немного иначе, чем остальных, потом объясню — как. А сейчас иди, командуй и выясни у Кузьки, когда он сможет твой второй десяток полностью вооружить. Надо бы поскорее.

— Слушаюсь...

— Да ладно тебе, ступай.

Дмитрий ушел, а Петька остался стоять, с мрачным видом молча переваривая новости. Мишка дал ему немножко времени попереживать, потом спросил:

— Ты приказчика, которого отец прислал, знаешь?

— Угу, Спиридоном звать.

— Сколько ему лет?

— Двадцать или чуть больше, точно не знаю, он у нас недавно.

— Что за человек-то, хоть? Дельный?

Петька сплюнул и пренебрежительно махнул рукой.

— Дрянь мужичонка, даже удивительно, что батя его сюда прислал.

— А подробнее?

— У бати приятель был в Нижнем Новгороде, какие-то дела вместе вели. Помер он года три назад, вроде бы. Остались два сына Алексей и этот Спиридон. Алексей стал с отцовскими ладьями ходить, а Спиридон дела в Нижнем Новгороде вел. Ну и прогорели они. Что уж там вышло я не знаю, только для того, чтобы ладьи снарядить, пришлось в долги залезать. Алексей с ладьями на Каму пошел и не вернулся — сгинул.

Спирька покрутился, покрутился, но долги-то отдавать надо. Батя говорил, что если склады, причал, да дом с умом продать, то можно было бы расплатиться. А Спирька, подлец, сбежал к нам в Туров. Сам-то неженат еще, а семью Алексея бросил — тех за долги в закупы и взяли. Отец потом ездил в Нижний выкупать их, так такого про Спирьку наслушался... Без отца, да старшего брата изгулялся весь: пьянки, девки... Делами совсем не занимался, потому, наверно, и прогорели они.

Ну, батяня пригрел «сироту», туды б его... По уму, его бы в закупы брать надо было, но сын старинного приятеля, понимаешь... Сделал приказчиком. Толку с такого приказчика, что с козла молока. Вроде бы и дело знает, и шустрый, и договариваться умеет, а все равно... То пьяный, то у девок гулящих застрянет, то с разбитой мордой и обобранного домой принесут... Двух наших холопок обрюхатил, кобель.

"М-да, характеристика... А мать-то... Ладно, не девочка, и не мне ее учить. Впрочем, может быть она и не с ним вовсе... Но, все равно, заняться Спиридоном придется вплотную. Дед ясно дал понять, что раз идея с лавкой и торговлей в округе моя, то и спрос — с меня. Надо въезжать в тему. Черт меня тогда за язык дергал..."

— Слушай, Петь. Так может Спиридон и в Турове натворил чего-то, а дядька Никифор его у нас спрятать решил?

— Запросто может быть. — Охотно согласился Петька. — Такой чего угодно натворить может.

— Ладно, ты иди к Кузьке доспех примерь, а потом мы с тобой ходим, проверим, как Спиридон к приходу ладей приготовился. Если что, вразумим... Вдвоем-то справимся?

— Справимся, он, паскуда, еще и трус. Мужики говорили: если дело к драке идет, так Спирька всегда смыться норовит.

Расставшись с Петром, Мишка отправился на поиски сестер — информацию надо получать из разных источников. Одно дело — мать с дедом, другое — сестры, у них на все проблемы иной взгляд, можно будет сравнить.

Искал сестер, а нашел мать. Она сидела на лавочке возле стены дома, держа на коленях какое-то шитье, а рядом, одной рукой подбоченясь, а другой опираясь на стену стоял какой-то типчик — весь из себя благообразный, нарядный и самоуверенный донельзя.

По всему видать, это и был тот самый Спиридон. Приказчик, как на картинке: прилизанный, с короткой ухоженной бородкой, тонкими, закрученными на кончиках усиками. Розовая, с шитым серебром оплечьем, рубаха, украшенные бисером сафьяновые сапожки...

Приторно улыбаясь, Спиридон что-то негромко говорил, время от времени наклоняясь к самому уху матери, а та совершенно явственно млела, тихо улыбаясь и медленно перебирая пальцами лежащую на коленях ткань.

"Тьфу, едрит твою... Ну скажите, ради Бога, сэр, почему бабам нравятся именно вот такие прилизанные типы? Невооруженным же глазом видно, что дерьмо! Ох, я тебе, Спиридоша, портрет-то отрихтую, ласковый ты мой... Нет, нельзя мать расстраивать..."

Блин. Ничего, придумаем что-нибудь. Только бы он у гулящих девок какую-нибудь гадость не подцепил. Сифилис, слава Богу, из Америки еще не привезли, но и без него добра хватает... Интересно, Настена хоть триппер-то лечить умеет? Господи, о чем думаю! Ну, Спиридоша, чует мое сердце: добром мы с тобой не разойдемся".

Мишка, пока его не заметила мать, отшатнулся за угол и продолжил поиски сестер. Машка и Анька-младшая обнаружили быстро, но были заняты. Вернее, занята была Мария — разговаривала о чем-то, с серьезным хозяйственным выражением лица, с немолодой холопкой. Анька же топталась рядом, по-видимому горя желанием встрять в разговор, но не находя для этого повода.

Разговор, похоже и правда, был серьезный, поскольку немолодая женщина слушала Машку внимательно и, даже если и возражала, то делала это уважительно, а Машка с ней соглашалась, не чинясь. Деликатно дождавшись окончания разговора, Мишка подошел к сестрам.

— Здорово, сестренки! Ну вы вчера моих богатырей в самое сердце поразили! Прямо околдовали! Они аж с коней слезть забыли, так и сидели, разинув рот.

Непривычные к таким комплиентам девы зарделись. Сегодня они были "не при параде" — в обычных рубахах из беленого полотна и головных повязках, но обе от мишкиных слов расцвели так, что было просто приятно посмотреть. Впрочем, языкастая Анька нашлась с ответом быстро.

— Тоже мне, богатыри! Пацаны прыщавые, было б кого околдовывать!

— Ну, чем богаты, тем и рады. Извините, других нет. А рассказали бы вы мне новости, девоньки, а то я почти месяц в Ратном не был.

Мишка был уверен, что главной новостью будет Спиридон, но, к величайшему своему удивлению, ошибся. То ли девы очень уж добросовестно отнеслись к своим новым обязанностям, то ли мать спрашивала с них не за страх, а за совесть, но сначала пошли исключительно хозяйственные темы, из зон ответственности Анны и Марии.

Мишка узнал, что жилью до ума не доведено: бычьих пузырей для окон нет, полатей и лавок не хватает, из-за чего часть народу спит на полу. Крыши до конца не покрыты, холопские дети не присмотрены — двое уже чего-то наевшись, маются животами, а один подцепил какую-то коросту и т. д., и т. п. Это все было из зоны ответственности Машки.

Анька же, на которую, надо понимать, взвалили дела кухонные, обогатила Мишку информацией о том, что хлеб кончается, неизвестно: хватит ли до нови, но крупы, овощей, мяса и рыбы пока хватает. Огороды старые вскопали, но этого теперь мало, а подходящих мест для разведения новых поблизости нет. Холопы жрут в три горла, не напасешься, да еще мишкину ораву кормить...

Все это можно было слушать до бесконечности, поэтому Мишка, с трудом выбрав паузу в словесном потоке, поднял «неубиенную», с его точки зрения, тему — Спиридон.

Тема действительно оказалась благодатной. И умница, и красавец, и такой вежливый-обходительный! Такой веселый, столько занимательных историй знает! Одет всегда опрятно, красиво. О себе должное понятие имеет: вежлив, но не подобострастен. Везде-то он бывал: и в Нижнем Новгороде, и в Киеве, и в Турове... И по второму кругу: а собой хорош, а слова какие приятные говорит! Мишка уже начал подумывать, как этот фонтан заткнуть, как вдруг прозвучало:

— А дед, зверюга, его чуть не убил!

— Как это? — удивленно спросил Мишка, и был вознагражден душераздирающим повествованием о визите сотника Корнея на Княжий погост.

Были там у деда какие-то дела (какие именно, сестрам было неинтересно), а сделав их дед с погостным боярином Федором так загуляли, в такое буйство впали, что ну прямо половецкий набег учинили. Вышибли в боярском тереме две двери, разогнали прислугу, поломали в щепки: мебель, лестницу, перила на крыльце и дедову деревянную ногу.

Новых ног погостный плотник сделал аж пять штук, но дед их все каждый раз браковал, и пьянка продолжалась дальше. Приехавший на Княжий погост Спиридон обнаружил следующую картину. Из-за забора боярского подворья, на всю улицу гремел холопский хор, исполнявший песни похабного содержания, сам погостный боярин стоя на карачках возле курятника, непонятно зачем, шуровал внутри просунутой в щель жердью. При ближайшем рассмотрении оказалось, что в курятнике, словно петух, сидит на шестке совершенно несчастный погостный писарь, а под ним мечутся две напрочь рассвирепевшие свиньи, чью ярость боярин Федор упомянутой жердью и стимулировал.

Воевода же Пригорынский Корней Агеич, прямо посреди двора, принимал ванну в конском корыте, одновременно дирижируя холопским хором, держа в руке вместо дирижерской палочки один из забракованных протезов. Этот же протез он запускал в голову каждому, кто по любопытству или за иной надобностью, заглядывал на боярское подворье.

Недостатка в боеприпасах Корней не испытывал, так как один из певцов тут же приносил выпущенный дедом снаряд обратно, а рядом с корытом лежали еще четыре штуки. Таким-то образом заглянувший на подворье Спиридон тоже огреб деревянной ногой, слава Богу, не по голове.

Зацепившись за тему членовредительства, девы перешли к ратнинским новостям. В их изложении потери среди населения села имели, прямо-таки, фронтovou тяжесть. Ероха с Пашкой подрались так, что пришлось звать лекарку Настену. Матвей, державший орущего Ероху, пока Настена вправляла тому вывихнутое плечо, перестарался и чуть не свернул пациенту шею. Потом Пашке вправляли сломанный в драке нос, а тот плевался кровью, кричал, что Ероха у него землю жрать будет, и мешал Настене работать, пока Матвей не дал ему в ухо.

"Ну, дает Мотька, всенепременно хирургом станет!"

Дальше — больше. Пентюха лягнула лошадь, он теперь лежит дома, а поле его остается не паханным, потому, что никто ему помогать не хочет. На пасеке, куда дед поселил одну холопскую семью, пчелы чуть ли не насмерть зажалили маленького ребенка. Тетка Аграфена родила аж тройню и чуть не померла от натуги. Вдовая тетка Алена застала своего хахалю с другой бабой и гнала мужика поленом без штанов до самого колодца, где, забыв про ветреного обожателя, сцепилась с бабами, неосторожно прокомментировавшими вслух вопиющую разницу в габаритах Алены и ее предмета любви. Результат — многочисленные поверхностные ранения у баб и сотрясение мозга средней тяжести у любвеобильного ратника третьего десятка.

"Пусть благодарит Бога, что жив остался: тетка Алена — это серьезно".

Один из ветеранов обозников, показывая молодежи, как ловко управлялся в молодости с мечом, невзначай, отрубил себе палец на ноге, а присутствующий при этом Бурей хохотал так, что подвернул ногу, упал и насмерть задавил цыпленка. Прошку, полезшего разнимать подравшихся щенков, покусали до крови, но не сильно. Все было бы ничего, если бы один из щенков не умудрился тяпнуть Прошку за нижнюю губу, которая теперь распухла и никак не заживает. На выселках зашибло бревном бабу, и неудивительно — там одни сумасшедшие живут. Все пашут-сеют, а они дома строить надумали, да еще и баб на такую работу поставили. Все, до одного, дураки, потому, наверно, и креститься не желают.

Мишка уже думал, что перечень потерь в живой силе никогда не иссякнет, но всплывшая религиозная тема породила новость об отце Михаиле. Тот, несмотря на свою сдержанность на грани овечьей кротости, умудрился разругаться со старостой Аристархом. Причиной ссоры стала насущная необходимость строительства новой церкви — в нынешнюю не смогла бы вместиться и пятая часть населения Ратного. Дед, к которому апеллировал отец Михаил, не просыхал уже неделю, а потому вынес соломоново решение: церковь строить, но не сейчас а в прошлом году — чем поразил отца Михаила до глубины души.

Вообще, дед, в мишкино отсутствие, вел себя абсолютно безобразно, а виноват в этом сам Мишка. Подобное резюме поразило Мишку не меньше, чем дедово решение поразило отца Михаила, но старшине Младшей стражи было тут же разъяснено, что если бы Немой не торчал в Воинской школе, то поехал бы с дедом на Княжий погост и не позволил бы сотнику Корнею устроить вышеописанную вакханалию.

Склонность юных девиц к критиканству — вещь известная и неизбывная. В подражание взрослым женщинам они способны долго и с удовольствием высказываться на тему присущих

противоположному полу недостатков, даже не представляя себе, какую чушь, порой несут. Мишка ничего подобного слушать не собирался и прервал поток морализаторства вопросом:

— Вы хоть знаете, для чего дед на Княжий погост ездил? — И, не дожидаясь ответа, пояснил: — Боярышни вы теперь. Дед с погоста боярскую грамоту привез. — Глянул на озадаченные лица сестер и усилил эффект от своего сообщения: — Мы теперь не худородные, вас можно в Туров вести, за самых именитых бояр замуж выдавать!

Первой на новость отреагировала Анька-младшая. Чуть ли не суча ногами от возбуждения, выдохнула прямо из глубины души:

— Когда?

Машка была сдержаннее, но тоже вопрошающе уставилась на брата. Мишка томить не стал, но и называть точный срок не посчитал нужным.

— Когда мать решит, что вы к этому готовы.

— Так мы — хоть сейчас! — Анька была вся, как крылатая ракета, готовая сорваться с направляющих. — Манька! Мы в Туров поедем!

На Марию новость произвела не меньшее впечатление, чем на сестру, но голова у нее работала иначе.

— Что значит «готовы»? Почему матушка нам ничего не сказала? Минька, а ну-ка выкладывай: что знаешь?

— Сказать-то не сказала, но готовить вас к этому мама уже начала. Вы думаете, зачем она вам хозяйственные дела раздала? Тебе — за жильем и здоровьем холопов следить, а тебе — за кормежкой? Вы же хозяйками в боярский терем придете, кому жена-неумеха нужна? А матери рядом не будет, подсказать, помочь некому, самим придется справляться. Пока-то у вас не очень получается.

Мария, жестом прервав уже открывшую рот Аньку-младшую, выдала целую серию вопросов, причем, приходилось признать, по делу:

— Что не получается, что не так? Откуда ты знаешь, мать говорила? У нас обеих или только у нее?

Машка кивнула на сестру и, не моргнув глазом, проигнорировала мгновенно вспыхнувшую возмущением Аньку.

— У обеих, сестренки, у обеих.

Мишка постарался выглядеть так же строго, как при разговоре с учениками Воинской школы. С теми-то проще, а сестрам не скомандуешь: кругом, шагом марш! Впрочем, тема их зацепила крепко, слушать будут. Еще бы не зацепить! Девчонкам, которые дальше Княжьего погоста никогда нигде не были, светит поездка в стольный град, да еще и женихи из лучших семей!

— Я ведь вас не просто так слушал, сестрички. Вот ты, Маша, жалуешься: то не сделано, это незакончено... А сама-то, подумала, как до ума все довести?

— Мужики с посевом и покосом управятся, тогда и доведем, не девок же заставлять топорами

махать?

"Верно соображает, может и Анька тоже соображать потихоньку приучается?"

— Вот ты, Аня, говоришь хлеба, не хватит...

— Нам-то хватит! Это для холопов скоро кончится.

"Блин! Ну как такое может быть? Сестры-двойняшки, а такие разные, даже и по внешности, ведь не путает их никто. А уж по уму-то!"

— Как скоро? Сколько нужно на один день, и на сколько дней осталось?

Мишка спрашивал, а сам уже понимал: путного ответа не получит. Так и вышло.

— Откуда я знаю? У Листвяны спрашивать надо.

— А когда сама хозяйкой станешь, у кого будешь спрашивать?

Ни секунды не задумавшись Анька пояснила брату, словно последнему недоумку:

— Так не за холопа же выйду, и там ключница будет!

— А если воровать станет?

— Да ну тебя, чего привязался?

"Трындец! Полная безнадега! Вот кому-то сокровище достанется. Матери, что ли, настучать? Ага! Она сейчас только о хозяйстве и думает... Ну надо же, и тут Спиридон! Не успел заявиться, а уже головной боли от него... Тут вот и пожалеешь, что дед спьяну протезом промахнулся"

Стоило Мишке допустить лишь небольшую паузу, как возможность продолжения разговора по делу была тут же утрачена. Анька подхватила сестру под руку и затараторила о наиглавнейшем:

— Мань, надо еще платьевшить, не ходить же все время в одном! А еще я видела: дядька Лавр жене такие колты серебряные сделал. Загляденье! Нам бы тоже такие, только бы еще с камешками...

Забыв про Мишку сестры под ручку направились в каком-то, им одним известном, направлении.

"Все, сэр, можете быть свободны. Дальнейшие переговоры пройдут в закрытом режиме, без присутствия прессы, блин. Как говорил один персонаж кинотрилогии о Максиме: "Пороть, пороть и пороть!" Ума, конечно, не прибавит, но хоть душу отведешь"

Мишка вдруг услышал тихое поскуливание и, оглянувшись, увидел двух щенков, сидящих на привязи.

— Эй, щенков забыли! Вы же их на самом солнцепеке привязали, смотрите, как языки вывалили. Их напоить надо.

С совершенно одинаковым выражением досады на лицах, сестры прервали увлекательную

дискуссию и, отвязав щенят, потащили их за собой. В той стороне, куда они направлялись, воды не было, Мишка знал это точно.

Возле кузницы ученики Воинской школы примеряли брони. Большинство было одето еще только в поддоспешники, но двое уже стояли в кольчугах, сутулясь от непривычной скользкой тяжести на плечах. Кузька крутился около них, что-то поправлял, что-то подтягивал и не переставая давал ценные указания.

— Не сутулься, выпрямись. Если горбишься, доспех тебя сам вперед тянет, ты еще больше наклоняешься, а он еще больше тянет. Ну-ка, попробуй, нагнись.

Парень наклонился и невольно сделал шаг вперед, чтобы не упасть. Доспех действительно тянул своей тяжестью.

— Ну, понял теперь? — Продолжал Кузька. — Если стоишь прямо, то тяжесть ложится ровно во все стороны, стоит куда-то покривиться, сразу доспех тебя туда же и потянет еще сильнее. Ничего, привыкнешь! Я попервости себе шею чуть не до крови растер, а потом привык и ничего.

Дело шло медленно, но так, собственно, и предполагалось. Мишка обвел глазами двор. В сторонке, жадно наблюдая за процессом вооружения «курсантов» толкалась группа мальчишек. Ближе не подходили, видимо, шуганули их уже не раз и не два. Среди них Мишка заметил и младшего брата Сеньку. Тот с авторитетным видом объяснял приятелям какие-то тонкости вооружения ратников, время от времени тыкая указательным пальцем в сторону Кузьки.

На завалинке сидели вышедшие передохнуть кузнецы из холопов.

"Ну да, Кузька занят, Лавр на высылку уехал, почему бы и не сачкануть? Но Демка-то здесь и не занят, вон стоит, почему не прикрикнет? Наверно по делу перерыв, ладно, им виднее".

Возле забора, прислонившись к нему спиной и скрестив руки на груди, стоял Спиридон. Мишка его не сразу и заметил.

"И этот здесь нарисовался! У него что, привычка такая — все время к чему-нибудь прислоняться? Вообще-то, такая привычка вырабатывается либо у больных, либо у лентяев, либо у людей, стремящихся показать свою самостоятельность и независимость. Не всегда, но довольно часто, эта привычка свидетельствует, как раз, об обратном — скрытой слабости и неуверенности в себе. Такому человеку некомфортно стоять прямо, ни на что не опираясь. Не знает, куда девать руки, сутулится, переминается с ноги на ногу.

А чего это он, собственно сюда приперся? Ему что, заняться нечем — все к приезду Никифора уже готово? Да наверняка же нет! Ага! Ну, Спирька, держись, сейчас сэр Майкл, виконт э-э... Ратнинский, тебя на кастинг пригласит. И хрен открутишься..."

Мишкины зловещие размышления прервало дерганье за рукав и Сенькин голос:

— Минь, а Минь!

— Чего тебе?

— Минь, а ты над Кузькой начальник?

— Гм, ну, начальник...

— А тогда вели ему, что бы он мне самострел дал!

Сенька, похоже, ни сколько не сомневался в том, что его просьба будет выполнена и аж приплясывал на месте от нетерпения. Мишка глянул на группу ребяташек, заметил, что все, как один, смотрят на него с Сенькой и догадался, что братишка чего-то им там нахвастал.

"Если отказать, поднимут на смех, а среди пацанов вполне могут быть и дети холопов. Нет, смеяться над внуком хозяина позволять нельзя".

— А для чего тебе самострел, Сенька?

— Как для чего? Стрелять!

"Железная логика. Ну, ладно".

— Хорошо, подожди здесь.

Мишка сходил к столу, забрал лежащий на нем самострел, подсумок с болтами и вернулся к Сеньке. Краем глаза покосился на ребяташек — те замерли в ожидании.

— На, держи.

Сенька цапнул самострел и чуть не выронил его — оружие, видимо, оказалось тяжелее, чем он ожидал. Мишка достал из подсумка болт, протянул братишке.

— Как стрелять знаешь?

— Знаю, Минь, вот тут нажимать надо.

— Сначала заряди.

— Ага.

Сенька упер самострел в землю, наступил ногой на рычаг, поднатужился и... ничего не произошло. Мишка с трудом удержался от произнесения банальности: "Мало каши ел". Вместо него эту великую мудрость озвучил Спиридон. Мишка вмешательство приказчика проигнорировал и сочувствующе спросил Семена:

— Не выходит? А посильнее не можешь?

Сенька попробовал еще раз, результат оказался прежним. На глазах у братишки навернулись слезы, он, уже понимая, что ничего не получится, вцепился в самострел так, что побелели кончики пальцев, не желая расставаться с возжеленным оружием. Его несчастье тут же начало усугубляться раздавшимися со стороны ребятни смешками. Мишка внимательно осмотрел ребятню, убедился, что среди них нет никого, кто мог бы своим весом хотя бы наполовину проверить рычаг самострела и приглашающее махнул рукой.

— Попробуйте, может быть у кого-то из вас получится? — Нагнулся к Сеньке и прошептал: — не бойся, ни у кого из них тоже не выйдет.

Вокруг самострела началась толкотня, каждый желал попытать счастья раньше других, но

успеха не добился никто. Сенькино лицо по ходу дела все больше светлело, слезы высохли, но взгляд его, все равно, не отрывался от самострела. Мишка дождался, когда попытки поставить оружие на боевой взвод пошли уже по второму кругу и резко приказал:

— Всё! Хватит! — Потом поймал за ухо примеченного наиболее активного насмешника и спросил: — Ну, и над чем же ты смеялся?

Пацан взвыл, попытался вырваться, но Мишка держал крепко. Остальные мальчишки на всякий случай отскочили подальше, рядом остался только Сенька. Мишка, не отпуская уха повернул страдальца к себе лицом и заглянул в глаза.

— Чего пицишь, как девчонка?

— Больно-о-о!

— Будущий воин должен уметь терпеть боль. Или ты холоп?

Спросил и вдруг понял: да, холоп. Что-то такое изменилось в лице пацана. На всякий случай переспросил:

— Семен, он холоп?

Сенька растерянно кивнул. По малолетству он еще не научился делать различия между ровесниками в зависимости от социального положения, но учить этому в обществе, которое еще очень и очень долго будет феодальным следовало с детства. Понимая, что буквально наотмашь бьет по детской психике, мысленно проклиная себя за это, Мишка еще сильнее сжал ухо пацана и повысил голос.

— А если холоп, то как ты смел насмеяться над внуком воеводы Корнея Агеича?!

— Я не насме...

Мишка не дал договорить.

— А если холоп, то что ты здесь делаешь? Работы нет?

Несколько мальчишек торопливо выскользнули из кучки сверстников и подались к ближайшему проходу между постройками. Мишка еще повысил голос — почти до крика.

— Стоять! Стража задержать их!

Ученики Воинской школы, уже дано забывшие о деле и, разинув рты, наблюдавшие за происходящим, перегородили узкий проход и похватав ребятню, подтащили беглецов к Мишке. Пять пар глаз со страхом уставились на старшину Младшей стражи. Мишка отпустил ухо своего пленника и пихнул его к остальным.

— Слушайте меня и не говорите потом, что не знали. Холопу к оружию притрагиваться запрещено! Еще раз увижу около воинского железа, прикажу выпороть так, что задница вспухнет! И остальным скажите...

Мишка запнулся, потому что буквально напоролся на обжигающий взгляд Роськи. Роська стоял неподвижно, ничего не говорил, а только смотрел, и это было хуже всего. Захотелось развернуться и сбежать. Или попросить у Роськи прощения. Или... все равно что, но лишь бы не видеть этого взгляда.

Мишка мотнул головой, словно избавляясь от наваждения и гаркнул:

— Пошли вон! — пацанов словно ветром сдуло. — Десятник Дмитрий! Продолжать занятия! — «Курсанты», не дожидаясь команды преувеличенно заинтересованно окружили Кузьку. Митька, больше для порядка выкрикнул: "Слушаюсь, господин старшина", но никакой команды отдавать не стал, ее и не требовалось. Краем глаза Мишка уловил заинтересованную рожу Спиридона — тому-то, конечно, все эти экзерсисы были в диковинку, но очередь приказчика еще не наступила. Надо было заканчивать урок для Семена. Мишка обернулся к младшему брату и спросил:

— Всё? Больше здесь холопов нет?

— Нету...

— Ну, зови остальных поближе, поговорим.

Пацаны приблизились с заметной опаской, и Мишка заговорил с Семеном, но так, чтобы слышно было и остальным.

— Ты не огорчайся, что с самострелом не вышло, я тоже не с него начинал, а вот с этого.

Вытащив из ножен кинжал, Мишка немного побросал его в воздух, перехватывая рукоятку то так, то эдак. Потом метнул кинжал в заборный столб.

— Вот. Пока этому не обучился, самострела у меня вообще не было. Сначала учился стоя на земле, потом — сидя верхом. Пока выучился, накопил вес и силу, тогда уже смог самострел взводить. Теперь вот, других учу. — Мишка кивнул на «курсантов». — Могу поучить и тебя, если хочешь, конечно.

— Хочу, хочу! Научи, Минь.

— Хорошо. Сделаю тебе деревянный кинжал и начнешь...

— Деревянный! — разочарованно протянул Сенька. — Я думал, что ты меня по-настоящему учить будешь...

— Не перебивай! Учись выслушивать старшего молча и до конца. Я тоже с деревянного начинал, иначе бы без пальцев остался. Но настоящий кинжал у тебя будет. Когда Кузьма освободится, скажешь ему, что я просил его сходить вместе с тобой в оружейную кладовую и подобрать тебе оружие по руке. Завтра покажешь его мне, и я сделаю тебе точно такой же деревянный. Начнешь самого простого... Ну-ка, принеси мой кинжал.

Сенька пулей слетал к забору, долго раскачивал крепко засевший клинок, наконец вытащил его и вернул старшему брату. Мишка несколько раз подкинул оружие, заставляя сделать его только один оборот — так же, как когда-то показал ему первое упражнение Немой.

— Когда научишься, меня в Ратном может не оказаться, тогда покажешь свое умение Кузьме, а он скажет, что делать дальше. Когда буду уверен, что не порежешься, разрешу упражняться с боевым оружием, а до тех пор, от соблазна, твой кинжал будет храниться у Кузьмы.

— Дядька Михал! — Раздался голос одного из мальчишек. — А нам поучиться можно?

"Ну, слава Богу, я уж думал, что никто так и не осмелится. Надо же: "дядька Михал" — это

в четырнадцать-то лет. Интересно, а почему Михал, а не Михаил? И Дударик меня тоже так назвал".

— Учиться будете у Семена. Чему он научится, тому и вас научит. Назначаю его вам десятником. Ну, чего молчишь, десятник Семен?

— А что гово... Ой! Слушаюсь, господин старшина!

— Вот так-то.

— Дядька Михал! — раздался тот же голос, но Мишка не дал мальцу задать вопрос.

— Господин старшина! Если твердо решили учиться воинскому делу, для вас я — господин старшина. Он — Мишка указал на Семена. — Господин десятник, ну а Корней Агеич — господин сотник.

— Господин старшина, а нам кто оружие сделает? Ну, хоть деревянное!

— Оружейный мастер Младшей стражи Кузьма Лаврович. Не за так, конечно. Придется поработать. В кузне прибраться, в оружейной кладовой порядок навести, еще чего-нибудь, что Кузьма Лаврович прикажет. Да не ходите к нему всей толпой — у вас теперь десятник есть, вот пусть он и договаривается. Все поняли? Ну, тогда идите отсюда, Кузьме пока не до вас.

Ребята неохотно потянулись с кузнечного двора, а Сенька снова потянул Мишку за рукав.

— Минь, а Минь! А как же деревянный-то кинжал втыкать? Он же в забор не воткнется.

— А вот тут ты уж сам исхитрись. Сделай мишень из мокрой глины или из воска. А можно еще и вот так!

Мишка метнул оружие и клинок вошел точно в щель заборного столба. Сенька понятливо кивнул и снова принес брату кинжал.

— А еще как можно?

— А еще — вот так!

Клинок мелькнул в воздухе и вонзился в забор возле самого уха Спиридона. Тот суматошно дернулся в сторону, запнулся, чуть не упал и зло уставился на Мишку.

— Эй парень! Ты что очумел? По шее давно не получал?

Мишка, нарочито не обращая внимания на приказчика, спокойно высвободил клинок и убрал его в ножны.

Спиридон схватил Мишку за рукав рубахи.

— Эй, я тебе говорю!

Вжик! Кинжал выскочил из ножен и уперся острием приказчику в кадык. Ростом Мишка был едва по плечо Спиридону, наверно поэтому, а может, по какой-то другой причине материн ухажер не воспринял угрозы всерьез.

— Э-э, не балуй!

Спиридон попытался перехватить мишкину руку, но второй кинжал полоснул его по костяшкам пальцев. Вот тут до приказчика, кажется, дошло. Рот его искривился, на лице явственно проявился испуг.

— А-а...

Крик застрял у Спиридона в горле — Мишка слегка надавил, и лезвие надрезало кожу у молодого мужика на горле, тот мгновенно побледнел до синевы, выпучил глаза и, казалось, был готов брякнуться в обморок.

"Не обгадился бы с перепугу, мразь".

Мишка убрал железо от горла приказчика, тот облегченно вздохнул и тут же, охнув, повалился на колени, получив удар рукояткой кинжала в солнечное сплетение. За спиной, где только что гомонили курсанты, снова наступила тишина, где-то на краю поля зрения застыл столбиком Сенька. Спиридон, держась руками за живот, безуспешно пытался вздохнуть, лоя широко раскрытым ртом.

Обернувшись к Сеньке, Мишка преувеличенно веселым тоном спросил:

— Видишь, братишка, чем обученный воин от обычных людей отличается?

— Ага... Минь, а ты что, его до смерти?..

Спиридон действительно завалился на бок и затих.

— Да нет, Сень, это он притворяется, чтобы больше не били — за дураков нас держит. А ну, встать!

Мишка пнул приказчика в область почек, тот коротко взвизгнул.

— Ну вот, видишь, Сенька? Живой. Встать, я сказал! — приказчик не пошевелился, тогда Мишка добавил еще пинок — Встать, паскуда! Уши обрежу! — и коснулся лезвием кинжала спиридонова уха. Это сработало. "Обычный человек" завозился на земле, потом, хватаясь за забор медленно поднялся. Видок у него был... Морда и рубаха перемазаны в пыли, саже и угольной крошке (чисто возле кузницы никогда не бывает), из носа течет кровь (и когда успел нос расквасить?), из глаз — слезы. Стоит нетвердо, все еще держась за живот, на своего обидчика смотрит с натуральным ужасом.

"Клиент доведен до кондиции, сэр Майкл, можно работать".

— Кто таков?

— С-с... — Приказчик шумно сглотнул и хлюпнул носом. — Спиридон...

— Я не спрашивал: "Как звать?" — Мишка заложил руки за пояс и откинул голову назад, чтобы смотреть на своего «собеседника», как бы, сверху вниз. — Я спросил: "Кто таков?"

— Пр... Приказчик, я. Никифора Палыча приказчик.

— Закуп?

— Нет... Вольный.

— Из каких будешь? Из смердов?

— Купцы мы... Из Нижнего...

— Тогда почему в приказчиках? Почему сам не торгуешь? — Мишка на всю катушку использовал информацию, полученную от Петра, загоняя Спиридона в угол.

— Разорились — уныло поведал Спиридон и снова хлюпнул разбитым носом.

— От долгов сбежал? Значит беглый?

— Нет!!! — Ох и не хотелось мужику числиться в беглых. — Никифор Палыч заплатил.

— Все равно! — Мишка был неумолим. — Долг отработываешь, значит, закуп.

— Кабальной записи на меня нет. — Спиридон утерся рукавом, размазав кровь по щеке, и подхалимски добавил: — Господин старшина.

— Дурак! Старшина я только для воинов, а для тебя, закуп Спирька, я — Михайла Фролыч!

— Я не закуп...

— Молчать! Отвечать только на вопросы! Зачем здесь?

— А?

— И впрямь дурак! Я спрашиваю: для чего сюда приехал?

— Так это... — Спирька снова утерся рукавом, от чего стал похож на клоуна с потекшим гримом. — Никифор Палыч послал. Это... К его приезду приготовить тут все.

— Приготовил?

— Да... То есть... не все еще...

"Эх, видели б тебя сейчас сестрички, красавец писанный, разумник обходительный..."

— Десятник Петр! Ко мне!

Петька подлетел, звеня кольчугой и с нескрываемым злорадством уставился на жалкую фигуру Спиридона.

— Слушай, Петь, вот закуп ваш рассказывает мне тут, что почти все к приезду твоего батюшки приготовил. Может, проверим?

— Врет! — Убежденно заявил Петька. — Спирьке верить нельзя!

— Петр Никифорыч! — Обиженно захныкал Спиридон. — Я же со всем прилежанием...

— Врешь! — Петька пнул приказчика ногой. Вроде и не сильно, но тот сразу же упал и скорчился на земле возле забора.

— Встать! — Снова рявкнул Мишка. — Десятник Петр, команды бить не было!

— Виноват, господин старшина! Спирька, вставай, хватит валяться.

Можно было бы поиграть в "доброе и злое полицейского", благо Петька готов был исполнять роль «злого» на полном серьезе и с удовольствием, но Спирька, похоже, и без того уже сломался, поэтому Мишка, погрозив Петру кулаком, проговорил миролюбивым тоном:

— Вставай, вставай, всё уже.

Повторное валяние на земле превратило Спиридона уже в совершенное чучело, хоть на огород выставляй. Прилизанная прическа превратилась в воронье гнездо, морда разукрасилась черно-красными разводами, пижонская рубаха уверенно претендовала на роль половой тряпки. Петька глядел на сию живопись с откровенным удовольствием, видимо, Спиридон ему, в свое время, чем-то сильно насолил.

— Так, Спирька. — Мишка покачался с пятки на носок. — Начнем с самого начала. Раньше Никифор Палыч пригонял к нам по осени только одну ладью. Теперь придут четыре. Место для их причаливания ты присмотрел?

— Так это... У берега...

— У берега место только для одной, дальше огороды идут. Значит, место под разгрузку не готово. Пошли дальше. Часть груза нужно будет переправлять на другой берег Пивени. Ты мостки проверил, они груженные телеги выдержат?

Спиридон о мостках явно слышал впервые, но с ответом нашелся:

— Так можно сразу ладьи к тому берегу причалить. Чтобы не переправлять, значит...

— Понятно. Не проверил. А тягло для перевозки есть, или на себе возить будешь? Пол дня пути — не близкий свет!

На это вопрос ответа не последовало. Мишка, настаивать не стал — все и так понятно — продолжил допрос:

— Здесь — в Ратном — должны быть лавка и склад. Они готовы?

— Готовы... Михайла Фролыч... Почти.

Мишка переглянулся с Петром, тот всем своим видом выражал сомнение. Мишке это «почти» тоже сказало о многом.

— А что, Петь, не сходить ли нам своими глазами посмотреть? Спирька, чем, кстати, твои работники занимаются?

— Они... Там, в лавке...

— Я не спрашивал: "где?", я спросил: "чем занимаются?".

— Работают...

Работала спиридонова бригада, как выяснилось на месте, весьма своеобразно — дрыхли в тенечке на подстеленном тряпье. Разбуженные Петькиными пинками, двое вскочили очумело

оглаживаясь, а третий, не открывая глаз, рванул куда-то на четвереньках, но убежал недалеко, треснувшись головой о забор.

Дальше пошла настоящая игра в "доброе и злое". Мишка объяснял Спиридону и работникам: как должна быть обустроена лавка, что такое «прилавок», какие нужно соорудить на складе стеллажи, как устроить крытый переход из лавки в склад и прочее, и прочее, и прочее.

Петька же, войдя во вкус и вспомнив, что он, как-никак, старший сын хозяина, стимулировал активность и сообразительность личного состава физическими мерами воздействия. В результате Спиридон еще раз повалился на земле, физиономии работников украсились синяками, а один, тот самый, что умел шустро бегал на четвереньках, даже лишился переднего зуба.

В конце концов, список мероприятий был усвоен исполнителями и утвержден руководством. Работа, не то чтобы закипела, об этом можно было только мечтать, но какая-то целенаправленная возня на объекте все же началась. Оставив на месте, в качестве гаранта непрерывности трудового процесса, Петьку, Мишка направился домой — время шло к обеду.

Разомлевший после обеда старшина Младшей стражи сонно покачивался в седле, а Рыжуха, тонко чувствующая настроение всадника лишь изображала бодрый шаг, на самом деле передвигаясь в том темпе, который ей самой казался наиболее комфортным. Выполняя вчерашнее дедово указание Мишка ехал присматривать место для строительства фальшивой усадьбы для тренировки будущего «спецназа», а заодно решил присмотреть, если повезет, и место для новых огородов — Анька-то и не подумает позаботиться.

Маршрут он выбрал вдоль берега Пивени в лесу позади домика лекарки Настены — все поближе к Ратному, чем в каком-то другом месте. Мысли текли лениво, подстать аллюру Рыжухи. Почему-то Мишку потянуло на статистические сравнения.

"Сколько там мне сестры перечислили несчастных случаев? Что-то около десятка? Впрочем, рождение тройни несчастным случаем считать вроде бы нельзя, так же, как и цыпленка, задавленного Буреём, хотя сам Бурей подвернул ногу. Зато неизвестно сколько баб отлупила у колодца Алена.

Для ровного счета, пускай будет десять. За три недели, то есть, в среднем, через день. В Ратном сейчас живет около тысячи народу. Столько же, сколько в трехсотквартирном доме, где-нибудь в спальном районе Питера. Ну или в двух-трех домах поменьше. Как часто около такого дома появляется "скорая помощь" или «неотложка»? Да примерно так же — через день.

Выходит, периодичность та же, но масштаб-то как разнится! Один дом и большое село, почти город. А домов-то таких в Питере сотни, и стоят они рядом друг с другом. Здесь же, если за день от деревни до деревни доберешься, считай повезло, а то и несколько суток можно через леса переть и жилья не встретить. Да в одном Кировском или Московском районе Питера наверняка народу живет больше, чем во всем Турово-Пинском княжестве.

Получается, что если у князя в дружине тысяча человек, то это — каждый сотый житель, а за счет остальных девяноста девяти его кормят, поят, одевают и вооружают. И сколько же тогда народу нужно, чтобы содержать мою сотню Младшей стражи? Десять тысяч? Нет, не может быть, что-то я неверно считаю.

Да и как тут считать? Ратнинская сотня кормит себя сама, хотя холопы есть не у всех

ратников. Пашут, сеют, держат огороды и скотину. По первой пороше устраивают всем селом облавную охоту и запасаются мясом и шкурами. Ближе к концу зимы ездят на озеро Рыбное. Там к этому времени кислороду подо льдом остается совсем мало и рыба сама лезет к прорубям. Запасаются на весь год — закладывают в ледники, солят, коптят.

Но корм — не самая главная статья расходов. Строевой конь, доспех и оружие стоят бешеных денег. У иного ратника вся усадьба стоит дешевле. Доспех у моих ребят есть. С конями — сложнее. На облавную охоту они пойдут вместе со всеми и мясом себя обеспечат. На покос и жатву их тоже придется выводить. Нет, насчет десяти тысяч я, конечно же погорячился, Нинее о количестве холопских семей, нужных для содержания одного воина, насвистел экспромтом. Ниня не возразила, но, наверно, сама не знает. Надо будет с дедом этот вопрос перетереть.

Во всяком случае, при нынешней плотности населения, сотня военных профессионалов — сила серьезная, даже в масштабе княжества, а уж в Погорынском-то воеводстве ей и вообще равных нет. Годика через два, когда мои оглоеды выучатся и подрастут... А лет через пять-семь, когда станут совсем взрослыми, да приобретут боевой опыт... О-го-го!"

Между тем Рыжуха вышла к тому месту, где русло Пивени выписывало очередную загогулину, и глазам Мишки открылась луговина, по всем признакам, заливаемая по весне талыми водами. Место для огородов — лучше не придумаешь. Далековато, правда, версты полторы от Ратного. Но если свести под пашню окружающий луговину лес, то запросто можно ставить на этом месте деревеньку — на возвышенности, куда весенний разлив не достает. А пока можно будет поставить временки для холопов-огородников.

Мишка развернул Рыжуху и отправился напрямик через лес. Где-то там, недалеко от бурелома, через который собиралась бежать, в случае чего, Настена, Мишка видел место подходящее для строительства фальшивой усадьбы. Очень удобно. Ребят можно будет водить на тренировки в обход Ратного, переправляясь на другой берег Пивени через брод, показанный Юлькой.

Место для тренировочного объекта нашлось быстро, Мишка бегло осмотрел его, промерял расстояния шагами, прикинул, какие деревья можно использовать, как опорные столбы, какие вырубить. Выходило, что имитацию лисовиновской усадьбы можно сделать достаточно точную. День уже клонился к вечеру, но Мишка решил, что еще успеет заехать к лекарке Настене — собирался же посоветоваться — да и Юльку повидать хотелось.

"Надо же, как запали, Вы сэр, на мисс Джулию! Вроде бы, ни кожи, ни рожки, характер — натуральная крапива, а поди ж ты!"

Мишка вдруг обнаружил, что тихонько мурлыкает себе под нос мотивчик одного из шлягеров своей молодости XX века:

Я гляжу ей вслед,
Ничего в ней нет.
А я все гляжу,
Глаз не отвожу...

Все, что произошло в следующий момент, он осознал уже потом — задним умом, тело действовало само, "на автомате" — спасибо ежедневным тренировкам.

Прямо в двух-трех шагах перед мордой Рыжухи вздыбилось какое-то пятнисто-зеленое чудище,

взмахнуло передней лапой, и кобыла шарахнулась в сторону, словно ее чем-то ударили по голове. Потом даже не заржала, а завизжала то ли от боли, то ли от страха, и поднялась на дыбы. Мишка, едва не вылетев из седла, левой рукой вцепился в повод, а правой метнул в непонятное существо кинжал.

Результата броска он уже не увидел, потому, что Рыжуха, скотина обычно флегматичная, в мгновение ока превратилась в необъезженного мустанга, участвующего в родео. Мотая башкой и вскидывая задом она принялась метаться из стороны в сторону, проламываясь сквозь кусты и натываясь на деревья.

Наездником, к четырнадцати годам, Мишка стал очень неплохим, но объезжать диких лошадей ему не разу в жизни не приходилось, к тому же, родео проводится на ровной огороженной площадке, а не в лесу.

Ковбою, кажется, положено удерживаться на спине беснующегося скакуна восемь секунд, Мишка продержался, почти столько же, хотя ему самому это время показалось очень долгим. Может быть, он усидел бы на Рыжухе и дольше, но она буквально соскребла со своей спины седока вместе с седлом, проехавшись боком по стволу толстеного вяза. Как этот удар не разmozжил ему ногу, Мишка и сам не понял, скорее всего его спасла передняя лука седла и вовремя лопнувшая подпруга.

Грянувшись о землю, он, все так же "на автомате" перекатился за ствол рокового дерева и вжался в выемку между корнями. Только полежав несколько секунд, Мишка попытался осознать происходящее. Руки сжимали самострел (когда успел подобрать?), тело вжималось в землю, хотя так и тянуло выглянуть из-за ствола дерева и посмотреть...

"Блин, от кого я прячусь-то? Э! Да в меня же стреляли!"

Отчаянно стараясь удержаться в седле и как-то уgomонить Рыжуху, Мишка, оказывается, краем сознания отметил две просвистевшие рядом стрелы. Только сумасшедшие скачки лошади спасли его от смерти или тяжелого ранения.

Осторожно, стараясь не показаться неведомому противнику, Мишка сел, прижавшись спиной к стволу вяза, упер самострел в выступающий корень и нажал ногой на рычаг. Зарядил оружие и прислушался. Где-то недалеко раздались негромкие голоса, слов было не разобрать. По интонации было понятно, что разговаривают двое: один что-то коротко спросил, второй начал отвечать, но первый его прервал, кажется, приказал заткнуться.

"Так, минимум двое. И никакое это было не чудище, а человек в маскхалате. Опять "люди в белом"? Теперь, правда, уже в зеленом. Точно: они! Так же, как тогда, на дороге в Кунье городище, что-то швырнули в глаза лошади. Какую-то едкую смесь. Дураки, надо было сразу стрелять, потом бедная Рыжуха так металась — хрен попадешь."

А может, хотели живым взять? Специально на меня охотились или им все равно, кого брать? А может быть всё проще? Сидел мужик под кустиком, думал, что его не видно, и вдруг я прямо на него наехал. Я-то его и правда не видел, но он-то об этом не знал. Подхватился с перепугу, "применил спецсредство"... Попал я в него или промазал? Хватит гадать, помощи не будет, надо как-то самому выкручиваться".

Мишка срезал кинжалом пласт мха, нахлобучил его на голову и осторожно выглянул из-за ствола дерева. Ничего не увидел, переместился на другую сторону и снова выглянул. Сначала тоже ничего не рассмотрел, но потом скорее не увидел, а почувствовал, какое-то шевеление за кустами.

Пока подтягивал самострел, шевеление прекратилось, но затем снова раздались приглушенные голоса, сдавленный стон и злой приказ заткнуться. На звук этого злого голоса Мишка и выстрелил. Уже не сдержанный, а в полный голос, крик боли подтвердил попадание, и тут же две стрелы прошли сквозь лапы небольшой елочки, шагах в трех справа от мишкиного убежища. Потом еще две: одна чуть дальше, а вторая рядом со стволом вяза, прямо у Мишки над головой.

"Бьют веером, значит, не заметили. Откуда стреляли? Непонятно. Но стреляли двое. Группа из пяти человек, как прошлый раз? Тогда должен быть и еще один. А он-то себя ничем не выдал, значит самый опасный".

Мишка перезарядил самострел и тут же выругал себя за произведенный шум. Снова осторожно выглянул, долго прислушивался и выискивал глазами хоть что-нибудь подозрительное, но ничего не заметил. Переместился на другую сторону, выглянул и глаза в глаза встретился с человеком в маскхалате, в пяти-шести шагах от себя.

На мгновение оба замерли. Щелкнул самострел, но мужик ловко ушел в сторону и, пробежав пару шагов распластался в прыжке, выставив вперед руку с ножом. Мишка отшатнулся, опрокидываясь на спину, кинжал словно сам прыгнул в руку и ушел в полет, навстречу нападающему. Почти тут же на мишку обрушилось тяжеленное тело, в лицо плеснула кровь, а нож мужика вошел в землю совсем рядом, с мишкиным телом. Мужик, заливая себя и противника кровью из рассеченной шеи, замахнулся еще раз, но удара не получилось — рука упала просто под собственной тяжестью. Придавившее Мишку тело обмякло, мужик захрипел и затих.

Уходить следовало немедленно — двое лучников наверняка уже заметили мишкино укрытие, и получить стрелу можно было в любой момент. Мишка, извиваясь, как червяк, выбрался из-под трупа, метнулся к соседнему дереву, не добежав упал, перекатился, снова прыгнул, и опять перекатился. Дважды рядом свистели стрелы, но лучников, конечно же, никто никогда не учил стрелять по солдату, которого под "условным пулеметным огнем" два года беспощадного гонял старшина Советской армии.

Где по пластунски, где перебежками и перекатами, Мишка добрался до спасительного бурелома и юркнул в лабиринт наваленных друг на друга стволов. Отыскал тропинку и что есть мочи рванул к домику лекарки. С одним засапожником, против двух лучников, не повоюешь, надо было вызывать подмогу.

Юлька, копавшаяся на огороде, ахнула, увидев Мишку в окровавленной рубахе, хотела что-то спросить, но Мишка проскочил мимо, крикнув на ходу:

— Кровь не моя!

Выбежав из-под окружавших дом лекарки деревьев, он сунул пальцы в рот и громко, насколько мог, высвистал сигнал: "Тревога, все ко мне!", несколько раз глубоко вздохнул и повторил сигнал, потом еще раз. Хоть кто-то из ребят должен был услышать и понять.

— Минька! Что случилось?

Юлька подскочила сзади — подол рубахи подоткнут, руки в земле, наверно пропальывала грядки.

— Юль, спрячься в доме, за мной погоня может быть.

— Да что случилось-то?

— Прячься, я сказал! — рывкнул Мишка и снова засвистел. — Да что они там, оглохли, что ли?!

Юлька и не подумала прятаться, вместо этого она, ухватив Мишку за подбородок, повернула его лицо к себе.

— Как это кровь не твоя? Вон вся морда разодрана!

— Пустяки, прячься, я говорю, погоня может быть!

— Да какая погоня? Ты же из бурелома вылез, кто там пройти может?

"Тоже верно. Нервы, сэр, нервы. А болит-то все как, все бока отбил, только сейчас и почувствовал. Точно — нервы".

Мишка осознал, что его ощутимо трясет, а все тело исхлестано ветвями и избито, но переломов и вывихов, вроде бы, нет, иначе не добежал бы.

— Минька, дурень, да что случилось-то? — У Юльки уже лопалось терпение. — Кровищей перемазан, трясешься весь, штаны порвал, рубаха... Ой, рубаха-то прорезана! Да не молчи ты, Минька!!!

— Успокойся, убивали меня...

— Благодарствую, успокоил... придурок...

Юлька еще что-то говорила, но мишка уже не слушал. Над черным на фоне заката тыном появилось, наконец-то светлое пятно лица. Кто это был, Мишка разобрать не мог, но призывно замахал рукой и, на всякий случай еще раз повторил сигнал свистом. Лицо исчезло, и почти сразу из лаза в тыне начали выскакивать ребята из Младшей стражи. Сотню с небольшим метров они могли преодолеть за считанные секунды, поэтому Мишка не стал их ждать, а призывно махнув рукой побежал вдоль опушки леса. Лезть в лабиринт бурелома смысла не было, быстрее получалось оббежать его краем леса.

Нервное напряжение продолжало отпускать, и на Мишку все больше наваливались усталость и боль в избитом теле. Бежать становилось все труднее, и довольно скоро его нагнали ребята. Тут же на бегу попытались расспросить, но Мишка, боясь окончательно сбить дыхание, только мотал головой и взмахом руки указывал направление. Наконец Дмитрий приказал всем заткнуться и начал задавать вопросы на которые можно было отвечать только «да» или «нет».

— Это не учеба?

— Не...

— На тебя напали?

— Угу.

— Много?

Мишка растопырил пятерню.

— Далеко еще?

Мишка указал пальцем на приметное дерево, стоящее на опушке, потом изогнул кисть, объясняя, что там надо будет свернуть в лес.

Дмитрий прибавил ходу, легко обогнав своего командира, за ним потянулись остальные, тревожно оглядываясь на окровавленную рубаху старшины. Добежав до приметного дерева, Митька скомандовал:

— Стой! Заряжай! — «Курсанты» защелкали самострелами. — Всем подышать глубоко и успокоиться!

"Прирожденный воин! Повезло мне с Митькой, но сейчас вся надежда на Якова. У него отец охотником был, брал пацана в лес сызмальства, наверняка учил читать следы. Не забыть деду сказать, что нам нужен и такой преподаватель".

Мишка, наконец, добрался до дерева, отыскал глазами Якова.

— Яш, ты след отыскать сможешь?

— Темнеет уже. — Яков кивнул на солнце, уже почти касающееся нижним краем горизонта. — Но, попробую. Где искать-то?

— Пошли, покажу. Остальным идти сзади, чтоб следы не затаптывать.

Очень хотелось плюнуть на все и улечься на травку, но Мишка пересилил себя и повел отряд вглубь леса. Приметное место, почему-то долго не находилось, и Мишка уже решил было, что промахнулся, но потом сообразил, что из-за усталости пройденное расстояние кажется большим, чем на самом деле. Наконец, дошли. Никакого особого следопытского мастерства и не требовалось — земля была буквально перепахана копытами Рыжухи. Мишка уселся на землю и распорядился:

— Яша, берешь командование на себя. Посмотри сначала у тех вон кустов, потом у вон того вяза...

— Это яшень, господин старш...

— Да хоть бы и береза! Посмотришь у того дерева. Потом скажешь, куда нам дальше двигаться. Остальным не мешать Якову, делать то, что он скажет!

Мишка откинулся на спину и закрыл глаза.

"Приперся, дурак... А если бы здесь засада была? Стрелять умеют только Демка с Роськой, а остальные самострел держат, как мартышка скрипку. Нет, всё я сделал правильно. Эти — в маскхалатах, знают, что здесь воинское поселение, значит, если я смылся, то сюда могли прийти очень серьезные дяди с очень острым железом. А их осталось трое, в лучшем случае, четверо, но один или двое раненые. Нет, никаких засад! Будут уходить, но если придется тащить раненых, то уходить медленно. До темноты надо определить хотя бы направление их отхода..."

Мишка вздрогнул от прикосновения к лицу чего-то влажного, открыл глаза и увидел стоящую возле него на коленях Юльку, обтирающую ему лицо смоченной чем-то тряпицей.

— Ты-то чего сюда?..

— Молчи! Куда тебя такого отпускать? Голодный, побитый, напуганный...

— Это я-то напуганный?!

— Нет, я! На-ка, попей — Юлька сунула Мишке в руку баклажку с каким-то травяным настоем. — Пей, пей, поможет.

Уговаривать Мишку не пришлось, сильнейшую жажду он ощутил еще на опушке леса, когда закончился бег.

— А теперь поешь. — Из развернутой тряпицы появилась вареная репка и кусок жареной рыбы. — Что под руку попало, то и схватила, больно шустро бегаешь, еле успела заметить, в каком месте в лес свернули.

"Господи, ну до чего ж золотая девка: обо всем подумала, все успела..."

— Спасибо, Юленька... Умница ты моя...

Юлька на секунду смутилась от столь непривычного обращения, но тут же ошетижилась.

— Вот еще — твоя! Размечтался! — Помолчала и ворчливо добавила: — Ешь, давай. Повезло тебе: рубаху разрезали, а до тела не достали...

Наступило неловкое молчание. Мишке хотелось сказать ей еще что-нибудь ласковое, а Юлька, наверняка, была бы рада это услышать. Но Мишка молчал, как будто ему действительно было четырнадцать лет, и не было в его долгой прошлой жизни девушек и женщин...

Паузу прервал подошедший Митька. И так, словно был не мальчишкой, а бывалым воином, обратился сначала не к старшине, а к лекарке, появлению которой, вроде бы, совсем и не удивился:

— Ну, как он?

— Побитый, но ничего страшного, домой его надо, чтоб отдохнул.

— Идти сможет?

— Если недалеко.

"Блин! Разговаривают, как будто меня тут и нет! Безобразие... Ага, сэр Майкл! Добавьте еще: "Распустились тут без меня!" Можно так же и: "Вы меня не знаете, вы меня еще узнаете!", "Здесь вам не тут!" и другие бессмертные афоризмы начальствующих идиотов"

— Десятник Дмитрий!.. Гм... Докладывай: что нашли?

— Там — Митька указал на кусты. — Один убитый, в спине твой болт. Рядом лежал раненый. Тяжело — крови натекло много. По следам видно, что его перевязали и утащили. Там же еще и вот. — Митька протянул вымазанный в крови кинжал. — Твой? Под трупом был.

— Мой. — Мишка забрал кинжал, машинально попытался обтереть его о траву, но кровь уже запеклась. — Дальше что?

— Там — Митька ткнул пальцем в сторону то ли вяза, то ли ясеня. — Еще один убитый — жилы

на шее перехвачены...

— Там еще самострел и второй кинжал должен быть. — Перебил Мишка.

— Нету. — Отрицательно помотал головой Дмитрий. — Наверно забрали. Зато рядом седло с оборванной подпругой, а на коре кровь и лошадиная шерсть. Рыжуха что, об дерево ударилась?

— Угу, я тогда и слетел. Еще что нашли?

— Лошадиный след уходит вон туда, — Митька снова махнул рукой, указывая направление — а людской — к реке. Куда пойдём?

— По людскому следу. Помоги-ка подняться.

Тело протестовало против любого движения, как демократ против милицейского произвола, Мишка с трудом сдержал стон, но все-таки поднялся и сделал несколько шагов. Дмитрий, не дожидаясь команды, приказал отряду растянуться цепью, и все двинулись вслед Якову. Через пару десятков шагов начали находиться стрелы, выпущенные "людьми в зеленом".

"Не стали собирать, значит, торопились. Вдвоем тащат тяжелораненого, быстро идти не смогут, а в темноте останутся. По ночному лесу с такой ношей не пойдешь. Есть шанс догнать... но не сейчас, а с утра. Дед, наверняка, разрешит, даже поможет — его эти "носители маскхалатов" еще в марте сильно заинтересовали. С утра организует погоню".

След вывел к реке. Митька покрутил головой, поглядывая то вверх, то вниз по течению, ничего не заметил и обернулся к Мишке.

— Лодка у них была, что ли?

— Нет, Мить, здесь брод. Вот от этого камня и до такого же на том берегу. Видишь?

— Вижу, но в воду нам лезть нельзя. Если они с той стороны затаились, подождут, пока мы на середину выберемся и перестреляют, как уток. Если бы днем, да ребята стрелять умели бы... А так — они там за кустами, да еще в одежках этих. Мы их даже и не разглядим.

Митька был кругом прав, приходилось соглашаться, как бы обидно не было. К тому же Мишка чувствовал, что боец из него сейчас никакой. И не только боец, но и просто ходок.

"Через лес — метров триста пятьдесят-четырееста, да до дому с полкилометра. Больше тысячи шагов... Эх, где вы трамвайчики питерские?"

— Мить, устал я, что-то. Пойду потихоньку, а ты прикажи носилки какие-нибудь соорудить или волокуши — убитых в село дотащить надо.

— Сделаем. Фома, Иоанн! Сопровождать господина Старшину!

Ребята гаркнули хором:

— Слушаюсь господин десятник!

Митька поискал глазами лекарку.

— Юлия, ты тоже со Старшиной ступай.

— Ага! Господин десятник. — Юлька оставалась Юлькой — не съязвить не могла. — А я-то с вами покойников таскать собралась! Что ж поделаешь — не судьба.

Мишка думал, что Дмитрий ответит какой-нибудь резкостью или просто проигнорирует девчоночий треп, но вдруг, к своему изумлению, впервые за все время знакомства увидел на его лице улыбку. Перехватив Мишкин взгляд, Дмитрий мгновенно улыбку с лица согнал, но зачем-то посчитал нужным пояснить:

— У меня сестренка такая же была, не язык — жало, а сама добрая...

"Блин! Сестренка! Он же первый раз своего щенка где-то оставил! Ну и правильно, не тащить же с собой по тревоге. Но отмякает душой парень! Вот уже и улыбаться стал..."

Юлька, видимо тоже что-то такое почувствовав, никак комментировать Митькины слова не стала. С ее характером, это был верх деликатности.

— Ну ладно, Мить, я пошел.

— Давай. Капралы! Филипп, твоей пятерке — тот покойник, что у дерева, Форька, тебе — тот, что в кустах...

"Форька? Это Варфоломей, что ли? Придумают же! Учился со мной в школе пацан по фамилии Варфоломеев, так его "Варварой в кальсонах" дразнили. Детское творчество, блин"

В лесу стало уже совсем темно, Мишка несколько раз спотыкался, один раз чуть не упал, но его вовремя подхватили. Устыдившись своей слабости он резко выдернул руку и обернулся, что бы сказать нечто эдакое... И обнаружил вместо Иоанна, вроде бы шедшего справа от него, Роську.

— Ты чего это здесь?

— Иоанн и там сгодится, а я уж как-нибудь тут... И лекарка Юлия сказала, что так лучше будет.

Мишка уже собрался выдать что-нибудь ругательное на тему нарушения дисциплины, но не успел — опередила Юлька.

— Над ранеными я тут начальник! И не спорь, мне лучше знать!

— Да какой я раненый...

— Завтра сам все почувствуешь! Роська, придерживай его, а то опять упадет.

— Я не Роська, а Василий!

На Юльку эта поправка никакого впечатления не произвела.

— Да хоть князь Владимир! Держи своего старшину, чтоб харю не расквасил. И так живого места нет, как будто в ступе его толкли... Еще и ерепенится, Бешеный.

Мишка готов был поклясться, что тон, которым произнесла Юлька слово «Бешеный», совершенно не вязался со смыслом самого этого слова. Почему-то, в ее устах, от этой злой клички повеяло теплом и заботой. Тут же вспомнились и дедовы слова: "Роська — это на всю

жизнь".

"Дурак Вы, сэр, позвольте Вам заметить. Яркий пример профессионального кретинизма. Команду свою создать, команду... Команда Ваша там сейчас покойников кантует, Вами убиенных, а эти — Роська с Юлькой — роднее не придумаешь, головы за Вас положить готовы. Такого ни за какие деньги не купишь, никакими управленческими технологиями не организуешь. А если организуешь, специально и с заранее обдуманнными намерениями, последним подонком окажешься. На такое только тем же ответить и можно — "любовью за любовь", как у старика Шекспира..."

Лес, казалось никогда не кончится, солнце давно уже село и под деревьями наступила почти полная темнота. Под ногами одни только кочки, пни и корни, а в воздухе — хлещущие по лицу ветки и колючие еловые лапы. Увидев красноватые отблески, Мишка сначала подумал, что у него от усталости и боли мелькают в глазах искры, и только чуть позже разобрался, что видит сквозь просветы в растительности пламя нескольких факелов. Тут же до слуха стали доноситься человеческие голоса, топот копыт и, кажется, собачье поскуливание.

Мишка рванулся к свету, конечно же, тут же споткнулся, но долететь до земли ему не дали. Фома и Роська подхватили его, закинули мишкины руки себе на плечи и уже не отпускали до самой опушки леса. Мишка, впрочем и не сопротивлялся, только перебирал ногами, чтобы совсем уж не висеть мешком у ребят на плечах.

На выходе из леса обнаружилась настоящая спасательная экспедиция: дед сопровождаемый четырьмя ратниками — верхами и в полном вооружении — и отец Якова, держащий на сворке повизгивающего от нетерпения пса.

"Дожили, сэр, Вас уже с собаками разыскивают... Ну и хрен с ними, скорей бы домой, да лечь..."

— Михайла! Слава Тебе Господи... — Дед осекся, разглядев в свете факелов заскорузлую от крови рубаху внука, обвисшего на плечах Роськи и Фомы. — Ранен?!!

Мишка попытался придать себе бодрый вид, а Юлька тут же затараторила, успокаивая сотника:

— Не ранен, не ранен! Кровь не его. Побился только, но ничего не сломано, и устал сильно...

— Господин сотник, разреши доложить! — прервал Роська Юлькин отчет. — На Старшину Младшей стражи Михаила в лесу напали пятеро. Двоих он убил, еще одного тяжело ранил. Потом вызвал первый десяток Младшей стражи, чтобы догнать оставшихся двоих. Следы привели к броду через реку, но уже стемнело и Старшина Михаил решил отложить преследование до утра. Трупы убитых сейчас принесут сюда. За старшего остался десятник Младшей стражи Дмитрий.

Дед длинно выдохнул и расслабившись сгорбился в седле. Из-за его спины выехал бывший десятник Глеб, держа на отлете факел, с которого капала смола, склонился всматриваясь в Мишку.

— Э-э, да ты совсем плох, парень, ребята, посадите-ка его ко мне за спину, надо вашего старшину домой поскорее. И ты, лекарка, садись-ка к Николе, Михайлой заняться надо... Да ты и сама понимаешь. Корней Агеич, как Михайлу отвезу, возвращаться? — Дед ничего не ответил, только махнул рукой. — Ну, ладно, тогда мы поехали.

Мишка, усевшись с помощью ребят на крупе коня, прижался к обтянутой кольчугой спине Глеба и закрыл глаза.

— Эй, Михайла, ты только не усни, а то свалишься. Слышишь?

— Угу...

Глеб тронул коня и, видимо опасаясь, что Мишка действительно уснет и свалится, продолжил разговор:

— Как же ты один с пятерыми справился?

— Повезло...

— А кто такие?

— Не знаю...

— Специально тебя поджидали?

— Не-а, случайно наехал.

— Да, если б специально ждали, ты бы от них не ушел... А ребята твои молодцы — сразу на помощь кинулись.

— Так учим же...

Убедившись, что Мишка внятно поддерживает разговор, Глеб понукнул коня и поехал быстрее. Мишка запрыгал на крупе коня, каждый толчок отдавался болью во всем теле.

— Дядя Глеб, помедленнее...

— Потерпи, парень, недалеко уже. Ну и напугал ты всех! Кобыла твоя прибежала — вся в пене, дрожит, бок в кровище. Дед твой, как раз, с Выселок вернулся, поднял всех, кого нашел... Ничего непонятно, ребята твои тоже — убежали и сгнули. Ты не спишь там?

— Не сплю.

— Вот я и говорю: ничего непонятно, куда идем, с кем встретимся? Нас-то пятеро всего набралось, остальные все в полях ночуют. Хорошо, хоть собака след взяла, а то и не знали бы, где искать.

— Угу.

Разговаривать не хотелось, Мишка отзывался только для того, чтобы показать Глебу, что не уснул.

— Мать твоя перепугалась, вон, смотри: в воротах стоит.

Мишка вытянул шею, выглядывая из-за плеча Глеба. Действительно, в воротах были видны фигуры нескольких женщин.

— Аня! — Еще издали закричал Глеб. — Все хорошо! Цел твой парень, и остальные тоже все целы!

— Мишаня! — Из группы женщин выбежала мать, схватила Мишку за полу рубахи. — Ой, о кровь-то...

— Не его это. — Успокоил Глеб. — парень твой — богатырь, один с пятерыми схватился, двух татей уложил, вот и замарался.

До самого дома мать так и шла рядом с глебовым конем, держа Мишку за полу и время от времени тихо повторяя:

— Мишаня, сынок... — А Мишка каждый раз так же тихо отзывался: — Все хорошо, мама.

На подворье Глеб помог Мишке слезть на землю, держа за шиворот, как щенка. Хотел было спешиться и сам, но отчего передумал и только спросил:

— На крыльцо-то влезешь, богатырь?

Мать подхватила Мишку по руку, под другую подлез еще кто-то, Мишка не разобрал — кто.

— Спаси тя Христос, Глебушка, — мать поудобнее перехватила мишкину руку — мы теперь сами доберемся.

— Не на чем... Аня, сейчас Никола Юльку подвезет, он сначала к ее дому завернул, наверно, за лекарством... Ну, я поехал.

Дальнейшее Мишка воспринимал уже смутно. Его раздевали, укладывали, Юлька прикладывала к больным местам что-то горячее, остро пахнущее лекарством, обматывала тряпками, а он все ловил какую-то, все ускользающую мысль, так и не поймал — уснул.

Глава 4

На следующий день мать разбудила Мишку далеко за полдень. Все тело ныло, и встать не хотелось настолько, что Мишка даже попробовал покапризничать, как маленький, но мать проявила твердость.

— Такие болячки, как у тебя, припарками только у стариков лечат, а для молодых главное лекарство — движение.

— Юлька сказала? — Догадался Мишка.

— Она. — Подтвердила мать. — И правильно сказала! Пошевелись, пошевелись, кровь разойдется, и всякие синяки-шишки быстрее пройдут. Да ты и проголодался, поди?

Стоило матери напомнить о еде, как Мишка почувствовал, прямо-таки волчий голод. Попробовал намекнуть матери, чтобы еду принесли в постель, но получил решительный «отлуп».

— Вот тебе чистая одежда, одевайся, умывайся и ступай на кухню, там тебя покормят. И хватит стонать! Дед вернется, еще добавит тебе.

— За что? — Мишка обрадовался продолжению разговора, позволяющему еще хоть немного поваляться в постели. — Все же хорошо вчера закончилось.

— А оружие кто вчера потерял? В прежние времена за потерю оружия ратника казнить могли, или изгнать, до тех пор, пока новое себе не добудет.

"Вот те на! Один против пятерых, двоих положил, третьего на руках унесли, так еще и виноват в чем-то!".

— Так я же вчера один против пятерых был!

— А сегодня из твоего самострела в деда или в братьев стрелять будут!

"Какая она, все-таки разная бывает! Вчера семеняла рядом с конем, держась за подол моей рубахи — одна. Когда сестер воспитывает, делая из них боярышень — другая. Рядом со Спиридоном — третья. А сейчас — воительница, боевая подруга ратника! Женщина! Именно так — с большой буквы".

— Дед в погоню пошел?

— Да, еще затемно. Забрал всех твоих ребят, Глеба, Данилу, да еще Бурей за ним увязался. Ну и Стерв [6], конечно с ними. Еды, себе и коням, на три дня взяли.

— Какой Стерв?

— Охотник. Отец Якова. Помнишь: вчера с собакой тебя искать ходил? В крещении Евстратий, только он сам ни выговорить, ни запомнить никак не может.

— Ладно, Стерв — понятно, а Бурей-то зачем потащился?

— А ну-ка, хватит мне зубы заговаривать! Поднимайся!

Со стонами, кряхтеньем и оханьем, как столетний дед, Мишка выдрал себя из постели и смотал наложенные Юлькой повязки. Картина открылась — как в фильме ужасов. Половина груди, правый бок и левая рука от локтя до плеча, представляли собой почти один сплошной синяк.

"Блин, как кости-то не переломал? И на спине тоже что-то... Как там в песенке:

А я молоденький парнишка
Лежу с оторванной ногой,
Зубы рядом, глаз в кармане,
Притворяюсь, что живой.

Нет, все-таки крепкими людьми наши предки были. ТАМ я бы сейчас в больнице под капельницей лежал, а ЗДЕСЬ: "Шевелись, быстрее синяки разойдутся". Максим Леонидович, помнится, обещал, что я умру совершенно здоровым человеком, однако самое начало биографии заставляет терзаться сомнениями. То на костылях шкандыбал, теперь вот разукрасился. Хотя... Уже три раза, запросто замочить могли, если не четыре. Грех жаловаться".

Девки на кухне встретили Мишку какими-то перепугано-восторженными взглядами, и все норовили чем-нибудь услужить. Сенька, притаивший отчищенный от крови кинжал, тоже пялился на старшего брата, как на сказочного богатыря, Анька с Машкой извели расспросами о вчерашнем побоище так, будто Мишка истребил целое войско.

Едва удалось отделаться от сестер, явился «кинолог» Прошка и принялся уговаривать взять

ценка. Мишка сначала не понял, к чему тот клонит, но потом главный «собаковед» Младшей стражи прямым текстом объяснил, что с собакой Мишку никакая нечистая сила уже подстеречь не сможет. Собаки, мол, ее за версту чувят и хозяина предупреждают.

Мишка понял, что вокруг него творится что-то непонятное, и взял Прошку в оборот. Тут-то все и выяснилось. Оказывается с раннего утра к церкви началось самое настоящее паломничество. Ратнинцы шли посмотреть на двух упырей, которых отец Михаил, назвав исчадиями ада, отказался отпевать и запретил хоронить на кладбище.

В прошкином описании убитые получались натуральными динозаврами: зеленые, пятнистые, лика человеческого не имеющие.

— Но лица-то у них человеческие?

— Не-а! — Уверенно констатировал «кинолог». — Ни глаз, ни носа, ни ушей, все зеленое с пятнами, только зубы торчат. Тетка Варвара говорит, что их та ведьма наслала, у которой тебя отец Михаил в том году отбил. Все успокоиться не может, хочет тебя извести.

"Охренеть! Ниня на меня "спецназ в маскхалатах" наслала. Лихо закручен сюжет! Только куда же у них рожки-то подевались? Не могли же их ребята... Б-р-р, даже думать неохота. Что-то тут не так".

— Прошка, ты сам видел, что у них лиц нет, или кто-то рассказывал?

— Сам видел! Жуть такая: ни глаз, ни носа...

— Ладно, ладно, это я уже слышал. А пойдем-ка, Прош, глянем на них.

— Ты чего, Минь, вчера не насмотрелся?

— Так некогда было разглядывать, все больше бить приходилось. Ну что, пойдем? Или боишься?

— С тобой — не боюсь!

От этого "с тобой" Мишку аж в краску бросило, такой верой и преданностью были наполнены слова «кинолога».

Трупы лежали поодаль от церкви, на тех же носилках, на которых их приволокли ратники Младшей стражи. Чуть в сторонке кучковались бабы, что-то горячо обсуждая, и мгновенно умолкнув, стояло только в поле их зрения появиться Мишке. Мишка подошел поближе и сразу же убедился, что Прошка не врал — лиц у покойников не было.

На головы обоим были накинута капюшоны маскхалатов, оставляя открытыми только рты и подбородки. У одного из убитых вся борода и усы были залиты кровью, так что из-под капюшона торчал какой-то жуткого вида кровавый колтун, а второму в растительность на лице густо набились: трава, опавшая хвоя и прочий лесной мусор. К тому же, видимо в предсмертной судороге, он жутко оскалился. Впечатление создавалось сильное, ничего не скажешь.

От древнеславянского «стерво» — внутренности животных.

— Так, Прохор, — многообещающим тоном произнес Мишка — сейчас будем из этих тварей бесов изгонять, я только за отцом Михаилом схожу.

— Что? Прямо здесь? — Поразился "кинолог".

— А где же еще? Жди.

Мишка, ощущая спиной множество направленных на него взглядов, решительным шагом направился к церкви. Отец Михаил молился. Стоя на коленях негромко бормотал и клал поклоны перед иконостасом.

— Отче. — Тихо позвал Мишка.

Монах ничем не дал понять, что услышал зов, только голос его стал чуть громче:

— О, горе мне грешному! Паче всех человек окаянен есмь, покаяния несть во мне; даждь ми, Господи, слезы, да плачутся дел моих горько...

Мишка понял, что услышан, просто никакой иной реакции священник себе не позволит, до того момента, пока не будет произнесен «аминь».

"И так, сэр, имеется альтернатива: либо разоблачить темные суеверия, доказав всем, что покойники — обычные люди, либо усилить эффект и стяжать славу борца с нечистой силой. Решение, кстати сказать, остается не за Вами, сэр, а за преподобным Майклом. Захочет изменить свое решение и признать покойников людьми — один разговор, не захочет — совсем другой".

— Здравствуй, Миша, как раны твои? — Отец Михаил, как всегда после молитвы, был светел и благостен. — Не рано ли с постели поднялся? Я думал навестить тебя сегодня.

— Здрав будь, отче. — Мишка подошел под благословение. — И рад был бы, полежать еще, да дела.

— И сказал Иисус болящему: "Возьми одр свой и ходи". Хорошо, что не даешь стенаниям плоти возобладать над собой. Преодоление плотской немощи есть подвиг не телесный, но духовный. Что за дела тебя встать заставили??

— Да те двое, что вчера мои ребята из лесу принесли...

— Исчадия ада! — Отец Михаил даже передернулся от отвращения. — Этакую мерзость в село принести! А сказали, ведь, что это ты велел. Так?

— Да люди это, отче! Просто одежда...

— Не упорствуй в слепоте своей, отрок! То, что ты их обычным оружием поверг, еще ничего не значит!

"Блин! Он же их только ночью в свете факелов видел! Картинка была — еще та. Ну что ж, значит, вариант «Б». Будем нечистую силу и дальше повергать".

— В том-то и дело, отче! Души их, конечно же, загублены, но телам еще можно человеческий облик вернуть.

— Зачем? Плоть — ничто, дух — всё! Если души погублены... Погоди, души? Так ты уверен, что это люди, а не демоны?

— А как бы я их тогда обычным оружием? Язычники, разумеется, нечистой силе продавшиеся, но люди. Я их убивал, мне ли не знать? А теперь им, то есть, их телам можно людской образ вернуть.

— Для чего? Плоть — прах есмь...

— А пастве силу Креста Животворящего лишний раз показать?

Монах задумался.

"Ну, давай же, отче, давай! Язычников в истинную веру пачками обращаешь, а тут еще и демонам человеческий облик вернешь, пусть идохлым. В самую жилу! Прославишься деяниями великими!".

— Гм... И что ж ты делать собрался?

— Не я, отче — ты! Покропи святой водой, молитву нужную сотвори, с них демонская шкура и слезет. А под ней — человеческое тело. Я уверен! Пусть язычники увидят...

— А если не слезет? — Отец Михаил все еще сомневался. — Откуда такая уверенность, Миша? Ты что-то знаешь? Что? Почему не откроешься?

— Отче, соблазн-то какой! Просто два убийства на душу принять или двух демонов повергнуть и прославиться? Избавь меня от соблазна, испытай убитых святой водой и молитвой.

Последний аргумент, кажется, подействовал. Отец Михаил окинул взглядом иконостас, словно спрашивая совета, пробормотал, осеняя себя крестом: "Господи, вразуми раба твоего" — и наконец согласился.

— Хорошо. Ступай, я сейчас.

Группа любопытствующих, толпящихся около церкви, заметно увеличилась. Прошка, ощущая себя центром внимания, что-то объяснял, как всегда бестолково и часто повторяясь, но вновь подходящие зрители повторам только радовались.

"Заметьте, сэр, и это — в разгар полевых работ! В сущности, меняют хлеб на зрелище. Нет, род людской, все-таки, исправим!".

При мишкином появлении разговоры смолкли, и все присутствующие уставились на него. Надо было как-то заполнить паузу до появления Отца Михаила, поэтому Мишка громко, так, чтобы слышно было всем, заговорил, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Сейчас отец Михаил вернет этим чудищам человеческий облик, ибо не демоны это, а люди, закосневшие в язычестве и продавшие душу дьяволу. Служба силам тьмы так их изуродовала, что и смотреть страшно, но святая молитва это уродство снимет, и вы узрите их истинный облик.

Слушали внимательно и Мишка решив, что каши маслом не испортишь, продолжил:

— Господь сотворил человека по образу и подобию своему, и если кто-то, как эти — Мишка указал на покойников — продаются Врагу рода человеческого, то утрачивают, рано или поздно, подобие божье. Однако Святой Матери нашей Православной Церкви известен способ открыть их истинное обличье...

Взгляды слушателей вдруг переместились куда-то Мишке за спину, он понял, что из церкви вышел отец Михаил и умолк. Монах был строг и сосредоточен, шествовал уверенно, но не смог заставить себя взглянуть на «демонов», даже подойдя вплотную к носилкам, на которых те лежали. Возведя очи горе отец Михаил начал громко и торжественно:

— Многомилостиве, нетленне, нескверне, безгрешнее, Господи очисти...

Толпа любопытных напряглась, кто-то начал креститься, большинство же стояло, что называется, разинув рот, ожидая дальнейших событий. Мишка тихонько отошел к носилкам и внимательно следил за отцом Михаилом — должен же он, рано или поздно опустить глаза и увидеть «демонов» при дневном свете.

— ... и яви мя нескверно, Владыко, за благодать Христа Твоего, и освяти мя нашествием Пресвятаго Твоего Духа...

Отец Михаил макнул кропило в сосуд со святой водой.

"Сейчас посмотрит! Не может же он кропить вслепую...".

— ... яко да возбнув от мглы нечистых привидений диавольских, и всякой скверны...

Голос священника прервался, рука с кропилем замерла неподвижно — он, все-таки, опустил глаза и увидел! Увидел и понял! Понял и впал в ступор.

"Блин, в такой ситуации кого хочешь, переклинит! Надо дать ему время опомниться... Как? Раньше надо было думать, кретин! Паузы, паузы не допустить! Ну, Господи, помоги!".

Мишка набрал в грудь воздуха, повернулся к толпе зрителей и возопил:

— Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас!

Одновременно с последними словами он сделал дирижерский жест в сторону собравшихся. Если не все, то большинство знали, что произнесенные Мишкой слова положено повторять трижды, и нестройно затянули:

— Святой Боже, Святой Крепкий...

Прикрываясь шумом их голосов, Мишка шепотом затараторил:

— Кропи, отче! Кропи, кропи... Да кропи же, отче!

Отец Михаил, наконец-то найдя в себе силы пошевелиться, накрест махнул кропилем, попав брызгами не столько на покойников, сколько на Мишку. Зрители как раз закончили «Троесвятное» и теперь осеняли себя крестом, кланяясь в пояс.

Момент был самый подходящий, и Мишка рванул с голов покойников капюшоны. Один

капюшон откинулся легко, другой же, присохший на запекшейся крови поддался только со второго раза и издал при этом легкий треск. В толпе какая-то баба ахнула:

— Кожу сдирает!

"Истеричка, мать — перемать! Теперь еще и таксидермистом ославят".

Отец Михаил стоял неподвижно, лицо его было несчастным, а в глазах плескалась вселенская тоска. Приходилось снова брать инициативу на себя.

— Слава Отцу и Сыну... — затянул Мишка, требовательно глядя на монаха. Тот, то ли опомнившись, то ли повинуюсь закрепленному многими десятилетиями рефлексу подхватил:

— ... и Святому духу, и ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Потом осенил себя крестным знамением, развернулся и побрел к церкви. И это был уже другой отец Михаил: сгорбленный, повесивший голову, шаркающий ногами, как глубокий старик. Мишка догнал его, подхватил под руку.

"Драть Вас некому, сэр Майкл! Его же Алена только-только на ноги подняла, а он теперь на себя какую-нибудь жуткую епитимью наложит, строгий пост держать станет... плоть умерщвлять, опять себя доведет... Раньше думать надо было, теперь-то что? Как-нибудь воспользоваться тем, что он подавлен, резко упала самооценка? А как? Он и без того вон: "Паче всех человек окаянен есьм". Угробит себя покаянием. Стоп! Еще же с покойниками что-то делать надо. Впрочем, это просто: спектакль посмотрели — извольте оплатить".

Мишка обернулся к толпе любопытствующих односельчан и крикнул, все своим видом показывая, что передает волю отца Михаила:

— Унесите их! Заройте где-нибудь, но не на кладбище!

В толпе началось беспорядочное движение — у каждого нашлись какие-то срочные дела, но разбежаться зрителям не дала неизвестно откуда взявшаяся тетка Алена. Ее могучая фигура и мощный голос сразу же придали «броуновскому» движению людских фигур некую осмысленную направленность.

"Эх, жаль, что бабы священниками не бывают! Вот бы Алену нам в настоятели! Ага, сэр, а Ниня все повторяет: "Эх, был бы ты девкой!" — но, поскольку современная медицина до операций по перемене пола еще не додумалась, не заняться ли делами более насущными? Например, как будем падре Мигеля из депресняка вытаскивать?"

Хрен его знает, я же не психиатр... какие вообще могут быть способы? Напоить? Ага, еще и в баню с телками... Морду набить? Дохлый номер. Он же еще и благодарить станет: так, мол, меня многогрешного — по сусалам, по сусалам! Не скупись брат мой во Христе, ногой еще добавь! Мазохист, туды его!

Отвлечь? Как, на что? Вообще-то, ориентировочно-исследовательская реакция вполне успешно гасит как негативные, так и позитивные эмоции... Только как ее запустить?"

Закончить размышления отец Михаил не дал. Едва войдя под своды церкви он бухнулся перед Мишкой на колени и обратился к нему полным муки голосом:

— Братья во Христе исповедуются друг другу, прими и ты мою исповедь и покаяние, брат

Михаил. Грешен аз ничтожный многожды: в слепоте гордыни узрел сучок в глазу ближнего...

"Ну, сэр, будем клин клином вышибать! Разубедить его не выйдет, значит надо «опустить» еще ниже, чтобы хотя бы чувство протеста возбудить. Должен же быть предел самоуничижению, даже у монаха. А если нет, обвиню вообще в какой-нибудь дури, лишь бы возражать стал, а там — разберемся".

— Остановись, отче! — Прервал Мишка прервал изливания монаха решительным, насколько получилось голосом. — Евангельскую притчу о сучке и бревне в глазу я и так знаю. Грех же твой не в том, о чем ты мне говоришь, а гораздо более тяжкий и долгий по времени. Закоснел ты в нем и исправляться не желаешь!

Монах, до того упорно смотревший в пол, удивленно поднял глаза на Мишку.

"Есть реакция! Продолжать!"

— Сколько лет ты уже в воинском поселении пастырский долг исполняешь, а воинские обычаи, даже в основе не постиг. А ведь ты — духовный воевода, начальник человек, даже и над сотником! Воевода! А правильно приказ отдать, даже нескольким ученикам Воинской школы не смог!

Мишка жестом попытался остановить возражение отца Михаила, но не смог, а потому просто заорал, перекрикивая его:

— А был обязан! Мальчишки выполняли приказ, ты его отменил, а нового не дал! Знаешь, кто так делает?

Мишка понизил голос и снова заговорил спокойным голосом:

Либо хам, который подчиненных за людей не держит и лучшим способом управления считает ругань, либо начальник, дела не знающий и неспособный указать подчиненным, как им поступать!

Одно из главных правил: командования людьми, особенно, людьми военными: если сказал «отставить», то тут же говори, что нужно делать! Ты ученикам Воинской школы «отставить» сказал, а как дальше поступать — нет. Они покойников на том же месте и бросили. Народ стал любопытствовать, языками трепать — недалеко и до смущения умов!

Если бы я так Младшей стражей командовал, меня сотник Кирилл давно бы взашей из старшин погнал! А ты не над Младшей стражей, а над всеми ратными людьми здесь поставлен. Должен не просто знать, но и самую суть воинской службы понимать!

— Грешен... Великий грех на мне...

"Подействовало? Но где же протест, я же протеста добивался! Нет, так дело не пойдет, продолжаем!"

— Да, ты согрешил, брат! — Мишка заговорил размеренно, с паузами между словами, стараясь не сбиться на поучительный тон. — Не по злему умыслу, гордыне или нерадению. Грех твой — от незнания и непонимания смысла воинского жития.

— Но я не воин...

"Наконец-то!"

— Но поставлен над воинами! По-твоему воины не нуждаются в особом, нежели селяне пастырском руководстве? Воины, которые своим существованием предназначены проливать свою и чужую кровь, отнимать чужие и отдавать свои жизни! Почему наши ратники никогда не слышали от тебя проповеди о достойном поведении воина? Почему в походах их не сопровождает слово Божье? Почему в бою их не воодушевляет пастырское благословение? Почему на поле брани некому проводить в последний путь умирающих и утешить раненых?

— Мне ходить в походы?

"Есть! Прорезалась ориентировочно-исследовательская реакция! Теперь только самому бы не совершить ту же ошибку. Указал на недостатки — укажи путь их исправления".

— Нет, отче. Ты в походе бесполезен. Прости, но не просто бесполезен, но и обузой будешь. Телесно ты слаб, верхом ездить не обучен, лекарского дела не знаешь. Да и постоять за себя не способен — при первом же случае пойдешь под нож, как агнец.

— Так что же ты...

"Есть контакт! Получилось! Ай, да сэр Майкл, ай, да сукин сын!"

— Ты, брат мой во Христе, мне покаялся, значит, мне на тебя епитимью и налагать! Никаких строгих постов и молитвенных бдений. Епитимья твоя — размышление, отыскание способов духовного руководства воинскими делами. Подсказать могу два пути, но пройти по ним ты должен сам.

Первый путь: призвать в Ратное еще трех-четырех священников. Храмы новые построим, но служить в них ты в одиночку не сможешь, на тысячу человек нужно не менее четырех церквей. И один из храмов должен быть воинским! Ну, а пятая церковь — у меня в Воинской школе.

Второй путь. Это трудно, потому, что доселе никогда не делалось. Ко мне в Воинскую школу должны прийти несколько молодых, крепких телом священников, дабы пройти обучение воинскому делу.

Мишка снова повысил голос, потому что отец Михаил собрался что-то возразить.

— Не воинами стать! Но воинскими пастырями! А для этого (ты сам убедился) надо воинское дело знать! Думай, отче, как сего достичь, а по свершении задуманного, отпущен будет тебе сегодняшний грех, который, по зрелому размышлению, вовсе и не сегодняшний, а накопившийся за много лет. Не терзанием плоти, но размышлением и деянием, надлежит быть ему искупленным!

Вышел из церкви Мишка еще нескоро, произошло то, чего он и добивался — формальный обряд исповеди и покаяния постепенно превратился в одну из долгих бесед, подобную тем, которые так любили оба Михаила.

Вышел и застыл на пороге. Перед церковью стояла толпа, да еще и побольше той, которая наблюдала за "возвращением демонам людского облика".

"Молиться пришли, исповедоваться, каяться... У них же на глазах чудо произошло! Бедный падре! Он же им правды сказать не может."

Ну, натворили Вы дел, сэр Майкл! Всего в одном слове ошиблись: надо было вчера сказать: "несите к нам на подворье", а сказали: "несите в село". И такие последствия! Как в детском стишке: "Все оттого, что в кузнице не было гвоздя". Все оттого, что я хотел обыскать трупы, но уже плохо соображал. А обыскивать-то и нечего, с них даже пояса сняты были, никаких улик, кроме маскхалатов".

Мимо Мишки валили в церковь воспылавшие религиозным рвением прихожане, а он стоял задумавшись, ничего вокруг не замечая.

"Никаких улик, кроме маскхалатов... Улик чего? Может быть, хватит прятать голову в песок, сэр? Маскхалаты зимние, маскхалаты летние, разведывательно-диверсионная деятельность... «Спецсредства» и приемы борьбы против тяжелой конницы... Кто это все мог организовать? Ниня проговорила, что моя информация о татаро-монгольском нашествии подтверждается. Интересно: как? Или кем? Людей из разгромленных городищ, куда-то вели. Вопрос: куда?

Каждый из фактов, в отдельности — случайность. Собранные вместе... Да чего уж там! Предшественник Ваш, Михаил Андреевич, нарисовался. Или следующий «засланец» из XX века? Следующий — вряд ли. Посылок я еще не отправлял, так что с финансированием у ученых мужей, мягко говоря, хреново. Значит, предшественник. И играет он на стороне языческих волхвов, к гадалке не ходи. Собирает народ, собирает информацию.

Что еще можно сказать? Чего-то не поделил с Ниней? Вполне возможно, иначе она мне полсотни учеников навязывать не стала бы. Рассчитывает разобраться с ним с моей помощью? Нет, это уже из области догадок. Пока сама Ниня не скажет, нечего и голову ломать. Что еще можно выудить из имеющихся фактов? Можно предположить, что его база находится где-то не очень далеко. Тоже, в общем-то, не очень достоверно. Если бы был рядом, давно бы засветился. А может быть он недавно сюда перебрался? Откуда, зачем?

Мало информации, будем надеяться, что дед изловит хотя бы одного живьем. Тогда что-нибудь да прояснится. Но положение, надо признаться, серьезное. Два врага: внутренний и внешний. Причем внешний по квалификации и возможностям мне не уступает, а скорее всего, и превосходит. Он же ЗДЕСЬ дольше меня. Зато я про него знаю, а он про меня нет. Информация, блин, нужна информация! Если дед никого не поймает, надо будет что-то придумывать...".

— Минь, а Минь! — Мишкины размышления прервал Прошка. — Минь, сколько еще ждать-то?

— Чего?

— Ну ты велел ждать, я и жду. Покойников уже в речку скинули, разошлись все, а я жду. Ты же велел ждать, а чего тут еще делать-то? Все разошлись: кто в церковь, кто еще куда... Мне щенков кормить надо, Листвяна, наверно уже приготовила все. А ты сказал: жди, а чего ждать-то? Вон уже нет никого, и покойники уплыли...

— Зануда, ты Прохор.

— А?

— Да так, ничего. Может это и хорошо. Скотине всегда по много раз одно и то же повторять надо. Пошли щенков кормить.

— Ага. Только скотине не всякой повторять надо, а той, что поумнее. Собакам, лошадям...

На эту тему Прошка был готов распространяться сколько угодно, но Мишка прервал его:

— Погоди, ты Рыжуху мою видел? Сильно она побилась?

— Сильно. — Прошка сочувственно вздохнул и принялся перечислять: — Правый бок, выше к спине, чуть не до мяса ободран, правую переднюю бабку зашибла — распухла вся. И глаза слезятся, красные все. Мы с Юлькой ее полечили... Да! Она жеребая еще!

— Рыжуха?

— Так это... — Прошка удивленно поморгал глазами. — Не Юлька же!

— От кого?

— От жеребца.

— Да знаю, что не от петуха! — Мишка с досады даже сплюнул. — разговаривать с тобой Прошка, одно мученье! От какого жеребца? У нас же такие одры водятся, что лучше ух никакого приплода, чем от них!

— Это вряд ли! — Авторитетно завил Прошка. — Рыжуха кобыла с понятием, кого попало к себе не подпустит. Да и жеребцы на пастбище тех, кто послабее от кобыл отгоняют. Кусаются, лягаются...

Прошка пустился в подробное описание брачного соперничества жеребцов, а Мишке вдруг стало так досадно, словно неведомый производитель обязан был посвататься и жениться только с мишкиного благословения, но обязанностью своей пренебрег.

"Ну вот, блин, транспорт уходит в декретный отпуск. Дожили, туды, растуды. И на чем ездить будем? Когда ж она успела-то?"

— И какой срок?

— А? — Прошка, увлекшись своими рассуждениями, не понял вопроса. — Какой срок, Минь?

— Я спрашиваю: когда жеребенка ждать?

— Так не скоро еще, где-нибудь весной, лошади же целый год жеребят носят.

— Целый год, говоришь? Тогда при чем тут пастбище? Она что, на снегу паслась, когда ее... Это самое.

— Ой, и правда! — Прошка от удивления даже остановился. — Тогда не знаю, Минь.

— Чего не знаешь?

— Кто Рыжуху покрыл. Вы же тогда в Туров ездили.

— В командировке, значит, нагуляла... — Мишка осекся, слишком поздно поняв, что ляпнул вслух, нечто неадекватное ситуации. — Слушай, Прош, а ты как догадался, не заметно же еще ничего?

— Ну... — Прошка неопределенно пошевелил в воздухе пальцами. — Почувствовал, эдак... Да

ты у Юльки спроси, она со мной согласилась.

"Неотягченные цивилизацией умы улавливают нюансы, недоступные позднейшим поколениям. Однако, что с Рыжухой? Так плохо, что консилиум собирался? И не важно, что «профессора» еще дети — одной нет тринадцати, а другому одиннадцати лет. У обоих — дар Божий".

— Вылечить-то сможете?

— Да конечно! — Проща даже и не задумался перед ответом. — Все пройдет, ну, может... хромать будет... немножко. Да нет! Выздоровеет! Ты только не забывай ее, разок в день подойди, поговори, хоть недолго, ей же обидно: ездил, ездил, а как заболела, так и забыл.

"Вот так, сэр! "Ездил, ездил, а как заболела, так и забыл". ЗДЕСЬ это говорят о животных, а ТАМ это с людьми, и не говорят, а делают. С женщинами, главным образом. И никого это не удивляет. "Темное средневековье", мать вашу!"

Кого он мысленно обматерил, Мишка затруднился бы определить даже для себя самого, но, дойдя до дому, тут же полез в погреб за любимой Рыжухой морковкой.

— Девочка моя. — Ласково приговаривая, Мишка оглаживал кобылу одной ладонью, а на другой подавал Рыжухе морковь. — Я тебя люблю, я тебя не забыл, я тебя не брошу. Вас у меня двое было: ты и Чиф, теперь ты одна осталась. Вы меня оба спасали, как умели, если бы не вы, мне бы уже не жить.

Дурак я дурак со своей наукой. Команду создать, команду... Да кто же знал? Это я там привык — в "каменных джунглях": есть семья, есть друзья, разной степени близости, и есть команда единомышленников-профессионалов. А вот, оказывается, что есть еще и нечто четвертое, не знаю, как и назвать. И не только люди. Сколько раз я ЗДЕСЬ уже по краю прошел? Почему вы меня вытаскивали? Ты, Юлька, Роська, Чиф... Кто я вам?

Рыжуха, словно понимая мишкины слова, перестала жевать и потерлась мордой о его плечо.

Я твой должник, девочка моя, никогда тебя не брошу, никому не дам в обиду. Да и не в долге дело. Просто мы... Прости, моя хорошая, не знаю, как сказать... Просто мы друг без друга никуда. Вот и все! Родится у тебя сынок, назовем его как-нибудь красиво, вместе будем...

Краем глаза Мишка уловил поблизости какое-то яркое пятно, повернул голову и увидел Спиридона. Тот снова был весь из себя аккуратный, прилизанный, словно ничего с ним вчера и не приключилось. Только рубаху сменил — розовую на голубую.

"Ну что за тип? Вот про таких и говорят: "Ему плюй в глаза, а он: "Божья роса".

— Чего пялишься? Нечем занять...

На последнем слове голос сорвался и Мишка дал классического подросткового «петуха». Спиридон по-идиотски хихикнул. Мало того, что приказчик подглядывал за чем-то... даже термина-то не подобрать... Интимным, что ли? Так, вдобавок, еще и... Мишка почувствовал, что его охватывает бешенство и, сам, внутренне замирая от ужаса, прямо-таки с восторгом, полностью отдался ему.

От смерти приказчика спасли только мишкины вчерашние травмы. Прыжок через загородку с опорой левой рукой на верхнюю жердь, не удался. В правом боку резануло болью, опорная

рука подогнулась, и Мишка, зацепившись за жердь ногами, полетел на землю вниз головой, чуть не напорвшись на собственный кинжал, зажатый в правой руке. Когда он со звериным рычанием и налитыми кровью глазами поднялся на ноги, Спирьки уже и след простыл.

— Убью, кур-р-рва!!! — Мишка словно зверь заозирался по сторонам в поисках исчезнувшего приказчика. — Где?.. твою мать... Куда?.. Сучара!!!

Выхаркивая из себя бессмысленный набор слов, Мишка кинулся к ближайшему углу, ярко, до мельчайших подробностей, представляя себе, как лезвие кинжала вонзается в самую середину голубого пятна спирькиной рубахи... За углом никого не оказалось. Мишка крутнулся вокруг собственной оси, обводя бешеным взглядом подворье. Везде углы, проходы, повороты — теснотища... Стены... Бревенчатые стены окружали со всех сторон, мешая увидеть Спиридона. Мишка взревел медведем и ударил клинком в ближайший сруб, с трудом вытащил засевшее в сосновом бревне железо, ударил еще раз, потом еще... Клинок с жалобным звоном переломился у самой рукояти.

— Всех вас, падлы... Скоты!!! Ур-рою!!!

Мишка несколько раз пнул стену ногой, потом нагнулся и потянул из-за голенища засапожник. В боку опять резануло болью так, что не сразу удалось разогнуться.

— Т-твою мать... Все равно найду... Как свинью выпотрошу! Не спрячешься...

— Михайла! Остановись!

Мишка так и замер в согнутом положении. Интонации были в точности дедовские. Но голос женский! Прижимая локоть к больному боку Мишка медленно разогнулся и так же медленно, стараясь не наклонять корпус, развернулся, неловко переступая ногами. В трех шагах от него совершенно спокойно, в своей любимой позе — руки под грудью, стояла Листвяна, из-за ее плеча испугано тарачилась одна из кухонных девок.

— Плюнь, Михайла Фролыч, не стоит он того.

Рот уже открылся для того, чтобы послать ключницу... в самые разнообразные места, но вдруг обнаружилось, что ярость, как пришла, так и ушла. Пока удивлялся, как это дед заговорил женским голосом, пока разгибался, да разворачивался...

— Пойдем, старшина, приляжешь. — Продолжила Листвяна. — рановато ты с постели поднялся, полежать бы тебе еще денек. Сейчас медку тебе стоялого чарочку поднесем, согреешься, успокоишься...

Вспышка бешенства, как оказалось, высосала из Мишки все силы. Он покорно дал подхватить себя под руки, разжать по одному пальцы на рукояти засапожника, отвести в дом...

Уже сидя на постели и прихлебывая из чарки мед, Мишка равнодушно слушал, как Листвяна рассказывает, неизвестно откуда взявшейся матери:

— Ничего страшного: покричал, стенку ногами попинал, ножик, правда, сломал, но главное — никто ему под руку не подвернулся. Обошлось.

— Он же тебя мог... — В голосе матери сквозил нешуточный страх. — Как ты решилась-то?

— А у меня муж покойник такой же был. Бывало как вспыхнет, как вспыхнет... Через это сколько раз мужиками бит был! Да и смерть принял... Они с соседом берлогу медвежью нашли. Сосед-то рогатину наставил, а медведь на дыбы вставать не стал, а «свиньей» пошел. Рогатину лапой в сторону отбил, тут бы и конец соседушке. А мой как заревет да с топором... Сосед потом сказывал, что неизвестно, кто страшнее ревел — мой или медведь.

Так что, видала я такое не один раз, знаю и как время выбрать, да что делать надо. Ну, и про характер лисовиновский, тоже... С матерым мужиком управлялась, а тут-то...

"Да, сэр, накрыло Вас конкретно. А чего удивляться-то? Вчера день, мягко говоря, хлопотный вышел, сегодня тоже "демонов изгонял", экзорцист из сельской самостоятельности, блин. А лет-то Вам сколько, сэр Майкл? Четырнадцать скоро? Переходный возраст, гормональный беспредел, нервы как арфа — только тронь. Вот и вышел отходняк... Права баба: слава Богу, что не подвернулся никто".

То ли мед подействовал, то ли полудетский организм решил взять паузу — последней мыслью, уже сквозь сон, проскочило сожаление о сломанном кинжале.

На следующее утро никто Мишку из постели выгонять не стал, и он всласть повалялся, перебирая в уме события последних дней.

"Ну-с, досточтимый сэр Майкл, что же это вы вчера отчебучили? И не стыдно? Ведь знаю же всё! Как я тогда отцу Михаилу толковал? "Не дай Бог, случится еще раз. Опомнись, а передо мной труп растерзанный лежит". А он мне тогда, помнится, объяснял, что командовать сотней отморожков и должен человек, балансирующий на грани безумия, но способный себя обуздать.

Труп растерзанный вчера образоваться мог запросто, Спирьку только шустрость спасла. Мог я себя обуздать? Увы, увы — чувству ярости, сэр, Вы отделись всецело и с удовольствием. Вопрос: с чего бы это? Спирька, конечно, гнус, за «петуха» обидно было жуть как, но все это было только "спусковым крючком". Раз отдался ярости с удовольствием, то организму это требовалось, причем весьма настоятельно. По всей видимости, нужна была эмоциональная разрядка.

Когда же это я напряг-то такой накопил? Да, как раз, после приезда в Ратное! Был весьма непростой разговор с дедом, на следующий день — меня чуть не замочили в лесу, а вчера опять очень непростая ситуация с отцом Михаилом. Из трех событий, в двух — психологических поединках с дедом и монахом — обычный пацан моего возраста, просто-напросто, участвовать бы не смог.

Вот, пожалуй и ответ. Сознание взрослого человека перегружает подростковый организм э-э... Словом — перегружает. "Горе от ума", блин. Старикку Грибоедову такая интерпретация названия его пьесы и не снилась! Подросток не может и не должен выдерживать такие психологические нагрузки — требуется разрядка, насколько я понимаю, в двигательной активности. На дискотеке, там, козликом поскакать, со сверстниками подраться, спортом заняться... Можно, впрочем, напряг и химией снять — алкоголь, наркота... Но если эту струну слишком долго держать натянутой, то она непременно лопнет. Тогда и труп растерзанный — вещь вполне возможная.

Хотя почему же только возможная? Один раз это уже было — с убийцей Чифа. Тогда ведь тоже напряг долго копился: туровские заморочки, засада лесовиков... Один допрос пленного чего стоил! И, как следствие, срыв.

Ну что ж, если я нигде не ошибся, способ обуздания сидящего во мне Лисовина, можно считать найденным. После каждого случая напряженной умственной работы в режиме несвойственном моему телесному возрасту, выжигать накопившееся напряжение двигательной активностью и предельно возможной физической нагрузкой. Хотя, конечно, свойственную подросткам немотивированную агрессию, тоже со счетов не сбросишь. Период полового созревания, туды его...

А «периодов» таких у меня в Воинской школе скоро больше сотни соберется, и у каждого в руках оружие будет. Значит что? А то самое — гонять до седьмого пота, в хвост и в гриву! Чем больше будут выматываться, тем меньше дури в башку будет приходиться! Сам не смогу, надо у деда еще наставников просить. Ратников не даст...

Может, попросить ветеранов из обоза? Гонять, не самим бегать. Общество у нас, слава Богу, патриархальное, старикам перечить не принято. А ведь прав был отец, Михаил! Сумеешь обуздать себя, сумеешь обуздать и пацанов. Или наоборот? А, неважно! Вперед, сэр Майкл, Вас ждут великие дела! Добежать бы только, «удобства-то» во дворе...".

Телега, петляя между деревьями медленно тащилась через лес. Мишка с ключницей Листвяной ехали смотреть новое место для огородов. Дорогу специально старались выбирать так, чтобы ехать от одного крупного лиственного дерева к другому — могучие кроны собирали на себя весь солнечный свет, не давая разрастаться подлеску. Время от времени, все же приходилось останавливаться и браться за топор, прорубая проход среди кустов или молоденьких елочек, вполне уютно чувствующих себя в тени лесных великанов. Листвяна в таких случаях не оставалась сидеть в телеге и вполне квалифицировано помахивала небольшим, подобранным специально под ее руку, топориком.

Разговор не клеился. Мишка сначала думал, что ключница, понимающая в лесных делах больше него, замучает советами, но Листвяна, задав в самом начале пути несколько вопросов исключительно по делу, сидела молча. То ли не хотела указывать на ошибки, то ли Мишка делал все правильно, во всяком случае, в следующий раз она явно собиралась двигаться тем же путем, потому что время от времени делала затесы на деревьях, отмечая дорогу.

Мишка тоже помалкивал. С одной стороны было неудобно за вчерашнюю истерику с руганью и размахиванием оружием, с другой стороны разбирало зло за реплику ключницы: "С матерым мужиком управлялась, а тут-то...". Было это сказано просто так, или это была маленькая женская месть за урок хорошего тона, преподанный ей Мишкой в присутствии деда, Мишка не знал, но склонялся ко второму варианту.

Единственную фразу, не относящуюся к цели их поездки, Листвяна произнесла, когда Мишка, забираясь в телегу, ненароком сдвинул рогожку, которой были прикрыты какие-то взятые с собой ключницей вещи. Из-под рогожки, совершенно неожиданно для Мишки выглянул колчан со стрелами. Когда он, уже намеренно, сдвинул рогожку дальше, там же обнаружился и лук с натянутой тетивой — готовый к стрельбе в любой момент. Мишка еще не успел раскрыть рот, как Листвяна сама ответила на невысказанный вопрос:

— Ты же без самострела. — И демонстративно надела на большой палец правой руки костяное кольцо — необходимую принадлежность любого лучника.

С ответом Мишка не нашелся, просто прикрыл находку и взял в руки вожжи. Листвяна тоже никак развивать тему не стала. Так и ехали, пока не выбрались на обширную поляну.

"И в кого же Вы, мадам, стрелять тут собрались? Или это очередной тычок в нос самоуверенному мальчишке? Ну-ну..."

Ответ на свои мысли Мишка получил почти мгновенно. Едва телега выкатилась из тени крайних деревьев, как прямо из-под конских копыт вылетел заяц и понесся стремительными прыжками, пересекая поляну по диагонали. Лошадь испугано шарахнулась, Мишка, удерживая ее, натянул вожжи и уже открыл рот чтобы прикрикнуть на нервную животину, как вдруг услышал рядом с собой щелчок спущенной тетивы. Обернулся и застыл в изумлении.

Листвяна, стоя на одном колене, замерла в картинной позе: в левой вытянутой руке зажат лук, правая рука с расслабленной кистью и полусогнутыми пальцами замерла возле уха, стан распрямлен, голова гордо откинута, чуть прищуренные глаза смотрят вслед улетевшей стреле. Ну просто хоть Диану-охотницу в нее ваяй!

О промахе даже и думать не приходилось, так смотрят только на пораженную цель. И ведь чувствовалось, что красуется подобным образом Листвяна не впервые, прекрасно понимая, какое впечатление производит. Чувствует на себе восхищенный взгляд подростка и для этого ей не надо на него даже смотреть — и так все понятно.

"Кому же ты, бабонька, позировала в былые времена, перед кем красовалась? Перед сверстниками на праздниках, перед женихом? Однако сюрприз! И сколько их еще будет впереди? Сколько всякого мне о Вас, сударыня, еще узнать предстоит? Впрочем, не будем выходить из роли"

Мишка соскочил с телеги и пошел к убитому зайцу, про себя считая шаги. Насчитал сорок два шага, зайцу, чтобы пролететь такое расстояние требовалось, пожалуй, пять, от силы, шесть секунд. И за это время Листвяна умудрилась выхватить из-под рогожки лук, наложить стрелу и выстрелить! А выстрел-то каков! Стрела ударила зайца в голову — прямо за ухом.

— Ну и сколько насчитал? — Вопрос Листвяны застал Мишку врасплох. — Далеко косой отбежать успел?

"Однако, наблюдательность! Я же не вслух шаги считал"

— Сорок два... Ловко у тебя получается!

Листвяна как-то зло усмехнулась и еще раз удивила Мишку:

— Если бы ваши Кунье городище хитростью не взяли, двоих-троих ратников Корней не досчитался бы! Да и не я одна...

— Ну уж нет! — Прервал Мишка. — Ваши стрелы доспех не берут, я на себе попробовал.

Возразил Мишка без всякой задней мысли, просто из чувства противоречия, но результат получил уж и совсем неожиданный:

— Да, граненых наконечников у меня не было, но можно же и в глаз.

— Ну уж и в глаз!

— А что? Я с полусотни шагов... — Листвяна осеклась и после едва заметной паузы, уже совсем другим тоном, продолжила: — белку... тупой стрелой в голову... чтобы шкурку не портить.

"Едрит твою! Она же латников в глаз била! Ни хрена себе! Стоп, стоп, стоп... Что-то такое было... Тогда — еще при первом знакомстве... Что-то про карательную экспедицию сотника Агея. За побитых купцов... Листвяна родом с лесного хутора... И не очень охотно ответила деду о том, из какого рода население этого хутора вышло. Уж не разбоем ли они там прирабатывали? И она ходила на большую дорогу вместе с мужиками? Кого ж мы у себя пригрели-то?"

Не подавая виду, что заметил оговорку ключницы, Мишка взобрался на телегу и понукнул лошадь. Листвяна, явно стараясь отвлечь его внимание засыпала Мишку вопросами: далеко ли еще ехать, да что за место, да много ли там земли? Такая, вдруг пробудившаяся разговорчивость, еще сильнее убедила Мишку: не показалось — Листвяна действительно увлеклась и проговорила. Вернее сказать: чуть не проговорила, что ей уже довелось стрелять в латников и, как следовало из контекста, небезуспешно.

"А откуда, собственно, у нее лук взялся? С собой из Куньего городища она его привезти не могла, обыскивали их тщательно, а лук не иголка. Из нашей оружейной кладовой? Но так выстрелить из незнакомого оружия невозможно! Значит, тренировалась? Где? Как? Когда? Или среди трофеев, хранящихся в кладовой, случайно оказался ее собственный лук? Ох, не проста ты, ключница Листвяна!"

Наконец добрались до примеченного Мишкой места. Листвяна обвела взглядом луговину, соскочила с телеги и немного прошлась туда-сюда. Сорвала и помяла в руках пучок травы, оглядела окружающий луговину лес.

— Михайла, а что ж вы сюда скотину пастись не гоняете? Трава хороша, да и просторно — стадо много дней здесь держать можно.

— Далековато, да и коряг много половодье оставляет, скотина ноги побьет. Сейчас-то их в траве уже почти не видно, но если походить тут, чуть не на каждом шагу спотыкаться будешь.

— Если коряги остаются, то это хорошо. Значит, течения сильного здесь не бывает, землю не смоеет, а ил осядет. Хорошее место для огородов. Завтра же сюда баб пришлю.

Мишке ее тон не понравился. Сказано было так, словно у Листвяны были собственные холопки.

— У матери сначала спросись, если позволит, пришлешь. — Наставительно изрек Мишка.

— Как бы скоро у Спиридона спрашивать не пришлось...

— А вот это — не твоего ума дело!

Мишка нарочно ответил грубо, понимая, что умная баба намеренно заводит его, чтобы он совсем позабыл о рискованном для нее разговоре о стрельбе из лука. Листвяна ни словом не ответила на мишкину грубость и перевела разговор на то, что хорошо бы на денек прислать сюда учеников воинской школы, чтобы помогли очистить луговину от коряг и обнести плетнем от лесного зверья.

"Как же ты так прокололась, бабонька? Захотелось покрасоваться, показать, что не простая баба по хозяйству, да ненароком увлеклась? Случается. Особенно в тех случаях, когда очень долго приходится себя сдерживать, вынужденно играть роль, не очень совпадающую с истинным характером. Неужели дед ничего не замечает? Впрочем, то, что даже умнейших мужиков бабы запросто водят, как козлов на веревочке — настолько

обычная вещь, что об этом даже смешно говорить.

Тем более, что Листвяна для деда, скорее всего, лебединая песня. Он столько лет вдовствовал, что, если с умом, то из него веревки вить можно. А Листвяна не дура, и если она ему еще и сына родит... Нет, с дедом на эту тему говорить бесполезно. Правильнее, наверно, будет поговорить с матерью — бабы в таких делах секут лучше, и друг друга не жалеют.

А еще лучше будет расспросить о Листвяне пацанов из Куньего городища, не может быть, чтобы из нескольких десятков ребят не нашлось кого-нибудь, кто знает ее хорошо — соседа или дальнего родственника. Вот ведь еще одна головная боль, мало мне других забот..."

Едва въехав в ворота воеводского подворья Мишка понял, что возглавляемая дедом экспедиция по поимке «диверсантов» возвратилась домой — под навесом топталось полтора десятка коней, а с той стороны, где располагалась баня, доносился гвалт мальчишеских голосов. Голоса были веселыми, из чего Мишка заключил, что экспедиция закончилась удачно, или, по крайней мере обошлась без потерь в личном составе. Соскочив с телеги, он небрежно бросил вожжи Листвяне и отправился в дедову горницу, расположенную на третьем этаже нового здания. Дед выполнил обещание и перебрался жить на самую верхотуру, хотя ему и нелегко было на протезе вышагивать по лестницам вверх-вниз.

В горнице, распаренные и благодушные, сидели в одних рубахах, потягивая пивко, дед и Лавр, видимо, как раз вернувшийся с выселок. Дед расслабленно оперся спиной о стену и слегка покачивал культей, торчавшей из-под полы рубахи, а Лавр что-то неспешно ему объяснял, время от времени прихлебывая из ковша с пивом.

— А-а, Михайла! — Дед расправил мокрые от пива усы и изобразил на лице строгость — тебя где носит?

— Ездил с Листвяной место под новые огороды смотреть. Здравствуй, деда, здравствуй, дядя Лавр.

Лавр кивнул в ответ на мишкино приветствие, а дед дурашливо изумился:

— А я-то все думаю: куда ключница подевалась? Ну, и как съездили?

— Хорошо съездили, деда, место удачное. А ты как съездил?

— Кхе...

Дед потянулся к копченому лещу, но сидя, откинувшись назад, до блюда с рыбой было не достать. Сесть прямо дед, видимо, поленился и зашевелил пальцами над столом, выбирая другую закуску.

"Кресло ему сделать, что ли? Все-таки граф. Вот посевная кончится, озадачу плотников".

Лавр, заметив отцовское затруднение, подвинул блюдо с рыбой на край стола. Дед удовлетворенно хмыкнув, ухватил рыбину.

— Как съездил, спрашиваешь? — Дед указал рыбиной на кучу каких-то вещей, сваленных на лавке. — А вот сам посмотри.

На лавке лежали заплечные мешки, скомканные маскхалаты, оружейные пояса, еще какая-то мелочь... И посреди всего этого развала красовался Мишкин самострел.

"Значит, догнали! Замечательно! А сейчас, похоже, будет то самое, что обещала мать — клизма за утерю оружия. Ну что ж, служба есть служба, никуда не денешься".

Мишка встал по стойке смирно, сделал военно-тупое выражение лица и гаркнул по-строевому:

— Виноват, господин сотник!

— Кхе? — Почему-то, это «Кхе» прозвучало удивленно. — Что виноват, это ты верно говоришь... — Дед задумчиво почесал рыбьей мордой кончик носа и уставился в глаза лещу, словно неожиданно встретил на улице старого знакомого. — А в чем виноват-то? А?

— В потере оружия и оставлении его в руках врага! Готов понести заслуженное наказание, господин сотник! — Мишка аж сам умилился армейскому изяществу формулировки собственной вины и покаяния.

— Кхе! — Деду мишкино выступление тоже понравилось. — Готов, значит... Это хорошо, что готов. А кто ж тебя овиноватил-то?

— Э-э... — Мишка слегка растерялся и сбился с настроем. — Матушка сказывала, что раньше за потерю оружия ратников казнили или изгоняли...

Трах! Дед от души треснул копченым лещом по столешнице.

— Слыхал, Лавруха? Стоит бабу к воинским делам хоть чуть-чуть подпустить, так она уже и воеводой себя воображает! Один против пятерых в засаду попал, троих уложил, сам ушел, своих упредил, след беглых указал, так еще и виноватый с ног до головы! Нет, ты слыхал, Лавруха?

— Так баба же. — Философски пожал плечами Лавр.

— И этому голову задурила! — Продолжал кипятиться дед. — Наказание он готов понести! А, Лавруха?

— Так пацан же. — Продолжил Лавр в том же тоне.

— Во-во! Войско, ядрена Матрена — бабы, да пацаны. Повоюй с такими...

— Что, деда, мои ребята в походе негодными оказались?

— А? Ребята? Нет, ничего, ребята у тебя хорошие. — Дед принялся чистить леща. — Особенно Митька — прямо как будто родился в седле... Учить их, конечно, еще и учить... Но так — ничего, справились.

— Батюшка. — Прервал деда Лавр. — Пусть посмотрит-то.

— Ага! — Дед словно вспомнив о чем-то, снова ткнул копченым лещом в сторону сваленных на лавке вещей. — Михайла, глянь-ка, ничего интересного там не видишь?

Мишка подошел к лавке и поворошил неопрятную грудку, все было каким-то заскорузлым, словно намоченным в грязной воде, а потом так и высохшим. Мешки, маскхалаты, оружие,

моток веревки, кожаная сумка, сапоги... Что-то зацепило сознание, Мишка вновь зашарил глазами по вещам и вздрогнул от неожиданности — на лавке лежал кожаный тубус! Внутри оказался свернутый в трубку лист пергамента. Замирая от какого-то невнятного предчувствия, Мишка развернул пергаментный лист и впился глазами в изображение. "Ну, вот. К тому все и шло, дожид до светлого денечка" На листе была изображена карта. С координатной сеткой, знакомыми еще со школы условными знаками, стрелкой, между буквами "С" и "Ю" и масштабом — в одном сантиметре два километра. На карте были изображены: Ратное, Нинеина весь, дорога на княжий погост. Северо-восточнее Ратного, явно от руки, чем-то, вроде угольного карандаша, были добавлены Выселки и дорога к ним. На обратной стороне карты, довольно коряво, но понятно, был изображен план Ратного, каким село виделось бы с высоты стоящего неподалеку дерева. План был не закончен, видимо, что-то помешало, а возобновить работу не дало неожиданное мишкино появление.

— Не туда смотришь. — Прервал мишкины размышления дед. — Вон там, сбоку.

Мишка глянул в указанное место и увидел круглую медную коробочку величиной с ладонь. Взял ее в руки и совершенно машинально нажал пальцем на выступающий металлический язычок. Коробочка открылась, Мишка откинул крышку и увидел под стеклом до боли знакомую с курсантских времен картушку магнитного компаса, плавающую в какой-то жидкости. Окружность картушки была разделена на 360 градусов, правда без мелких делений в один градус — вручную такое сделать, с нужной точностью, достаточно трудно. Стекло тоже было мутновато-зеленоватым, но пользоваться компасом в светлое время суток можно было вполне свободно. Даже сейчас, в свете свечей, основные деления на картушке различались отчетливо. Подсознательно Мишка уже был к чему-то подобному готов, но все же потрясение оказалось слишком сильным. Чуть не выронив коробочку и враз вспотевших пальцев, он дрогнувшим голосом сказал:

— Компас...

— О! Даже название знает! Проспорил ты, Лавруха! Подставляй лоб.

"Ну что ж, здравствуйте товарищ предшественник... Или господин? Значит, все-таки, Вы здесь, где-то рядом. Надо же, как будто весточку из дому получил... Как же нам с Вами встретиться, коллега? Вы обо мне даже и не знаете, а Ваши люди меня уже дважды чуть не убили..."

— Михайла! Михайла! Уснул, что ли? Поди сюда, объясни-ка нам, что это за штука такая?

Мишка подошел к деду и сунул ему под нос компас. Лавр приподнялся со своего места и любопытно вытянул шею.

— Ты, деда, наверно слышал, что бывают такие кусочки железа или фигурки железные, которые, если их на ниточку подвесить, поворачиваются всегда одним и тем же концом к северу.

— Кхе... Даже видел один раз! У купца из этого... Забыл, как называется. Рыбка у него такая была, на ниточке подвешенная. А! Вспомнил: из Хорезма. Так это что, такая же... такое же... — Дед явно затруднялся с определением. — А железка где?

— Она снизу к этому кругляшу приклеена, одна или несколько, а кругляш в жидкости плавает, чтобы ничего вращаться не мешало — то же самое, что на ниточке подвесить, но так сохраннее и пользоваться удобней.

— Ага... Кхе. А написано здесь что?

— Вот это — буква "С", означает "север", по-нашему полночь, напротив буква "Ю", значит "юг", по-нашему полдень. Ну, а две другие: "В" и "З" — восход и закат.

Мишка повернул компас, картушка слегка качнулась, но вновь приняла прежнее положение.

— Лавруха, гляди, вот диво-то!

— Это, деда, не такое уж и диво, тем более, что ты такое уже видел, только попроще сделанное. А настоящее диво — вот эта карта. — Мишка вернулся к лавке с вещами и принес к столу пергамент. — Ты такое когда-нибудь видел?

— Кхе, так, так. — Дед дальноторко отвел от себя пергаментный лист на всю длину руки и прищурился. — Чего-то непонятно, ну-ка, объясняй.

— Вот это, синее, река Пивень. — Начал Мишка. — Вот Ратное, вот Нинеина весь, а вот тут, видишь, недавно добавлено — Выселки. Чертеж наших земель, но сделан давно, когда Выселок еще не было, теперь поправки вносят.

— Ага! Глянь-ка, Лавруха, как будто с неба смотришь! Ну, чудеса! Михайла, а почему все зеленое, а здесь желтые пятна и написано что-то.

— На таких чертежах зеленым обозначаются низменные места, а желтым возвышенности, а надписи — высота этих возвышенностей над уровнем... э-э воды.

— А это? Вроде бы, деревья?

— Да, этот знак говорит, что лес смешанный — есть и лиственные деревья, и хвойные.

— А это зачем? — Дед увлекся картой, как ребенок новой игрушкой. — Вроде бы, как сеть...

Как объяснить деду смысл понятий "меридианы" и "параллели", Мишка себе не представлял совершенно, поэтому пожал плечами и перевел разговор на другое:

— Деда! Помнишь, я тебе говорил, что нам надо будет чертеж земель Погорынского воеводства составить? Кто-то раньше нас этим делом озаботился, намного раньше. И, вот еще что. — Мишка перевернул лист и показал деду и Лавру незаконченный план Ратного. — Кому-то очень интересно стало, как Ратное изнутри устроено. По-моему, это не к добру.

— Так... — Дед сразу сделался серьезным. — Соглядатаев к нам, значит, подослали. Верно говоришь, внучек, не к добру это. Понимаешь, Лавруха?

— Еще бы, батюшка, но только... Как-то это все... Чересчур, что ли.

— Как это чересчур?

— Ну... Как мы Кунье городище брали? Нашелся человек, который там бывал...

— Ты же и нашелся. — Подколол дед. — Долго искали, умаялись.

— Ну, я. — Не стал спорить Лавр. — Я тебе все обсказал и этого хватило. А тут: чертежи, люди в особые одежды одетые, хитростям всяким обученные...

— Кхе, одежды особые... А сам к Татьяне полотном укрывшись лазал!

— Но чертежей-то я не рисовал.

— Ага, у тебя тогда только чертежи в голове и были! Кхе! О другом и не думал!

Лавр смущенно засопел и умолк, а зря, замечание его показалось Мишке весьма дельным. Такая постановка разведывательного дела, такое качественное изготовление карты, компас, сильно напоминавший своим устройством такой, каким пользуются водолазы, означали, что Ратным заинтересовалась серьезная организация, имеющая немалые возможности.

— Деда! — Мишка попытался придать своему голосу как можно больше убедительности. — Надо найти место, где такие вещи делают. Обязательно! Это где-то у нас — в Погорынье. Вы хоть одного живым взяли?

Дед поморщился и принялся, наконец-то чистить леща.

— Не вышло, в болото они ушли. Кхе...

— А откуда же вещи?

— Бурей их стрелой достал. Одного сразу наповал, а второго только ранил, да тот мордой вниз упал. Пока до него добрались, захлебнулся.

— Деда, их же трое было.

— Двое. Третий кровью изошел, ты ему кровяную жилу на бедре рассек. Они его через реку перетащили, да и бросили.

"Да, при разрыве бедренной артерии даже в XX веке не всегда раненого спасти удастся... Опять допросить некого. Но предшественник нашелся! Здесь он! Почему же весточки присылать перестал? Как там доктор говорил: "Передумал, утратил возможности, погиб. А если действительно погиб, а все «артефакты», всего лишь, его наследство, которое использует кто-то другой? Но почему "люди в маскхалатах" все время крутятся вокруг нас? Нет, искать их базу надо в любом случае. В конце концов, я имею право воспользоваться наследством предшественника, если он умер, а если жив... До чего же здорово будет встретиться с современником!"

Мишка и сам не заметил как уселся за стол и ухватился за ручку кувшина с пивом. Из задумчивости его вывел голос Лавра:

— Взятся за кувшин, так наливай, чего так-то сидеть? Батюшка, ты Михайле пиво пить позволяешь?

— Да пусть пьет...

— А я вот своим пока не позволяю — малы еще. — Лавр с сомнением глянул на Мишку. — Да и Михайле рановато бы...

Тресь! Дед опять шлепнул по столу многострадальным лещом, во все стороны полетели брызги рыбьего жира.

— А отца поучать тебе, Лавруха, не рановато ли?

— Да что ты, батюшка... — Лавр явно не ожидал от деда подобной реакции. — Разве ж я поучаю? Просто молод еще...

— Это ты молод еще мне укоризны делать! А Михайла уже поболее десятка ворогов уложил, а я его уже трижды в уме хоронил...

"Вот те на! Ай, да дед! А ТАМ... Восемнадцатилетних мальчишек под огонь в Афган посылали, а когда те возвращались, им в магазинах водку не продавали, мол двадцати одного года нет. Горбачевская борьба с пьянством: под пули послать можно, а спиртного нельзя. Да еще всякие сволочи кричали на ребят, что они ордена на рынке купили. Не нашлось на генсека пятнистого вот таких дедов в ЦК, и пробалабонили государство".

— Ты Михайлу с Кузькой и Демкой не ровняй! — Продолжал внушение дед. — Будь он года на два постарше, я бы ему уже меч навесил, как полноправному ратнику! А ты тоже! — Неожиданно переключился дед на Мишку. — К мужам за стол сел без приглашения, да еще и за кувшин сразу ухватился! А вот я тебя сейчас этой рыбиной, да по сусалам!

— Виноват, господин сотник! — Мишка вскочил из-за стола и снова встал "во фронт". — Задумался!

— Кхе... Задумался он. Совсем распустились: один отца поучает, другой мысли думает... всякие. А тут такие дела заворачиваются, что даже и не знаешь за что хвататься. Мало нам того, что свои смутьяны на нас ножи точат, так еще один враг под боком вылупился, да еще и непонятный какой-то...

Дед помолчал, махнул Мишке рукой, чтобы тот сел и принялся объяснять.

— Михайла-то не помнит, наверно, совсем мальцом был, а ты Лавруха припомни-ка, как лет девять или десять назад от нас холопы скопом сбежали. От нас тогда тоже один ушел, Еремой звали. Коня свел и девку соседскую уволок — старшую сестру Прошки... Как ее звали-то?.. Запоматовал.

— Двенадцать. — Неожиданно вставил Лавр.

— Что двенадцать? — Удивился дед. — Я девку вспомнить не могу, а ты «двенадцать»!

— Двенадцать лет назад это было — пояснил Лавр. — Примерно в это же время, как раз пахать сеять собирались. Вспомни, батюшка: в том году, как раз Великий князь помер.

— Ну, так двенадцать. — Не стал спорить дед. — И помнишь, Лавруха, чем все кончилось?

— Еще бы не помнить! Подо мной тогда коня ранили, как без убитых обошлось, не знаю. Погнались-то без брони, кто в чем. У Панкрата с тех пор левая рука в локте не гнется, торчит, как палка. Ефрему Кривому чуть второй глаз не вышибли, Пузану стрела...

— Ладно, ладно, вижу, что помнишь. — Перебил дед. — А место, где мы под стрелы угодили, помнишь?

— Лес какой-то дурной там был, батюшка. Половодье давно кончилось, а в том лесу воды коням по колено.

— Вот! — Дед назидательно вздел к потолку рыбий хвост. — Эти «пятнистые», за которыми мы в этот раз гонялись, тем же путем уходили! Только там уже не лес залитый, а настоящее болото

— лес за восемь лет весь сгнил, а болото разлилось так, что конца не видно. Я еще тогда засомневался, когда понял, что след к Нинеиной веси от брода идет, беглецы-то тогда тоже через нее уходили. Но в этот раз, они весь стороной обошли, а дальше двинули так же, как и восемь лет назад. Ну и что вы об этом думаете?

— Ну, лес-то могло от бобровой плотины залить, хотя вряд ли... — Начал Лавр.

— Да не про лес я спрашиваю! — перебил дед. — А про то, почему от нас бегают все время в одну и ту же сторону? Зимой-то помнишь: те, что в белом были, они за нами шли. Я думал на нас опять напасть собирались, только подмоги ждали, а может быть, им просто по пути с нами было? Мы — домой, а они Ратное стороной обошли и к тому болоту подались.

— Д-а-а... — Лавр задумчиво почесал в затылке. — А мы тех мест почти и не знаем, как-то и не ходили в ту сторону никогда.

— Ходили. — Поправил Лавра дед. — Только давно — тебе года два было. Капище сожгли бесовское. Девочек там, как раз была тьма, таких, что в возраст замужества вошли. Им там на идиоловом рожне девство рушили — обряд такой языческий...

— Батюшка, при мальчишке-то о таком... — Нерешительно прервал отца Лавр.

— Да что ж ты меня, Лавруха, сегодня все поучаешь-то? Совсем очумел? Или больно умным себя воображаешь? Так я тебя быстро...

— Деда, — торопливо вмешался Мишка — а в какой стороне это от Ратного?

— Не перебивай старших! Сиди и слушай, пока тебя не спросят!

— Так ты же спросил.

— Чего?

— Ты спросил: "Что мы об этом думаем?". Дядя Лавр в тех местах бывал, а я-то нет.

— Кхе... Ну и что ж ты думаешь, мудрец? Только учти: хоть одно непонятное слово вымолвишь — сразу выгоню! Представляешь, Лавруха, мало ему того, что у меня от его книжных премудростей голова пухнет, так он еще и Роську всяким словечкам обучил. Тот мне в лесу чего-то такое сказанул, что я даже и повторить не могу. Говорит у Михайлы выучился... Кхе... О чем это я говорил?..

— О том, что соседскую девку звали «Двенадцать». — Быстро ответил Мишка.

Лавр прыснул в кулак, дед грозно сдвинул брови и уже было набрал в грудь воздуха, что бы рывкнуть на внука, но не смог сдержать улыбки.

— Кхе, ну вот что с вами делать будешь? Кхе... А! Вспомнил! Прокудой ее звали!

Тут уж рассмеялись все, в том числе и дед.

"Ну вот: напряг разрядился смехом, теперь можно и вопросы задавать. Интересно, все же, что такое Роська ляпнул? Ладно, потом узнаю".

— Так в какой же, все-таки стороне от Ратного это болото, деда?

— На юг и немного к востоку, если так идти, то понемногу к Случи приближаешься. — Дед макнул палец в пиво и прямо на столе начертил план. — Смотри: вот так Горынь идет, а так Случь. Мы — вот тут. А вот Нинеина весь — с юга и чуть к востоку. Если всё так же и идти весь день, потом переночевать и еще чуток пройти с утра, то задолго до полудня выйдешь к тому болоту. На сколько оно разлилось, не знаю, потому что другого края не видно. А если бы болота не было, то еще дня полтора-два пути и вышли бы к тому месту, где это самое капище и было.

Но это все так, если знаешь дорогу. До болота-то мы по следу шли, а «пятнистые» путь знали, ни разу ни в какой бурелом или овраги след нас не завел. Ни разу даже с коней слезать не пришлось, потому и догнали — не береглись они, да и охотник с нами хороший был.

— Деда, а далеко то капище от Случи было?

— Да как сказать... Не думаю, чтобы далеко. Может день пути, может, чуть больше.

— А речка там была?

— Была... А-а, вот ты о чем! Понял, Лавруха? Внушок-то соображает! Значит, думаешь, Михайла, что вместо того, чтобы по лесам и болотам кружить, можно туда по воде добраться? А с чего ты взял, что «пятнистые» на месте того капища обретаются? Мы тогда в том месте одно большое кострище оставили, все разломали и огню предали. Волхвов перебили, а девок... Кхе... Раз уж им пора пришла, а в Ратном, как раз, женихов в достатке было... — Дед недоговорил и мечтательно улыбнулся.

"Понятно, раз Лавру только два года исполнилось, дед совсем молодым был, попользовался, конечно".

— Конечно, деда, за столько лет там все уже лесом могло зарости. Но могло же и не зарости. Больше вы там ни разу не были, а место укромное и водный путь есть...

— Могло, не могло... — Дед с сомнением покачал головой. — Одни догадки.

— Догадки тоже разными бывают. — Мишка решил по возможности переломить дедовы сомнения. — Раз туда девок для обряда... — Мишка чуть не ляпнул «инициации», но вовремя прикусил язык — ... для обряда взросления собирали, то место это было не только священным, но и тайным. Вы же на него, наверно, случайно наткнулись?

— Да нет, не случайно. Лесовика одного разговорили... Были у нас тогда умельцы... почище Буря.

— Ну, так смотри, деда. — Мишка начал загибать пальцы. — Есть люди, обученные так, как нигде не учат. Помнишь, ты сам говорил, что даже не знаешь, как такому обучать? Это — раз. Есть одежда, какую нигде не шьют — два. Кожа, — Мишка указал на сапог — которую нигде не делают — три. Компас — четыре. Такое может делаться только в тайном месте, иначе, слухи разошлись бы.

— Ну-ну. — Дед покивал головой. — Согласен: место тайное.

— Дальше. Люди в этом тайном месте нас опасаются, иначе не присылали бы соглядатаев. Значит, помнят о тех временах, когда мы там одни головешки оставили.

— И с этим согласен. — Снова кивнул дед.

— Так вот, могут случайно оказаться рядом два тайных места, где нас опасаются? Нет не могут! А теперь, деда, давай задумаемся: представляет ли это тайное место, где живут опасаящиеся нас люди, опасность для Ратного? Я думаю, что да! Во-первых, зимой беженцев "люди в белом" куда-то должны были отвести, не туда ли? Во-вторых, ты сам говорил, что среди холопов шепотки нехорошие ходят. Не оттуда ли?

— И болотом отгородились. — Неожиданно добавил Лавр. — Бобры так по дурному плотины не ставят. Люди где-то запруду сделали.

— Так! — Дед решительно хлопнул по столу ладонью. — Сейчас у нас главное дело — разобраться со своими смутьянами. А с этим... тайным местом решим все зимой, когда болото замерзнет. — Дед махнул рукой на открывшего было рот Мишку и продолжил. — По реке до них не добраться. В Случь столько речек впадает, что пока все проверишь... Зимой болото перейдем, а там, если народу в том месте много обретаётся, следы обязательно найдутся.

Пока же, Михайла, слушай приказ. Будешь выставлять к тому болоту десятков своих ребят в дозор. Сменяются пусть каждые три дня. Знаю, знаю! — Снова замахал дед руками в сторону Мишки. Знаю: доспехов нет, самострелов нет, коней не хватает... Я и не требую соглядатаев ловить. Только выследить, как они из болота выйдут и весть прислать, а тут уж мы сами за дело примемся.

В первую смену с ребятами пойдет Стерв. Устроит жильё для сторожи, укажет: где дозорных ставить, как прятаться, как за болотом следить. Потом с каждым десятком будем посылать кого-нибудь из ратников, чтобы пацаны под приглядом были. Глядишь, и выловим кого из «пятнистых».

А ты, Лавруха, давай-ка ускоряй вооружение Младшей стражи, не дело, что только один десяток полностью наряжен. Пошевели-ка своих работников, потом как-нибудь отдохнут.

— Сделаю, батюшка.

Спорить с дедом было совершенно невозможно. Во-первых, он уже принял решение, во-вторых, решение это было правильным. Мишка лишь вздохнул: свидание с предшественником откладывалось, минимум на полгода, если, конечно, он сам не проявит инициативы. Впрочем, уже дважды эта инициатива чуть не заканчивалась для Мишки летальным исходом.

Глава 5

Дед с Лавром остались допивать пиво и обсуждать всякие хозяйственные дела, а Мишка, хоть и понимал, что послушать разговор о планах сельскохозяйственных и других работ было бы полезно, все-таки, воспользовавшись благовидным предлогом, отправился во двор.

«Курсанты» после бани и сытного обеда вовсе не отдыхали, как можно было ожидать — Дмитрий расслабляться личному составу не дал. Ребята обихаживали коней, приводили в порядок сбрую, доспехи, оружие — дело совершенно необходимое после нескольких суток, проведенных в походе. Со старшим десятником Мишке, конечно, повезло, ничего не скажешь, в случае чего, оставить ребят на попечение Митьки можно было спокойно.

После прибытия обещанного Нинеей пополнения вполне злободневной станет проблема подбора полусотников, а может, и назначения заместителя старшины Младшей стражи. Было

очевидно, что первым кандидатом на одну из этих должностей станет, конечно же, Дмитрий.

Выслушав краткий, но вполне толковый доклад старшего десятника об участии в погоне и задав несколько вопросов, Мишка приказал продолжать занятия и подозвал к себе Якова и Роську. Дмитрий, проявляя деликатность, собрался было уйти, но Мишка велел ему остаться — Митька и Роська уже стали для него теми, кого в княжеском и боярском окружении принято называть «ближниками», и статус этот надлежало укреплять.

— Скажи-ка мне, Яшка, как, на твой взгляд, ребята в лесу справлялись? Ты, ведь, охотник, — Мишка решил слегка подольстить парню — в лесу чувствуешь себя, как дома. А остальные?

Лесть подействовала безотказно (кто сказал, что комплименты приятны только дамам?) — Яшка сразу же напустил на себя вид солидного, знающего себе цену мужика и принялся неторопливо излагать свой взгляд на проблему.

— Ну, простые вещи: устроиться на ночлег, развести костер, не заблудиться — умеют, считай все. А вот то, что посложнее: держать след, двигаться бесшумно и незаметно, выбирать дорогу поудобнее — почти никто. Повадки птиц и зверей — тоже. А еще не знают, как коней в лесу обиходить: устроить на ночь так, чтобы и поесть успели и отдохнуть; как ехать через лес, чтобы кони ноги не побили и шкуры об сучки не ободрали; как и чем царапины и другие повреждения лечить...

Мишка слушал вполуха, больше наблюдая за реакцией Роськи и Дмитрия. Роське было просто интересно, а вот Дмитрий явно сравнивал то, что рассказывал Яков, с тем, что ему было известно о походах через степь. Буквально впитывал информацию, и было понятно, что ничего не позабудет и не перепутает. Наверняка и в походе внимательно присматривался и прислушивался к сотнику и обозному старшине.

Дождавшись, когда Яков полез уж совсем в мелкие подробности, Мишка прервал его новым вопросом.

— А как ты думаешь, согласится ли твой отец поучить Младшую стражу лесной жизни? Не "за так", конечно, — сделаем его полноправным наставником, как десятника Андрея.

— Конечно согласится! — Яшка преисполнился энтузиазмом. — Таких охотников из ребят сделаем...

— Погоди, погоди! Нам не охотники нужны, а воины, способные неожиданно напасть из леса, а потом уйти в лес не оставляя следов. Засаду на лесной дороге устроить, преследователей запутать и перебить, в общем, воевать в лесу.

— Ну... — Яшка поскреб в затылке. — Подумать надо...

— Подумай, я не тороплю. С отцом посоветуйся. А сейчас скажи: сколько еще в Младшей страже есть ребят, хорошо знающих лес? Десяток наберется?

— Пятерых я знаю точно. — Яшка было собрался перечислять по именам, но Мишка жестом прервал перечисление.

— Назовешь их старшему десятнику Дмитрию. А еще есть?

— Еще есть Первак... то есть, Павел с братьями. Только они какие-то... — Яшка замялся. — Какие-то не такие...

— Ну-ка, ну-ка, поподробнее. Что значит "не такие"?

— Я с ними еще дома... Ну, в Куньем, в лес несколько раз ходил. Силки ставили, уток на болоте били... Не охотники они — учить приходилось. А вот ходят по лесу правильно: бесшумно, следов не оставляют, к болоту подкрадывались так, что ни одна уточка не всполошилась. Непонятно как-то... А еще Первак... Он такой... — Яшка опять полез в затылок. — Он... спокойный такой, сильный... Не кричит никогда, а как глянет... Ребята из его десятка боятся его. Он... Он — как взрослый, вот!

"Стоп, сэр Майкл! Быстро уводить разговор в сторону! Как говорил штандартенфюрер Штирлиц: важно уметь не только правильно войти, но и правильно выйти. Что-то с Перваком нечисто, как, впрочем, и с его мамочкой Листвяной. Потом, всё потом, сейчас меняем тему. Хотя..."

— Яш, а ты семью его хорошо знаешь? Мать, сестер... Или кто-нибудь из ребят. Соседями были, дружили... Может кто из девчонок подружками были с его сестрами?

— А их никто хорошо не знает. Они к нам после морового поветрия с лесного хутора перебрались. Сказали, что у них на хуторе вымерли все, а у нас в Куньем одна бабка Листвяне дальней родней приходилась. Могли, правда и не принять, но Листвяна старикам двумя десятками коней поклонилась. Она тогда скотины много пригнала. То есть, обычной скотины было немного: три коровы с телками, овец десятка полтора, козы еще, вроде бы... А коней целый табун. Вообще-то они бедными были, если бы не лошади. Всех вещей — одна телега. Зимней одежды не было... Только конями и спаслись. Ну и бабка — родня их — вскорости померла, так что хозяйство им осталось.

— Что, бабка совсем одинокая была?

— Нет, почему? Только все перемерли в моровое поветрие, остались бабка с внучкой. Томила-то не Листвянина дочка — сирота.

"Так, сэр Майкл, пора закругляться. Информации — куча, требуется обмозговать. Теперь выходим из разговора "по Штирлицу".

— Я тебя, Яша, почему так расспрашиваю? Есть мысль сделать в Младшей страже один десяток специально для войны в лесу. Ты подумай о том, кого туда определить можно будет. Понял?

— Ага.

— Скоро нам пополнение будет, может там парни подходящие найдутся. Так что, подумай пока, с отцом поговори, потом ребят из пополнения посмотришь. Всё, иди конем займись.

— Слушаюсь, господин Старшина!

Как только Яшка отошел, Дмитрий, напористо уставившись в глаза Мишке, выдал:

— Так не бывает!

— Чего не бывает?

— Если на хуторе все вымерли, то вещи-то должны были остаться, а у них только одна телега и даже зимней одежды не было. Такое после пожара бывает, но тогда людей было бы больше.

"Как его зацепило, даже про пополнение спрашивать не стал. Шерлок Холмс, туды его..."

— И со скотиной непонятно. — Продолжил Митька. — Что это за хутор такой: три коровы, а лошадей целый табун? Это в степи так может быть, а здесь табунов не держат.

"Всё правильно, мистер Даймон, только не ваше это дело. Вы, уважаемый, конечно, родственник через крещение, но эта проблема настолько деликатная... И приказать заткнуться нельзя — обидится... Придется отвлекать, ну что за жизнь, блин!"

— Ладно, Мить, разберемся. Ты лучше вот о чем подумай — скоро нас больше сотни станет. Придется должности полусотников вводить. Ты как, согласишься?

— А откуда пополнение?

— Боярыня Гредислава Всеславна семь десятков парней дает. Так что, ты подумай пока: как полусотней будешь командовать, кого вторым полусотником посоветуешь, как учебу наладить. Ну и прочее, потом обсудим. А теперь — Мишка повернулся к Роське — поведай-ка нам, десятник Василий, что это ты такое Корнею Агеичу в лесу сказал, что он даже повторить не может?

— Да я как лучше хотел... Ты же сам учил... — Роська явно не ожидал вопроса и слегка растерялся. — Я же ничего такого... Книжными словами...

— И что же ты господину сотнику книжными словами сказал?

— Ну я глянул, как те по болоту от нас уходят и говорю: "Господин сотник, траектория перемещения объектов, как минимум, не адекватна", а он мне: "Пасть зашью!"...

От неожиданности Мишка чуть не сел — научил на свою голову! Дрогнувшим от едва сдерживаемого смеха голосом спросил у Дмитрия:

— Мить, ты что-нибудь понял?

— Да ну его! — Неожиданно зло отозвался Митька — Он уже всех своей книжной премудростью извел. Ребята из его десятка уж и не знают: толи приказывает чего-то, то ли просто ругается. А дядька Илья и вообще говорит, что Роська сумасшедший и его надо в темный погреб посадить, пока на людей кидаться не начал.

— М-да... Теория, мой друг, суха, но вечно зеленеет древо жизни! А теперь, Вася, скажи Мите то, что ты хотел сказать господину сотнику, но нормальным — не книжным — языком.

— Так это... Долго было объяснять, а ты сам говорил, что научные термины...

— Ничего, — перебил Мишка — мы потерпим. Рассказывай.

— Ну, по болоту же как ходят? Друг за другом и от одной кочки к другой. А эти рядышком бежали и по прямой. Значит болото мелкое, дно твердое, трясин нет. Они же пешком весь путь прошли, значит, устали, а мы верхами ехали. Догнали бы и живыми взяли. А Корней Агеич меня облаял и велел Бурею стрелять — для самострелов-то уже далеко было. Вот и получили одних покойников.

— Дурак! — Прокомментировал Митька. — Надо было просто сказать: "Болото мелкое, догоним". Вот и все.

— Если такой умный, — огрызнулся Роська — так чего же молчал?

— А у нас в степи болот днем с огнем не сыщешь, я в болотах не разбираюсь.

— Отставить! — Мишка подпустил в голос командирского рыка. — Молчать обоим! Слушать меня!

Оба спорщика мгновенно умолкли и уставились на своего старшину.

"Приживается дисциплинка-то!".

Во-первых, то, что ты, старший десятник Дмитрий в болотах не разбираешься — не оправдание! Жить и воевать тебе придется здесь, поэтому придется научиться разбираться и в болотах и в лесах и во всем, чего у тебя в степи не было.

Во-вторых, сотник Корней, после ранения в лицо, плохо видит вдаль. Ему и так трудно было разобраться, а тут еще ты, Роська, влез не по делу. Скажи спасибо, что тебя только облаяли, мог бы и по шее огрести, причем, за дело.

В-третьих, ты наврал. Беглецы болото знали хорошо и шли по нему правильно, так что, траектория их перемещения была совершенно адекватной условиям местности.

И, наконец, в-четвертых. В строю и в бою командовать и докладывать надо коротко, четко и такими словами, чтобы было понятно сразу, а не приходилось раздумывать: что это я такое сейчас услышал? Книжные слова — для книжных бесед и мудрых размышлений, а у воинов речь своя — веками выработанная и кровью проверенная. Из всего сказанного следует вывод... Какой вывод, десятник Василий?

Роська шмыгнул носом, переступил с ноги на ногу и мрачно констатировал:

— Я сам был неадекватным.

— А попроще?

— Дураком выставился...

— Вот именно! Так всегда и бывает, когда хочешь умнее всех выглядеть. А потому, слушай приказ! Десятнику Василию запрещаю пользоваться книжными словами в строю и в бою!

— Слушаюсь, господин старшина!

— Старшему десятнику Дмитрию приказываю обучить десятника Василия воинской речи и правилам ее употребления.

— Слушаюсь, господин старшина!

— Ступайте... умники.

"Вот так, сэр. Великий, могучий, живой великорусский... Никакого великорусского языка еще нет, а проблемы уже есть. А дальше будет еще круче. Сколько русских языков будет в XX веке? Бытовой, возвышенный, официальный, «канцелярит», архаичный, ненормативный... Имя им — легион. А еще чуть ли не каждое поколение собственный сленг добавляет. Демократы к власти пришли — англицизмы поперли... Блин, о чем думаю, других забот у меня нет..."

Мать Мишка нашел на привычном уже месте — на лавочке возле боковой стены старого дома — и в привычной же компании — приказчика Спиридона. Мать все так же скромно сидела, пристроив на коленях какое-то шитье, а вот Спиридон уже не стоял, а сидел рядышком, и рубаха на нем опять была другой — красной.

"Ну, пижон! Сколько же он тряпок с собой привез? Прямо как мамаша дяди Федора из Простоквашино: два платья уже надела, осталось еще два надеть. И рубахи-то не простые — из дорогих импортных тканей, с богатой вышивкой. И чего он к матери клеится, девок вокруг мало, что ли? Семейная женщина, старше его лет на... черт его знает на сколько, минимум лет на десять."

А ведь она его дурит! Так вот млеть: глазки в землю, ручки на коленках, улыбочка застенчивая — девке неопытной пристало. Нечем же ее этому петуху удивить, сама в столице выросла. Все она понимает и цену всем его кобеляжским заходам знает. Чего ж тогда? Или молодость девичью вспомнить захотелось? Как там принц Гамлет королеве Гертруде указывал?

Не слова про любовь!
В лета, как Ваши,
Живут не столько сердцем,
Сколь умом.

Но и Спиридон не мальчик, должен понимать неадекватность (блин, вот привязалось) ее поведения. Подыгрывает ей в хорошо известной им обоим игре? Черт их баб поймет".

Мишка высунулся из-за угла, дождался, пока Спиридон его заметит и, скорчив зверскую рожу, погрозил приказчику кулаком. Снова спрятался за угол, переждал пару минут и опять выглянул. Спиридон намек понял, и мать уже сидела на лавочке в одиночестве, но недовольной этим обстоятельством не выглядела и встретила Мишку приветливо.

— Как съездил, сынок? Листвяна место под огороды одобрила?

— Все хорошо, мама, и место удачное, и проехать можно на телеге без труда.

— А дед с Лавром надолго с пивом засели?

— Да, думаю, уже до конца — прямо из-за стола спать пойдут.

Мать вздохнула и слегка поморщилась, демонстрируя традиционное женское отношение к мужским посиделкам с пивом, и вдруг огорошила сына вопросом:

— Ты зачем Спиридона прогнал, поговорить о чем-то хотел?

"Блин! Глазки в землю, а все видит. Ну, бабы!"

— Рассказать тебе кое-что хочу. — Мишка присел на лавочку возле матери. — Есть у арабов такая книга "Тысяча и одна ночь" называется. В этой книге всякие сказки и занимательные истории описаны. Есть там история про трех братьев, нашедших на берегу моря закупоренный кувшин, в котором сидел джин. Джин это демон такой...

— Я знаю, кто такой джин, Мишаня.

— Ага, так вот. — Точного текста сказки Мишка не помнил, но смысл надеялся передать доходчиво. То, что мать слыхала про восточные сказки, его задачу только облегчало. — Так вот. Выпустили братья джина и тот пообещал выполнить по одному желанию каждого из них. Старший брат попросил у джина богатства. И получил самый богатый в городе дом, множество золота, рабов, скота и прочего. Стал одеваться в драгоценные ткани, есть изысканные яства, и вообще наслаждаться роскошью. Но однажды в его дом забрались тати, ограбили и убили его.

Средний сын попросил у джина любви. И стали его любить самые прекрасные женщины и девушки, и ни в чем он не знал от них отказа, но, в конце концов, заболел от излишеств и помер.

Младший же брат, когда пришла его очередь загадывать желание, сказал так: "Многоуважаемый джин, сделай, пожалуйста, так, чтобы меня любили немолодые женщины". Джин выполнил его желание, и кто теперь не знает Великого Визиря, лучшего друга и первого советника Пресветлого эмира, мудрейшего из мудрых, защитника истиной веры — того, кто когда-то был всего лишь младшим из троих братьев, нашедших на берегу моря кувшин с джином.

"Вот сейчас ка-ак вмажет оплеуху, да как скажет чтобы не в свое дело не лез! И будет, ведь, права!"

— Совсем ты вырос, Мишаня. — Мать тонко улыбнулась. — Раньше я тебе сказки рассказывала, а теперь вот ты мне рассказываешь.

"В общем-то, оплеуха, но... деликатная. Даже сразу и не поймешь: поняла намек или не поняла, обиделась или не обиделась. Да всё она поняла, блин! Но больше на эту тему разговаривать не желает. А обижаться на пацана считает ниже своего достоинства. Ну и ладно"

— Ну, а если я вырос, так может, поговорим по взрослому?

Лицо матери мгновенно сделалось строгим, видимо она решила, что сын не понял отповеди и хочет продолжить тему ее отношений со Спиридоном. Мишка торопливо, чтобы мать не успела ничего сказать, выпалил:

— То, что Листвяна от деда понесла, знаешь?

— Ну, уж если даже ты знаешь... — Мать снова тонко улыбнулась. — не беспокойся, холопка есть холопка.

— Холопка, да не простая! Из лука стреляет, как воин, сегодня случайно проговорилась, что латников в глаз била. В Кунье пришла недавно — после морового поветрия. И пришла странно. Скарба — только одна телега, даже теплой одежды не было, зато пригнала табун коней в несколько десятков голов. Томила — не ее дочь, а внучка дальней родственницы из Куньего городища. Старший сын Листвяны — Первак — охотничьего дела не знает, но по лесу ходит бесшумно, не оставляя следов. Десяток свой в кулаке держит, как будто был воином и ведет себя так, словно ему не шестнадцать, а, самое меньшее, лет двадцать.

А еще в те места, откуда Листвяна родом, сотник Агей водил воинов карать татей за то, что купцов на дороге грабили. Вот и сдается мне, что на хутор, откуда Листвяна в Кунье пришла, "моровое поветрие" налетело верхом, в доспехах и с мечами, а оставило после себя только трупы, да головешки. Потому и ни утвари, ни одежды Листвяна с собой не привезла, а скотину каратели, скорее всего, не нашли — где-нибудь на лесном пастбище была, и детишки там,

наверно, были — пастухами.

К деду же Листвяна еще на дороге из Куньего городища подольстилась и сама напросилась нам в холопы. Первак, как я сейчас понимаю, только для виду ломался, а на самом деле только рад был, когда я его в Воинскую школу позвал.

В общем, ни одному слову Листвяны верить нельзя. А теперь, мама, давай подумаем. Если Листвяна родит деду сына, появится еще один воеводский наследник, кроме Лавра. Дед размяк, а Листвяна умна, хитра и крови не боится. Первак же не только десяток, но и всех пацанов, в случае чего под себя подмять способен. Понимаешь, о чем я?

По мере того, как Мишка излагал матери свои аргументы, внешность ее разительным образом менялась. Теперь рядом с Мишкой на лавочке сидела уже не ласковая матушка, тонко попенявшая сыну за бестактность, а тигрица, почуявшая опасность для своих детенышей. Мишку аж легкая жуть взяла от того, насколько хищным сделалось ее лицо. Тем более неожиданным был для него заданный матерью вопрос:

— Ниней Первака видела? Что-нибудь тебе сказала?

Мишка задумался и вдруг понял: Первака в строю, вдоль которого шла Ниней не было! Какой-то он нашел способ, чтобы не попасться волхве на глаза.

— Нет, мама, не видела его Ниней. А в чем дело?

— А в том, что мне он тоже мальчишкой не показался. Знаешь, Мишаня, иногда бывает так, что молодые мужчины очень долго подростками выглядят: лицо свежее, усы не растут, голос мальчишеский.

Мишка машинально притронулся пальцами к верхней губе, на которой уже начал пробиваться светлый пушок и вспомнил, как давеча "дал петуха", собираясь прикрикнуть на Спиридона. Мать неправильно поняла его жест и успокаивающе положила ладонь ему на руку.

— Не бойся, с тобой все в порядке, даже рановато немного.

— Да нет, мама, я так просто...

— Ладно, ладно, не смущайся. А насчет того, что ты мне сейчас рассказал... Слушай внимательно. Первое: никому больше ничего не говори. Второе: обязательно найди случай показать Первака Нинее, передай, что я просила посмотреть повнимательнее, она поймет. Впрочем, можешь и не показывать, не так уж это и важно.

— Почему же? Ниней из него все, что он знает выпытать способна, я сам видел, как она...

— Да, способна. А тебе это очень нужно? Ты же и так понимаешь, что при случае, он тебя заменить может. Так вот: слушай меня и думай, как исполнить то, что я тебе сейчас скажу.

"Господи! Да она же сейчас говорит таким же тоном, как Ниней с тем волхвом разговаривала! Ни малейшего сомнения в своем праве приказывать и в том, что приказ будет исполнен!"

— Слишком долго мы мирно живем. — Продолжала мать. — Чувствую я, что скоро кровушка прольется — не бывает мира так долго. Так вот, запомни: Первак должен быть убит в первом

же бою и так, чтобы на тебя никто и подумать не мог! Сможешь?

"Вот так, сэр. Средневековье и есть средневековье. Мать приказывает четырнадцатилетнему пацану совершить преднамеренное убийство, и единственное сомнение, которое у нее возникает — сможет или не сможет? А чего Вы, сэр Майкл, ожидали? Для чего весь этот разговор завели? Ну возьмите и скажите: "Так нельзя, надо как-нибудь иначе. Не знаю как, но гуманизм, права человека..."

— Сможешь?! — материн голос прервал мишкины раздумья, хлестнув по нервам, словно кнутом.

— Смогу... мама.

— В остальное не суйся, я сама справлюсь. Главное, чтобы дед ничего не узнал. Хорошую ты сказочку рассказал, сынок, влюбленные немолодые мужчины тоже много чего натворить могут. Такой дури наворочать способны, что потом самим удивительно бывает. А бывает, что и тошно до смерти.

Мать скомкала лежащее на коленях шитье и резко поднялась с лавочки. Глянула на Мишку сверху вниз и еще раз с железной четкостью повторила:

— Первак — на тебе, в остальное не лезть!

Следующее утро Мишка решил откровенно сачкануть. Очень хотелось повидаться с Юлькой. После всех произошедших заморочек Мишка, теперь уже вполне осознано, ощущал накапливающееся эмоциональное напряжение. Рецепт с физической нагрузкой, конечно, был неплох, но хотелось чего-то другого. Теплоты, спокойствия, понимания... Мишка даже сам для себя затруднялся сформулировать суть возникшей потребности.

Одно только он понял совершенно ясно: мать его вчера и восхитила, и одновременно... разочаровала. Восхитила умом и решительностью, а разочаровала, тоже, умом и решительностью, как бы странно это ни выглядело. Восхищался, правда с оттенком легкой жути, взрослый, сидящий в теле подростка, а разочаровался сам подросток, которому хотелось от матери, прежде всего, ласки и утешения.

Мишка вспомнил о том, как рыдал у матери на груди, когда его с простреленной ногой привезли из Куньего городища, и как легко стало после этого на душе. Того же, видимо, он подсознательно ожидал от матери и в этот раз. Но увы: сам же предложил поговорить по взрослому и получил, чего хотел. Вместо утешения и защиты от жестокостей окружающего мира — приказ вступить с этим миром в бой.

Фактически, конечно, со стороны матери это было признанием за сыном прав и обязанностей взрослого мужчины, но подросток-то внутри скулил и плакал, не желая расставаться с детством. Вот и потянуло к другой женщине. Пусть соплячке еще, но тоже обладательнице сильного и решительного характера, уже не раз оказывавшейся рядом, когда было больно и плохо. Ничего удивительного, идеальный образ женщины у многих мужчин, тем или иным образом, связан с образом матери.

"Блин, переходный возраст, туды его... Генералиссимус Суворов перешел через Альпы, а старшина Младшей стражи — от мамки к Юльке. Да пошло оно всё во всякие места! Хочу к Юльке и всё! А все эти рассуждения — суета сует и томление духа, как сказал бы падре Мигель. И был бы прав!"

Однако смыться из дома сразу после завтрака не удалось. Деду приспичило о чем-то переговорить с внуком и невесткой. Пришлось сидеть и ждать, когда закончат завтракать женщины, потом, когда мать уже пришла в дедову горницу, Корней, словно издеваясь, велел принести квасу. Опять пришлось ждать. Потом приперлась Листвяна и встала у двери в своей любимой позе — руки под грудь. Мишка почувствовал, что начинает медленно заводиться.

— Так. — Наконец, начал разговор дед. — Никифор будет не сегодня-завтра. Привезет с собой четырнадцать купеческих детей. Как ты их, Михайла, встретишь собираешься?

— Никак не собираюсь. Вещички — на телегу, а сами — пешочком до Нинеиной веси. Старшим над ними — Петьку, а дальше — учеба, как и у всех. Чего ж еще-то?

— Дурак! — Предварительный комментарий деда, как всегда был краток и пребывал в сфере непарламентских выражений. — Это с лесовиками так можно было, потому что для них и Ратное — большой город. А тут парни из столицы приедут, на нас, как на лапотников из захолустья смотреть станут. Забыл, как на тебя двоюродные братцы в Турове смотрели, пока ты их не окоротил?

— Ну, можно, конечно, их при оружии встретить. — Мишка сделал паузу, ожидая очередного «дурака», но дед молчал. — Посадить ребят в доспехах на коней, выехать из речных ворот строем, я — впереди. Пусть сразу ощутят, что в воинское учение приехали.

— Опять дурак, но уже лучше! — Прокомментировал дед. — Ратников они в Турове всяких видели, и доспехи покрасивее, и коней получше наших.

— Так что ж мне жар-птицей вырядиться?

— А ну придержи язык! Велю, так голым, на четвереньках поползешь, и петушиный хвост в жопу вставлю! — Дед сердито покрутил головой, но продолжил уже более спокойным тоном. — Выполнить, что велено — не велика хитрость. А ты вот сам подумай. Как сделать так, чтобы они сразу поняли: у нас, хоть и не столица, но порядки те же, а воевода здесь то же самое, что князь в Турове? Чтобы гонор столичный позабыли, уважение почувствовали и подчинились сразу. Давай, вспоминай Туров, вспоминай свою книжную премудрость, будешь здесь сидеть, пока что-то путное не придумаешь! А мы с матерью твоей посмотрим на твою придумку глазами туровских жителей. Как думаешь, Анята, сможем?

— Правильно, батюшка, хорошо придумал. Листвяна, ну-ка сбегай за моим шитьем, что так-то сидеть без дела.

Листвяна уже открыла было рот, чтобы позвать кого-то из девок, но мать совершенно стервозным голосом приказала:

— Сама сбегай, не переломишься!

Дед недовольно засопел, но смолчал.

"Так, Листвяну, похоже, начинают целенаправленно травить, чисто по-женски. Интересно, чего мать добивается? Чтобы та сорвалась и нахамила? Ладно, не мое дело. Давайте-ка, сэр, задумаемся: как купеческих сынков сходу на место поставить?"

И так, цель — снять или, по крайней мере, сильно ослабить комплекс превосходства столичных жителей над провинциалами. Нет, неправильно! Эту цель мне дед, вольно или

невольно, навязывает. У него самого куча комплексов по этому поводу. Моя же цель — сразу же заставить ребят подчиниться и принять предлагаемые правила, независимо от того, нравятся они им или нет. Да что там юлить, конечно же не понравятся!

Теперь задачи, которые требуется решить для достижения цели. Вот здесь, как раз, подойдет блокировка комплекса превосходства столичных жителей над провинциалами. Только блокировка, совсем снять такие вещи очень трудно, а порой и невозможно. Это — первая задача.

Вторая задача — наглядно обозначить наше физическое превосходство и их беспомощность. Третья — продемонстрировать эти самые правила и то, что все остальные ученики Воинской школы им беспрекословно подчиняются. И, наконец, четвертая задача — стимул. Пусть и отдаленные, но привлекательные перспективы. С этим сложнее, но родители, отправляя их сюда, конечно же, разъяснительную работу провели. Да и обучение военному делу для любого пацана штука привлекательная. Это не XX век с дедовщиной, нищими офицерами, и поливанием армии дерьмом во всех СМИ.

Структуры, кадры, ресурсы — по боку, всё и так понятно, делаем всё, что нужно сами: я, мои «ближники», первый десяток Младшей стражи. Дальше — технология. Как решаем первую задачу? Для начала, представляем себе основные характеристики объекта воздействия.

Купеческое сословие, причем, не низший уровень — заплатить за учебу может далеко не каждый купец. Так же, как и имеет собственную вооруженную охрану, тоже, далеко не каждый. Соответственно, самооценка достаточно высока. Кто выше их на сословной лестнице? Князя, боярство, духовенство. Что из этого мы здесь в Ратном можем и имеем право изобразить? Боярство, разумеется.

Значит, надо обозначить «зазор» между верхним уровнем простонародья и зарождающейся аристократией. В чем собственно проявляется внешняя — работающая на первое впечатление — разница? В одежде? Да, в сословном обществе одежда — один из признаков принадлежности к тому или иному социальному слою. Купцы, разумеется, могут быть и побогаче бояр, тот же Никифор способен с потрохами купить много боярина, да и не одного. Но одеваются купцы скромнее. Следовательно, надо будет вырядиться соответствующим образом.

Что еще? Боярская спесь! Богатство и власть напоказ. Значит, нужна свита. Приодеть еще пару пацанов, пусть изображают «ближников» воеводского внука. Дальше. Мы — воинское сословие, значит нужны всадники в доспехах. Дед верно заметил: красивых доспехов у нас нет. Выход прост: в доспехах будут только рядовые.

Что в итоге? Еду я, красиво одетый, едут принаряженные «ближники», а следом десяток в доспехах. Блин, "и тут выхожу я — весь в белом!". А куда денешься?

Ладно, встретили по одежке, поняли, что здесь в Ратном разница между боярством и купечеством та же самая, и плевать нам с церковной колокольни на то, что купчишки из столицы притащились.

Дальше — решение второй задачи — демонстрация физического превосходства. Как? А очень просто — набить морду самому сильному. Добираться они будут долго, между собой за это время разберутся, то есть: выделится какой-то лидер. Наверняка не самый умный, а самый сильный. Сломаю его — ломаю всех. Очень наглядно и эффективно. Значит, придется

устроить что-то вроде смотра прямо на берегу. Пройдусь вдоль строя, выберу «жертву»... Но сначала надо будет ребят некоторое время выдержать в неизвестности. Тоже не проблема! Пока поздороваемся с Никифором, с Ходоком... Ага! Тогда роль «ближников» должны играть Петька и Роська. Петька будет здороваться с отцом, Роська с Ходоком, а в это время Дмитрий..."

— Не то принесла!

Голос матери отвлек Мишку от размышлений.

— Я тебе велела сегодняшнее шитье принести, а этим — мать помахала в воздухе какой-то тряпкой — я вчера занималась! Неси то, что я велела!

Голос у матери был настолько стервозный, что даже дед удивленно вылупился на невестку.

"Бьюсь об заклад, сэр Майкл, что и во второй раз Листвяна опять принесет что-то не то! Леди Анна откопала томагавк и вышла на тропу войны. Трепещите! Блин, с этими бабьими разборками с мысли сбился.

Значит так: Дмитрий командует десятком латников. Подъезжает, выстраивает прибывших учеников в одну шеренгу и держит в ожидании пока господин старшина освободится и займется своими новыми подчиненными. Потом подъезжаю я и... в соответствии с вышеуказанным.

Заодно, решаются третья и четвертая задачи. Пока мы встречаем Никифора, десяток в доспехах демонстрирует дисциплинированность и строевую подготовку. Подъезжаю я, Дмитрий отдает рапорт... ну и прочие армейские прибамбасы."

— Готово, деда!

— Ну, излагай.

— Перво-наперво, показываем, что отношения между боярством и купечеством в Ратном такое же, как и в Турове. Тем более, что боярство мы не худородное, как-никак, с князьями в родстве состоим, хоть и в дальнем.

— Кхе...

— А они — даже и не купцы, а купеческие дети и племянники всякие. Небо и земля, у Никифора на ладьях груз и поценнее может оказаться. Поэтому ты выезжаешь на берег в парадном облачении, разговариваешь только с Никифором (можно еще и с Ходоком), а на пацанов даже и не смотришь.

— Кхе, ладно. А дальше?

— А дальше подъезжаю я. Но не из ворот, а со стороны, вроде как на учении мы были где-то. Я, Петька и Роська без доспехов, в красивой одежде, как и положено воеводскому внуку с ближниками. А следом...

— Ты чего вылупилась? Принесла? — Мать обращалась к Листвяне, стоявшей у дверей и, что называется, превратившейся в слух. Было похоже, что мишкино описание ритуала встречи ее чрезвычайно заинтересовало.

"Точно: в боярыни метит, курва! Заранее на ус мотает, как себя вести надо".

— Ты что принесла? Разве такой иглой это шьют?

"Ну вот, я же говорил!".

Что еще пришлось бы выслушать Листвяне, осталось неизвестным. Лопнуло терпение у деда.

— А ну, хватит! Мне еще тут бабьих тряпок-иглоков не хватало. Анька, уймись! А ты ступай, не до шитья нам. Пошла! Устроили тут, ядрена Матрена. Ну ладно, она не понимает, а ты-то, Анята!

— Прости, батюшка. — Мать была само смирение. — Не подумала.

— Не подумала, не подумала... А надо было! Михайла, дальше давай!

"Ага, Листвяне, похоже, собираются сострять имидж дуры и неумехи. Что ж, дамам видней, но я на месте деда этим бы пренебрег...".

— Михайла! Я сказал: дальше давай.

— Дальше за мной и ближниками едет десяток ратников Младшей стражи. Рядовым ратникам красивые дорогие доспехи и не положены. Я с ближниками остаюсь около тебя и Никифора, здороваемся, разговариваем, а Дмитрий с десятком подъезжает к новым ученикам, строит их и ждет, пока я освобожусь. Потом я подъезжаю к ним, Дмитрий докладывает, я их осматриваю, спешиваюсь и бью морду самому сильному на вид.

— Мишаня! — Мать то ли притворялась, то ли была искренне удивлена. — Зачем же драться-то?

— Молчи, Анята. — Дед, как профессионал, сразу схватил суть предложения. — Правильно все, так и надо. Если он самого сильного побьет, то и остальные ему подчинятся, не надо будет каждого в отдельности в разум приводить.

— Батюшка, так он же одежду праздничную запачкает! Или порвет.

— Баба!!! — Дед, казалось, просто взорвется от возмущения. — Тебя зачем позвали? Послушать и все приготовить. Порвет — зашьете, замажет — выстираете! Дело важнее тряпок!

— Прости, батюшка, все сделаю, как прикажешь...

— Еще бы ты не сделала!

"Что за ерунда? Если она Листвяне имидж портить взялась, так чего ж сама-то дурой выставляется? Прекрасно же все поняла и без объяснений. Нет, тут какая-то игра потоньше, сразу и не врубишься. Блин, да сколько ж сидеть-то еще будем?".

— Деда, так что с моей придумкой? Понравилось?

— Кхе... А вот давай-ка у матери спросим. Она из Турова, из купеческой семьи. Скажи-ка, Анята, вот к примеру едет по улице парень из боярского рода, весь из себя красивый, с ближниками, а с ним десяток ратников в бронях. Как на это прохожий купец посмотрит?

— Посторонится, чтобы не зашибли или не обозвали как-нибудь обидно, а когда проедут, плюнет вслед. Ему-то богатство трудом достается, а барчуку задаром.

— Кхе, с опаской, значит?

— С опаской, но и с неприязнью.

— Ну а парень молодой купеческого рода?

— Тоже с опаской, батюшка, да еще и с завистью. Ему-то, хоть и по деньгам, но родители так красоваться не позволят, а уж с дружиной латной ездить, так и вообще мечтать нечего. Помню, как отец Никифора все шпынял, чтобы скромнее себя вел.

— Да! Помню, строг был батюшка ваш Павел Петрович, ох строг! Так ведь и толк из вас обоих вышел. Что Никифор, что ты, Анята. Посмотрел бы сейчас, порадовался бы покойник.

— Чему радоваться-то? Вдовству моему? — В голосе матери послышались слезы. — Что ж ты такое говоришь, батюшка Корней Агеич?

— Кхе... Это я того... Прости дочка, старым становлюсь, болтливым. Зато дочки у тебя какие! Красавицы! Парни аж ушами прядают, как их видят! Непременно за бояр замуж выдадим. А Михайла! Умник! Воин! Еще и четырнадцати годов нет, а с ним уже как со взрослым, совет держать не зазорно. А сражается как! Уже больше десятка народу уложил. Да где ты еще такого парня найдешь? И его женим на боярыне. А то и на княжне! А что? А же на княжне женился!

Деда понесло, невольно обидев вдову любимого сына, он тут же начал перегибать палку в другую сторону.

— А сама ты, Анята, и красавица, и умница, и хозяйка всем на зависть. Мне, кстати, намекали несколько раз: есть желающие к тебе посвататься. Но я даже и помыслить не могу без тебя жить. Ты же мне как дочка родная, как Аглаюшка покойница, Царствие ей Небесное. Тоже ведь не хотел ее от себя отпускать, да не уберег. Вот только ты, Аннушка, у меня и осталась...

"Блин! Или я полный дебил, или мать разыграла психологический этюд, как по нотам! Пусть теперь Листвяна деду, хоть полунамеком на невестку пожаловаться попробует, дед ей так пожалуется, от стенки отскребывать придется. Ну дает маман! Как выстроила! Вроде бы, обе бабы, обе в мужских делах "ни бум-бум", но одна — «кровиночка», родная и любимая, а вторая... да обслуга и всё! Хозяйственная, сексуальная, без разницы. Ладно, пора линять".

— Деда, я пойду?

Дед, умилившись от собственного монолога, не отрывая взгляда от тронутой до слез невестки, только махнул рукой. Мишка выскочил из горницы и, чуть ли не бегом, рванул на улицу.

Юльку Мишка нашел на полпути от берега реки к огороду, с коромыслом на плечах. На коромысле слегка покачивались небольшие ведерки — носить большие «взрослые» ведра Настена дочери пока не разрешала.

— А-а! Победитель демонов! — Приветствовала юная лекарка Мишку. — Ну как, синяки-шишки зажили?

— А вот смотри! — Мишка, красуясь накачанной упражнением силой, одной рукой подхватил коромысло и перебросил его на свое плечо. — Куда нести?

— Там две бочки на огороде, таскать не перетаскать. Юлька явно тяготилась нудной работой и рада была Мишкиному появлению. — Вовремя ты на помощь явился!

— Ну, не все ж тебе меня выручать... А чего ж Матвей-то не поможет?

— Да они с матерью спят, ночью ходили травы собирать, которые днем рвать нельзя, потом, пока свежие, разбирали, а этой ночью опять пойдут — Матвейке учиться надо.

— Понятно. А большие-то ведра где? Вдвоем быстро полные бочки натаскаем.

— Так ты и правда поможешь? Сейчас принесу!

Вроде бы, и ни о чем разговор, а Мишка был готов болтать с Юлькой до бесконечности. Так же вот, когда-то в будущем, дождливыми ленинградскими вечерами, часами торчал с девчонками в подъезде, а попробуй, вспомни: о чем трепались? И не вспомнишь. Была среди них одна... Уехала потом по комсомольской путевке строить БАМ. Вот и Юлька укатит прирожденного медика рожать...

— На, держи. — Юлька притащила два больших ведра. — Коромысло дать?

— Не надо. А чего ты меня победителем демонов назвала?

— Да приходила тут одна дура, спрашивала, какое тебе мать зелье дала, что невидимых демонов видеть можешь?

— Я? — Мишка изумленно вытаращился на свою подружку. — Я невидимых вижу?

— Ага! Такое рассказывала...

— Что рассказывала?

— Что, будто бы, в тех двоих, которых ты в лесу убил, демоны вселились, а вы с попом с них кожу демонскую ободрали и из покойников изгнали. Ну, те без тел человеческих, да без кожи невидимыми сделались. Озлились на тебя страшно и напали, когда ты один на дворе был. А ты зелья выпил — Юлька хихикнула — узрел их, невидимых и одного ножом зарезал, а об второго нож сломался, так ты его ногами до смерти запинал!

"Блин, это ж, когда я Спиридона догнать не смог и около сарая бесился, так, что кинжал сломал. Доблестный рыцарь сэра Майкла Демоноборца. Фольклор, растудыть твою..."

— Часом не тетка Варвара поведала? — На всякий случай поинтересовался Мишка, хотя зал ответ и так — другой такой кликуши в Ратном не было.

— Она. Ей бы самой какое зелье попить, да нету лекарства от дурости, не придумали еще.

Юлька оставалась Юлькой — не съязвить не могла.

— Жаль, что не придумали, может ты сподобишься? Вот прославишься, дураки к тебе валом попрут!

— Не попрут, все дураки себя умными считают.

— Значит, привозить дураков тебе станут. Целыми возами. Или зелье у тебя покупать бочками. Вот такими. — Мишка постучал носком сапога о бочку, в которую как раз переливал воду из ведра. — Озолотишься!

— Не-а! Без дураков скучно будет. А так... Не только ты сказки рассказываешь, но и о тебе!

— Это когда я сказки рассказывал?

— Каждый вечер своим ребятам в Воинской школе рассказываешь.

"Блин, все всё знают! Наверно, кто-то из пацанов протрепался".

— Это не сказки. Я им то, что в книгах прочитал, рассказываю. Про воинов знаменитых, про древних императоров, про разные страны, про веру, из Святого Писания...

— Ты что поп? — Юлька взглядом смерила Мишку с ног до головы. — Что-то не похож!

— Ну, для этого не обязательно попом быть, да и рассказывать можно по-разному.

— Это как же?

— Ну к примеру... — Мишка задумался, но почесать в затылке мешали ведра с водой. — Вот есть, к примеру, десятая заповедь: "Не пожелай достояния ближнего своего...". Можно, конечно, просто из Писания прочесть, потом что-то от себя пояснить, на вопросы ответить, если кто чего не понял... А можно еще и так:

Добра чужого не желать
Ты, Боже, мне повелеваешь;
Но меру сил моих Ты знаешь —
Мне ль нежным чувством управлять?
Обидеть друга не желаю
И не хочу его села,
Не нужно мне его вола,
На все спокойно я взираю:
Ни дом его, ни скот, ни раб,
Не лестна мне вся благостыня,
Но ежели его рабыня
Прелестна... Господи! Я слаб!
И ежели его подруга
Мила, как ангел во плоти, -
О Боже праведный! прости
Мне зависть ко блаженству друга.
Кто сердцем мог повелевать?
Кто раб усилий бесполезных?
Как можно не любить любезных?
Как райских благ не пожелать?
Смотрю, томлюся и вздыхаю,
Но строгий долг умею чтить,
Страшусь желаньям сердца льстить,
Молчу... и в тайне я страдаю. [7]

Разумеется, в Мишкином переводе на старославянский получилось корявенько, и пушкинской иронии Юлька, похоже, не уловила, но была очарована.

— Красиво как... "И ежели его подруга мила, как ангел во плоти...". — Юлька надолго замолчала, о чем-то задумавшись, потом спросила: — Это тоже из книг?

— Да, был такой поэт... э-э книжник. Александром звали. Он много красивых стихов написал.

— А еще помнишь?

— Помню, только... он ведь не по-нашему писал, переводить надо. Я потом переведу, почитаю тебе еще.

— А это ты для своих ребят перевел?

— Сначала думал, что для них, а потом понял, что им это не годится. Ты первая услышала. Понравилось?

— Еще бы! — Юлька помолчала, потом тихо повторила еще раз: — Мила, как ангел во плоти... Разве такое бывает?

— Бывает. Александр толк в любви знал. Из-за любви и погиб на поединке.

— Он что, воином был?

— Нет, но оружием владел отлично, много поединков выиграл.

— Расскажи еще про него.

— Предки его были из жарких стран, но сам он жил на севере в... землях Великого Новгорода, хотя и путешествовал много...

Рассказывать биографию Пушкина, адаптируя ее к понятиям XII века, оказалось совсем не просто. Мишка часто запинался, не зная, как описать элементарные, казалось бы вещи, и в конце концов понес откровенную отсебятину. В результате получилась какая-то совершенно чумовая смесь Садко и Айвенго, к Пушкину ни малейшего отношения не имеющая. Но Юлька заслушалась, а когда "франкский рыцарь Дантес", все-таки смертельно ранил "боярина Александра", даже грустно вздохнула.

Между тем рейсы от реки к огороду продолжались, деревянные ведра, напиваясь водой становились все тяжелее и тяжелее, Мишка почувствовал, что опять заныл правый бок.

— Давай-ка, Юль, передохнем немного, что-то я запыхался, с разговорами.

— Давай. Все ж-таки побился ты крепко, повезло, что кости не переломал. Не болит нигде?

— Нет. — Решил не признаваться Мишка. — Так, запыхался немного.

— А за Александра отомстили?

— Что? А, да. Другой боярин — Михаил Юрьевич — так этого Дантеса приложил... Но это уже совсем другая история.

Посидели на бревнышке, помолчали. Юлька о чем-то задумалась, Мишка прислушивался к

тому, как постепенно затухает ноющая боль в боку. Вставать и снова браться за ведра не хотелось, да и бочки были уже наполнены на три четверти.

— Юль, теперь ты чего-нибудь расскажи. Помнишь, как ты про Макошь мне рассказывала? Интересно было.

— Да не знаю я никаких историй книжных. Не про болячки же тебе рассказывать? Слушай! — Вдруг встрепенулась Юлька. — А про лечение в твоих книгах ничего нет?

"Ну вот, хоть на пупе перед ней вертись, а она все равно на медицину разговор свернет. Эх, ей бы, хотя бы, учебник анатомии, да где его возьмешь?"

— Нету, Юль, если бы попалась, сразу бы тебе принес. Пстой, а ты читать-то умеешь?

— Да что ж я дура набитая — Оскорбилась Юлька. — Можно подумать, на все Ратное ты один грамотный. Совсем очумел там со своими дуrolомами! Тоже мне, мудрец, других так и за людей не считаешь!

— Юль, я же только спросил...

— Да ну тебя! Так хорошо было...

Юлька нахохлилась и отвернулась.

— Ну прости дурака, Юля, хочешь я тебе про отца всех лекарей расскажу?

— Да ну тебя... Про какого отца лекарей?

— Про лечение мне книжки не попадались, а вот про лекаря знаменитого я в одной книге читал. Звали его Гиппократ и жил он полторы тысячи лет назад в Греции. Греки почитали Гиппократа лучшим лекарем в мире, а он считал, что медицина — лекарское дело — благороднейшее из всех искусств. За великие знания и мудрость греки называли его "отцом медицины"

7

А.С. Пушкин. "Десятая заповедь".

Мишка попытался припомнить еще что-нибудь, но ничего кроме клятвы Гиппократа [8] в голову не пришло.

— Гиппократ придумал лекарскую клятву, которую должен был приносить каждый, кто выучился лечебному делу. Начиналась клятва с поминания греческих богов — греки тогда еще не были христианами. Потом шло обещание почитать своего учителя, как отца, а всех лекарей — как братьев. А дальше там шли такие слова:

"Я направлю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости. Я не дам никому просимому у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно также не вручу никакой женщине абортивного пессария. Чисто и непорочно буду проводить"

свою жизнь и своё искусство. Я ни в коем случае не буду делать сечения у страдающих каменной болезнью, предоставив это людям, занимающимся этим делом. В какой бы дом я ни вошёл, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всего намеренного, несправедного и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами.

Чтобы при лечении — а также и без лечения — я ни увидел и ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной. Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастье в жизни и в искусстве и слава у всех людей на вечные времена; преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому".

Юлька слушала очень внимательно, изредка шевеля губами, словно повторяя за Мишкой, а он мысленно поминал добрым словом своего школьного учителя истории, заставившего своих учеников выучить клятву Гиппократ наизусть.

— Правильная клятва! — Подвела итог Юлька. — Только непонятного много.

— Что непонятно?

— Какие это у него могли быть любовные дела с мужчинами?

"О, Господи! Неужели еще и про гомосексов ей рассказывать? Нет уж, я — пас!"

— Так врачами же и женщины бывают. Клятву-то Гиппократ для всех сразу придумал.

— А, ну да! А что это он обещал не давать женщинам? Я не разобрала.

"Блин, ну кто Вас, сэр, за язык тянул? Объясняйте теперь!"

— Абортивный пессарий это — зелье такое, чтобы плод из чрева вытравливать.

— Неужто дуры такие есть?

"Дитё Вы еще, леди Джулия, ох дитё!"

— Ну, Юля, в жизни всякое случается.

— Все равно, нельзя! Это все равно, что убийство! Правильно он это запрещал! А вот насчет камней — глупость. Зачем их вырезать, если травами растворить можно?

"Опля! Утраченные секреты народной медицины? Где только у человека камней не бывает: в почках, в желчном пузыре еще где-то... Не помню. А оказывается в домонгольской Руси их травами растворять умели! Эх, рецептик бы добыть, да Максиму Леонидовичу переслать!"

— Не знаю, Юль. Наверно не умели еще камни растворять, все-таки полторы тысячи лет назад дело было.

— А какими богами он клялся? — Продолжала допрос Юлька. — Велесом, Сварогом, Дажьбогом?

— Нет, Юль, у греков свои боги были. Был солнечный бог Аполлон. Он был покровителем поэзии, музыки, прорицаний... еще, кажется, строительства, а, вдобавок, еще и медицины. А вот его сын Асклепий был покровителем одних только врачей. У Асклепия, или по-другому

Эскулапа, были две дочери: Гигиена — богиня здоровья и Панацея — целительница всех болезней.

— Хорошие боги, полезные — констатировала Юлька и вдруг повернула разговор в совершенно неожиданное русло: — И от таких богов греки отказались ради Христа, который плоть умерщвлять велит? Они что, с ума все посходили?

Мишка от такого поворота разговора слегка опешил. Столь утилитарного подхода к вероисповеданию он не ожидал даже от зацикленной на медицине Юльки.

"И что прикажете отвечать, сэр? Рассказать о физиологе Павлове, который в детстве воспитывался в монастыре и до конца жизни был глубоко верующим человеком? Ага, еще и про условные рефлексы, да про электрическую лампочку, от которой у собаки слюна текла. Хотя... Христос же тоже лечил".

— Плохо ты, Юль, христианское учение знаешь. Иисус Христос тоже больных исцелял, даже умерших воскрешал. Просто христиане считают, что дух должен быть сильнее плоти, что тварное начало в человеке...

— На дружка своего попа посмотри. — Перебила Юлька — он свою плоть до того довел, что скоро духу держаться не в чем будет. Помер бы весной, если бы не тетка Алена. А он, вместо благодарности, ее все время за распутство попрекает. А она же не виновата, что совсем молодой овдовела. Попробуй ей жениха нового найти, если рядом с ней любой ратник мелким кажется. Вот тебе дух — пальцем ткни и рассыплется; и вот тебе плоть — этот самый дух от смерти спасла!

— Ну, палку перегибать, конечно, ни в какую сторону нельзя. — Рассудительно заметил Мишка. — Те же древние греки о здоровье плоти очень заботились. Было у них такое княжество — Спарта. Так там младенцев, которые родились слабыми и больными, сразу у матерей отнимали и со скалы сбрасывали. И никакие Панацея с Гигиеной их не останавливали.

— Как?! Новорожденных?! — Ужаснулась Юлька. — Да они и правда все сумасшедшими были!

— Вот-вот. — Поспешил закрепить успех Мишка. — Христиане такого никогда не допустили бы!

— Ага! Они бы потом, как подрастут, их научили б, как себя медленно уморить постом и молитвой.

— На тебя не угодишь: и то тебе не так, и это не эдак!

— Правильно мама говорит: дурят вас волхвы с попами! Только Богам и дела, что следить, когда ты лишний кусок съел, да сколько раз лбом в пол стукнулся.

"М-да, сэр, дискуссия зашла в тупик. Чего, впрочем, и следовало ожидать. Прагматический взгляд на любую проблему через призму вреда или пользы для здоровья. Как говорил, кажется, Козьма Прутков, специалист подобен флюсу. Кстати, о специалистах..."

— Слушай, Юль, а как у вас Матюха, уже многому выучился?

— Лекарь всю жизнь учится.

— Да я понимаю, но мне же ребят в воинской школе учить надо. Не только воевать, но и первую помощь раненым оказывать: кровь остановить, повязку наложить... Ну, сама

понимаешь. Я думал, он у вас поучится, а потом ребят поучит.

8

"Клятва Гиппократа" существует и сейчас. Греческими богами современные врачи, разумеется не клянутся, а вот требование относиться к коллегам по-братски сохранилось. Нет в современной клятве запретов на аборт и иссечение камней, а вот запрет на эвтаназию подчеркнут особо, так же, как положение о врачебной тайне.

— Не выйдет. Чтобы тому, о чем ты говоришь, научиться, надо боевые раны видеть, а много их Матвей видел?

— А ты?

— И я почти не видела. — Юлька сожалеющее вздохнула, как будто ее обделили хрен знает каким привлекательным зрелищем. — Вот пойдете на войну, ты его к Бурею приставь, в обозе всяких ран насмотрится.

— Что ж он зря у вас столько времени прожил? — Разочарованно спросил Мишка.

— Ну почему зря? Матвейка парень толковый, аккуратный и к лекарскому делу склонность имеет. Толк из него будет, только не так быстро.

— Толковый, аккуратный. — Передразнил Мишка. — А кто кричал: мужики все грязные вонючие?

— А вы и есть звери! Кромсаете друг друга железом, а нам потом дырки заделывать! Еще и гордитесь! Ты вот, сколько народу уже угробил? А у них могли бы еще дети народиться, а у тех еще дети. Землю бы пахали, дома строили...

Юлька еще что-то говорила, но Мишка вдруг на какое-то время перестал ее слышать.

"Господи, а ведь верно! На мне уже больше десятка жмуров висит, как это скажется на будущих поколениях? Мало ли, что Максим Леонидович говорил, будто "эффект бабочки" не действует? Через девятьсот лет эти десять покойников в десять тысяч не родившихся детей запросто могут превратиться. Хотя, после того, что на Руси натворят татары... Где-то я читал, что они в общей сложности за несколько веков увели в рабство десять миллионов человек — население России при Петре I. А по нашим местам еще же и Литва прошла... Да даже если я сотню народу порешу — капля в море! Все равно здесь почти ничего не останется, недаром севернее Припяти почти все города уцелели, а здесь все с нуля восстанавливалось. Может быть, потому нас с предшественником именно сюда и забрасывали?"

— О чем задумался, воевода? — Юлькин голос прервал мишкины размышления. — Передумал ребят учить?

— Не видела ты, Юлька, что после половцев на месте поселений остается, не знаешь, как караваны рабов в степь уводят. Поспрашивай-ка у Митьки, он, если захочет конечно, расскажет тебе, как его сестру скопом насиловали, как беременной матери живот вспороли и

оставили в горящем доме умирать. Что хочешь, можешь мне говорить, а я все равно буду учить пацанов убивать. И чем лучше они этому научатся, тем больше надежды, что на месте Ратного однажды не останется пепелище, заваленное трупами. И сам зверем буду, и их зверями сделаю, потому, что иначе не выжить, ни бабам, ни детишкам, ни тебе с матерью!

— Будет тебе, Минь. — Юлька, будто забыв, что на Мишку это не действует, заговорила "лекарским голосом". — Чего ты ощетинился? Все я понимаю, все вижу. Ты думаешь, если бабы на мужиков своих лаются, так они их не любят? Знаешь, как они ждут, когда вы в поход уходите? Всем богам, каких знают, молятся за вас. Ты к бабьим языкам не очень-то прислушивайся, они часто не для других, а для себя лаются, чтобы душу отвести...

Нет, все-таки "лекарский голос" действовал. Мишке стало как-то даже не важно, что именно говорит Юлька, лишь бы говорила и... он даже не сразу заметил, что девчонка взяла его за руку. Лишь бы говорила и вот так держала обманчиво маленькой и мягкой ладошкой. Обманчиво, потому, что это была рука лекарки — умелая, сильная и, когда надо, безжалостная. Но сейчас...

— Минь, хочешь, я мать попрошу, и она Бурею скажет, чтобы ребят твоих поучил? Он ей не откажет, я знаю.

Мишка накрыл Юлькину ладонь своей, преодолев краткое сопротивление, приподнял ее и, наклонившись, прижался щекой. Юлька замерла, не вырывая руку, но и никак не реагируя на мишкины действия.

— Юль, мама говорила, что мир слишком долго длится, скоро кровь пролиться должна...

— Моя тоже...

— Если я... Если мне придется с сотней уйти, будешь ждать меня?

— Буду...

— Знаешь, есть такая примета: если очень ждут, то обязательно вернешься.

— Ты и без примет вернешься. Тебя Светлые Боги любят.

— Все равно...

— Господин старшина!!!

Юлька суетливо выдернула руку, Мишка торопливо выпрямился. От лаза в тыне бежал и драл на ходу глотку «курсант» Иоанн.

— Господин старшина! Ладьи подходят! Господин сотник велел тебя найти.

"Нет, блин, я сегодня точно кого-нибудь убью! Кой-то веки выходной себе устроил. Видел или не видел? Тьфу, что я, как пацан, в самом деле. Подумаешь, с девчонкой сижусь".

— Господин старшина!..

— Чего орешь? Велено было найти? Нашел. Теперь дуй обратно. Команда Младшей страже: по коням, в доспехе, Дмитрий — старший. Десятникам Петру и Василию, доспех не надевать, подойти к моей матушке, она скажет, что делать. Господину сотнику передай, что сейчас буду. Ступай!

— Слушаюсь, господин старшина!

— Минь, что за лады? Варяги?

— Нет, Юленька, дядька мой Никифор товары привез и учеников для Воинской школы.

— А доспехи зачем тогда?

— Надо. Приходи к речным воротам, увидишь.

Глава 6

Мать обрядила Мишку в подарок Лавра и Татьяны — синюю шелковую рубаху, расшитую серебром. На воинский пояс вместо меча велела повесить дивной красоты кинжал, с украшенными серебром и бирюзой ножнами и рукоятью. На голове у мишки красовалась синяя, в тон рубахе, шапка, отороченная волчьим мехом. На ногах — синие сафьяновые сапожки, расшитые серебряной нитью. Сбруя коня тоже была украшена серебряными бляхами. Боярин, да и только! Петька и Роська тоже оказались обряженными почти так же богато.

Дмитрий выстроил десяток ратников Младшей стражи в колонну по два, сам занял место во главе, позади Мишки и его «ближников». Такой кавалькадой и выехали шагом из главных ворот, сразу же повернув налево, в объезд Ратного.

Мишка подозвал к себе Дмитрия и на ходу принялся инструктировать.

— Мы втроем остановимся возле Никифора, а ты высматривай приезжих учеников, сразу сгоняй их в одно место и выстраивай в ряд. Пусть стоят и ждут, когда я подъеду. Всякие котомки, да коробка с пожитками, вели свалить в сторонке. Если кто начнет кочевряжиться, не стесняйся — наподдай, воинский порядок надо сразу дать почувствовать. Когда я подъеду, доложишь, что уноты Воинской школы построены для смотра. Кнут у тебя с собой?

— С собой.

— Если понадобится, хлестнешь одного-другого, только в меру, не перестарайся.

Мишка инструктировал своего старшего десятника, а сам все время косил глазом направо, в сторону домика лекарки, но Юльки не было видно. То ли ушла в дом, то ли уже отправилась к речным воротам. Мишка разочаровано вздохнул и тут же мысленно сам себя одернул:

"Стыдитесь, сэр, что Вы, право, как подросток, в самом деле? Перед девчонкой покрасоваться захотелось? А результата, обратного задуманному не опасаетесь? Вы-то, как елочная игрушка сверкаете, а ей, вполне может быть, и придется по такому случаю не во что. Настена, отнюдь не бедна, но дочку в этом смысле не балует — в воспитательных целях или просто скуповата. Что Юлька почувствует, глядя на Ваш парадный выезд? Вот так-то!"

Кавалькада приблизилась к углу тына, из-за которого должен был открыться берег возле речных ворот, пора было переходить на рысь. Мишка отдал команду, но выделенный ему дедом для такого случая жеребец — серый в яблоках красавец — вдруг заупрямылся, начал задирать голову и пошел боком. Рыжуха себе подобного поведения никогда не позволила бы, но Мишкина любимица еще не оправилась от ран, да и экстерьер у нее был неказист — не для

парадных выездов.

Мишка ожег жеребца плетью, что есть силы подобрал повод, но своенравная скотина, видимо уловив разницу между твердой рукой взрослого ратника и слабостью подростка, взбрыкнула и понеслась галопом. Проклиная деда за подставу с незнакомым конем, Мишка совсем было собрался треснуть жеребца рукоятью плети между ушей, но кавалькада уже повернула за угол и понеслась прямо на собравшихся на берегу людей. Тут уж ничего не оставалось делать, пришлось рвать повод обеими руками, отчего жеребец поднялся на дыбы и замолотил в воздухе передними ногами. Чуть не соскользнув с седла, Мишка все-таки врезал серому в яблоках красавцу по голове, отчего тот сразу присмирел и, опустившись на передние ноги замер на месте.

Чувствуя на себе взгляды всех собравшихся на берегу, Мишка соскочил на землю, бросил поводья Спиридону, в почтительной позе дожидавшемуся, когда хозяин соизволит обратить на него внимание, и поклонился Никифору.

— Здрав будь, дядя Никифор, как добрался? — Шапку снимать не стал, боярину перед купцом зазорно. — Мы уж заждались, не приключилась ли какая беда по пути?

— Ха! Здорово Михайла! Петька! Поди сюда, мать целовать тебя велела! — Никифор, как всегда, был весел и громогласен. По очереди облобызав сына и племянника, весело кивнул в ответ на поклон Роськи и с ухмылкой глянул на то, как его бывший холоп повис на шее у улыбающегося Ходока. — Лихой у тебя внук, Корней Агеич! Как подлетел — птицей!

— Кхе... Воспитываем, помаленьку...

— И войско у него справное — Никифор проводил взглядом проезжающий мимо десяток во главе с Дмитрием. — Корней Агеич, а где же Демьян с Кузьмой?

— Сейчас подъедут, Лавр что-то задерживается, уже должен быть. Так ты чего задержался-то, мы уже неделю тебя ждем, или что случилось?

— Умаялись, Корней Агеич, по Припяти пришлось против течения и ветра выгребать, да и в Пинске задержался по делам...

Мишка, вытягивая шею пытался рассмотреть, что там у Дмитрия. Любопытных на берегу собралась уже довольно много — ладьи пришли в неурочное время — вместо сентября, в мае. Гвалт постепенно нарастал, каждый подошедший полюбостраивать, что-то спрашивал у лодейщиков, те что-то отвечали, постепенно на берегу становилось шумно и тесно, как на торгу.

Самого Дмитрия и десяток всадников Младшей стражи было видно хорошо, а остальное заслоняли толпящиеся ратники. Дмитрий что-то говорил, указывая рукой в сторону, слушал ответ, снова указывал рукой, наконец, досадливо махнув, отдал какой-то приказ своим ребятам. Десяток выстроился полукругом и, судя по движениям всадников, погнал перед собой кого-то, видимо, приехавших учеников.

Можно было не торопиться. Дмитрий, похоже, собрался отвести вновь прибывших учеников далеко в сторону от ладей — к самым огородам. Мишка снова обратил внимание на деда и Никифора. Беспорядочный, как всегда поначалу и бывает при встрече, разговор перешел уже в деловое русло. Никифор предлагал две ладьи, на которых находился груз для Военной школы, вести дальше по Пивени — до самой Нинеиной веси. Ему поддакивал, все-таки вклинившийся в разговор Спиридон, кровно заинтересованный в том, чтобы не получить взбучку за

неподготовленные для причаливания все четырех судов места. Дед, в общем-то был не против, но предупреждал, что русла реки никто не знает и тащиться придется целые сутки, а то и больше.

— Дядя Никифор! — Встрял Мишка. — Там, чуть выше по течению, еще брод есть, ладьям глубины не хватит.

— А широк ли брод?

— Нет, узкий.

— Пройдем, на волоках мы и вообще ладьи посуху таскаем а тут... — Никифор вдруг умолк на полуслове и обалдело уставившись куда-то Мишке за спину, восхищенно протянул: — Вот это да-а-а!

Шум на берегу начал постепенно затихать, а лица поворачиваться в ту сторону, куда смотрел Никифор. Мишка тоже обернулся и понял, что удивляться было чему. Из речных ворот, следом за дядькой Лавром, выезжали три всадницы — мать и сестры — одетые в амазонки, сидя в седле бочком. Мать, в отличие от сестер была одета в платье более темного тона — фиолетовое, но выглядела совершенной королевой. Впечатление дополнительно усиливали Кузька и Демка, следовавшие за дамами, словно пажи.

Зрелище было как... в голливудском костюмном фильме, более подходящего сравнения Мишка подобрать не смог. На сером фоне деревянного частокола цветные платья всадниц, их царственная (не меньше) осанка, гордо поднятые головы под мантильями, производили прямо-таки фантастическое впечатление. Мишкиных сестер в новых нарядах ратнинцы уже видели. Но мать! Но верхом!

В наступившей тишине особенно четко прозвучали два голоса: деда — "Кхе..." и Дмитрия — "Чего уставились? Вперед!".

Никифор, наконец подобрал отвисшую челюсть и выдавил вдруг охрипшим голосом:

— Аню... Кхгр-м... Анюта, сестренка... Нет слов!

— Здравствуй, Никеша. — Не сказала — пропела в ответ мать. — Племянниц-то узнаешь?

— Ха! Царевны! Что б мне сдохнуть, царевны! В Туров... Нет, в Киев! Князя в ногах валяться будут! Корней Агеич! Что ж ты такие самоцветы в своей глухомани прячешь?

— Кхе... самоцветы... Придержал бы ты язык, Никеша, гляди: совсем девок в краску вогнал.

Анька с Машкой, действительно, цвели, как маки. Мишка с любопытством обвел глазами толпу. Экипажи ладей разъявили рты так, что было видно даже с того места, где он стоял. Ратнинцы же реагировали на зрелище, главным образом, в зависимости от половой принадлежности. Мужчины — кто с удивлением, кто с восхищением, кто просто с улыбкой, но, почти все, одобрительно. Женщины же... Мишка уловил несколько таких взглядов, обращенных на сестер, что впору было удивляться, как они еще живы. По толпе начал потихоньку распространяться ропот. Пока он снова не слился в прежний гвалт, до Мишки донеслись несколько фраз, произнесенных женскими, разумеется, голосами.

— Вырядились, а у самих ни кожи, ни рожи... Ты чего вылупился, кобель? Глаза твои

бесстыжие... А Анька-то! Ни стыда, ни совести! Дочки уже взрослые, а она верхом...

Прорезался, впрочем, и мужской голос:

— На себя посмотри, коровища! — Звук затрешины. — Куда хочу, туда и смотрю!

От огородов донесся командный голос Дмитрия:

— В ряд становись! Да брось ты мешок-то, не денется он никуда!

Краткий миг обалдения прошел, жизнь продолжалась. Никифор покрутил головой и призывно замахал кому-то рукой.

— Ха! Поглядите-ка, кого я вам привез!

Мишка увидел, как от воды к ним поднимается какой-то пожилой мужчина. Только когда он подошел ближе, стало понятно, что ему еще далеко до сорока лет, с толку сбивала седина, густо вплетенная в бороду и волосы на голове. Был мужчина высок, широкоплеч и, хотя одет просто, подпоясан воинским поясом с мечом. За руку мужчина вел бледного и худенького паренька лет десяти-одиннадцати. Мужчина смахнул с головы шапку и коротко склонил голову.

— Здрав будь, Корней Агеич.

Дед смотрел на мужика так, словно пытался что-то вспомнить и никак не мог.

— Здравствуй и ты... Кхе...

— Не узнаешь меня, дядя Корней?

Мать вдруг ахнула и схватилась руками за лицо.

— Лёша... Лёшенька! Господи, седой весь!

— Здравствуй, Аннушка, а ты еще краше стала!

Мать соскользнула с седла, торопливо шагнула к приезжему, оступилась, чуть не упала, но мужчина подхватил ее сильными, даже с виду, руками.

— Вот и свиделись, Аннушка, я и не думал...

— Лёха! — К деду вернулся дар речи. — Лёха, ядрена Матрена, а говорили: ты убитый! — Дед обнял Алексея. — Я же по тебе заупокойную службу в Турове справил. — Голос у деда дрогнул. — Наврали, значит...

— Если и наврали, то не сильно, дядя Корней. Но заживо отпетые, говорят, сто лет живут.

— Ну и ладно... Кхе... Ну и слава Богу. Как Любаша, как детишки?

Алексей дернулся, как от удара, сильнее прижал к себе мальчишку и сдавленным голосом буквально вытолкнул из себя в несколько приемов фразу:

— Нету никого, дядя Корней... Ни Любаши... ни... Вот, вдвоем мы с Саввушкой остались.

Мать снова ахнула, а дед, растерянно потоптавшись и, видимо не найдясь, что сказать, обернулся к внукам.

— Михайла! Анна, Мария! Подите сюда! Это Алексей... — Отчества дед вспомнить не смог, а может быть, и не знал. — Лучший друг отца вашего... Мать вашу ему сосватал... Как же так? Катерина, дети... А Фролушка мой тоже...

— Знаю, дядя Корней, Никифор мне рассказал. — Алексей уже справился с собой и говорил нормальным голосом.

— Кхе... Да... Сколько ж мы с тобой не виделись? Лет десять?

— Больше, дядя Корней. Ты тогда рассказывал, что внук у тебя родился.

— Да, помню. А ему уже четырнадцать скоро. Господи, Боже мой, все же тогда еще живы были. И Фролушка, и Аграфена Ярославна моя. И ты тогда рассказывал, что женился... — Дед горестно вздохнул, помолчал, потом спохватился: — Лёха, так вот же он, внук-то! Видал каким стал?

Мишка шагнул к приезжему, вежливо поклонился.

— Здрав будь, Алексей... — Мишка вопросительно посмотрел на мужчину.

— Дмитриевич. — Подсказал тот. — Но зови дядей Алексеем, мы с твоим отцом побратимами были.

Алексей, как взрослому, протянул Мишке руку для рукопожатия.

— Здрав будь и ты, Савва. — Мишка потянулся было поздороваться с мальчишкой, но тот испуганно отпрянул и прижался к отцу. Алексей положил ему руку на голову и, чувствовалось, что привычным, успокаивающим голосом сказал.

— Не бойся, Саввушка, тут все друзья, никто тебя не обидит. — Потом поднял взгляд на семейство Лисовинов и пояснил: — не разговаривает он, напугали сильно...

— Господи! — Со слезой в голосе вырвалось у матери. — Да чего ж вы натерпелись-то? Ты — весь седой, Саввушка... — Голос у матери пресекся, вновь повисло неловкое молчание.

— Кхе! Да чего ж мы тут стоим-то? Давайте-ка в дом! Леха, ты с Лавром же знаком? На свадьбе вместе гуляли.

— Знаком, дядя Корней, здравствуй, Лавр!

— Здравствуй. — В отличие от остальных, Лавр так и не спешил, а тон его никак не соответствовал приветствию. Он как-то мрачно окинул взглядом Алексея и присевшую на корточки возле Саввы мать, что ласково говорившую мальчонке.

"Блин, только этого не хватало! Я же ему "отворот от жены" снял, неужели, все-таки, ревнует? Чего же он насчет Спиридона не комплексовал? Или комплексовал, но я не видел? Нет, не может быть, если бы он на Спирьку «наехал» тот бы уже калекой был бы... или покойником. Что-то из прежних времен вспомнилось? Так ведь сколько времени прошло! Не мальчишки уже. Ну и встреча! Один волком смотрит, другие все с похоронными рожами. А не слинять ли нам, сэр? Мы чужие на этом "празднике жизни".

Мишка вскочил в седло, жеребец было снова надумал показать норов, но осаженный с максимальной жесткостью, сразу же угомонился.

— Десятник Петр! Десятник Василий! За мной!

— Слушаюсь, господин старшина! — в два голоса отозвались пацаны и лихо взлетели в седла. Ходок, не знавший о крещении своего бывшего юнга, изумленно уставился на Роську, а Никифор, совершенно по бабьи воскликнул:

— Петя, ты куда?

— Прости, батюшка, служба!

Ребята дали коням шенкеля и рысью поскакали вдоль тына, оставляя за спиной довольный голос деда:

— Кхе! А ты как думал, Никеша? А нас все серьезно!

Новобранцы, вытянутые Дмитрием в одну линию, изображали из себя способ построения, характеризовавшийся во времена мишкиной службы в Советской армии термином "как бык поссал". Позади «строя» прямо на земле громоздилась куча багажа: мешки, какие-то свертки, берестяные короба, даже один сундук — матери постарались, собирая чад в дальнюю дорогу. Одеты новые ученики были кто во что горазд. На ногах — от простецких поршней, до пижонских сафьяновых сапожек, на головах — от шапок, до ничем не отягощенной прически. Шапок, правда, было немного, по большей части волосы удерживались кожаными ремешками, а у одного паренька какой-то неславянской внешности голову перехватывала широкая полоса тонко выделанной кожи с вытесненным, явно ритуальным, рисунком.

"Половец, что ли? Только этого не хватало. Кого же мне Никифор насобирал?"

Увидев подъезжающего в сопровождении ближников, Мишку, парни повели себя тоже по-разному. Кто-то потянул с головы шапку, кто-то надумал кланяться, кто-то просто пялился... Митькина команда: "Смирно!!!" — не возымела на новобранцев ни малейшего действия, только один или двое вздрогнули от неожиданного крика и опасно оглянулись на Дмитрия.

— Господин старшина! Уноты Воинской школы для смотра построены!

Мишка с высоты седла окинул новобранцев взглядом, пытаясь изобразить "орлиный взор отца-командира" и гаркнул:

— Здоровы будьте, уноты!

Ответили вразнобой и не все. Мишка отметил, что промолчали трое — двое одетых побогаче остальных и еще один, повыше остальных ростом.

— Отвечать надо: "Здравия желаем, Господин старшина!" — заорал Дмитрий. А ну-ка, еще раз!

— Здравия желаем, господин старшина!

— Отставить! — Дмитрий был неумолим. — Как куры кудахчете вразнобой! А ну, еще раз!

Дмитрий, как дирижер взмахнул рукой. На этот раз получилось лучше, промолчал только

парень, который был выше других ростом.

— А ты чего молчишь? — Митька многозначительно распустил свернутый в кольца кнут, расстелив часть кнотовища по земле. — Язык проглотил?

— Погоди, Дмитрий. — Мишка соскочил на землю. — Я сам с ним поговорю.

Парень набычившись, смотрел исподлобья. Особо крепким он не выглядел, а выше других ростом оказался, видимо, из-за того, что был чуть постарше остальных. Над Мишкой он возвышался почти на полголовы. Дорога до Ратного была долгой, наверняка он успел "сделать заявку на лидерство" среди остальных пацанов.

"Ну что ж, милейший, с Вас воспитательный процесс и начнем, сами напросились, не обессудьте".

— Значит, не хочешь со мной здороваться? — Мишка уставился парню в глаза. — Может подрататься желаешь?

— М?

Парень явно не относился к числу особо разговорчивых.

"Блин, опять этот дурацкий ритуал: потолкаться, пообзывать...".

— Ты вон какой здоровый, неужели боишься?

Мишка слегка толкнул парня в грудь и едва успел откинуться назад — рослый новобранец ударил без замаха, и его кулак пролетел снизу вверх прямо перед мишкиным лицом. В боксе такой удар будет, кажется, называться «апперкот». Размышлять об этом, впрочем, оказалось некогда, левый кулак противника уже летел старшине Младшей стражи куда-то в область печени. Пацан явно был не новичком в драках, а может, даже и получил несколько уроков от кого-то знающего толк в кулачных боях.

"Ну что ж, тем лучше!".

Мишка блокировал направленный в корпус выпад и, резко разорвав дистанцию, несколько раз уклонился от ударов, заставив противника впустую помахать руками в воздухе, а когда тот ринулся вперед, ушел в сторону и сшиб парня на землю подсечкой. Падать дылду не научили и поэтому он, выставив в падении руки, оказался на четвереньках, тут же получив обидный пинок под зад.

Среди новобранцев послышались смешки, ратники же Младшей стражи сохраняли олимпийское спокойствие, за месяц тренировок каждый из них уже успел накувыркаться подобным образом.

Запас хладнокровия у мишкиного противника оказался мизерным, вскочив на ноги, он попер, как бык, попался на захват и, перелетев через мишкино плечо, крепенько приложился спиной об землю. Судя по тому, как он хекнул и некоторое время лежал, выпучив глаза и разевая рот, дух из него вышибло основательно.

Мишка молча стоял и ждал пока парень продышится, попутно гадая: решится он на продолжение поединка или нет. Парень решил, но должных выводов, надо понимать, не сделал, а потому тут же огреб сначала по носу (не сильно, только чтобы пустить кровь), а

потом "в солнышко", и скорчился, упав на колени, заново пытаясь восстановить дыхание.

Когда противник, наконец, смог выпрямиться, Мишка громко скомандовал:

— Отставить! Достаточно.

Услышан он не был, с налитыми кровью глазами, вымазанной землей и кровью рожей, дылда с утробным рыком снова кинулся вперед. Тут уж Мишка жалеть его не стал и вмазал по плавающим ребрам безо всякой жалости. В качестве награды, он наконец услышал голос новобранца:

— А-а-а! — Парень крутился на земле, держась руками за левый бок. — А-а-а!..

Наконец крик утих, сменившись всхлипываниями, и Мишка назидательным тоном произнес:

— Если сказано: «Отставить» — любое действие должно немедленно прекращаться. Запомните! Иначе будете вот так же валяться и орать! Но вообще-то, он молодец. Три раза был сбит с ног и трижды поднимался. Драться мы вас научим. — Мишка пренебрежительно махнул рукой, словно речь шла о каком-то пустяке. — А вот воинский дух... Он — либо есть, либо нет. У него — Мишка указал на все еще лежащего на земле новобранца — воинский дух есть! Надеюсь, что и у остальных он тоже имеется, иначе учить вас будет бесполезно.

"Вот так-то, сэр, и пусть теперь хоть один из них решится признать, что этого самого духа у него нет. Не дожидетесь! Вот такое я говно" только в конце XX века научились не краснея выговаривать, да и то не все. А ЗДЕСЬ, сдохнут, но ничего подобного себе не позволяют!"

— Тебя учить наняли, а не драться! — Подал неожиданно голос один из двух пацанов, одетых богаче других. — Ты нас не кормишь, значит, бить не смеешь! — Подхватил второй.

"Так, еще и правозащитники нарисовались. Ну, насобирал Никифор студиозусов! Пресекать придется сразу, иначе никакого толка из учебы не получится, но бить нельзя. Господа правозащитники, обычно, только и мечтают стать "жертвами произвола", дабы вопиять общественному мнению. ЗДЕСЬ это, может, и не так, но рисковать не будем".

— Объясняю для дураков! Это вас — Мишка потыкал указательным пальцем в сторону новобранцев — можно нанять за плату. Можно так же нанять смердов, ремесленников или воинов. А боярин кормится с вотчины, а служит за честь...

— Врешь! Плату за учение взял... — начал было один из скандалистов, но был прерван громким, как пистолетный выстрел, щелчком кнута. Дмитрий виртуозно сшиб кнутом с его головы шапку.

— Не смей перебивать старшину! — Митька снова щелкнул кнутом и оставил без головного убора второго «диссидента». Оба испугано присели и заткнулись, а Мишка продолжил:

— Да, плату с вас действительно взяли, но пойдет она на ваш же прокорм и на нужды Воинской школы, в которой вы же учиться и будете. Еще вопросы есть?

— Боярин! А в чем... — Подал голос парень неславянской наружности, но был прерван недремлющим Дмитрием:

— Надо говорить: "Господин старшина, дозволю обратиться" — и называть свое имя!

— Ага... Господин старшина, дозволю обратиться... Я — Мефодий.

— Не "я Мефодий", а "унота Мефодий" [9] . — Продолжил разъяснительную работу Дмитрий. — Повторить!

— Господин старшина, дозволю обратиться! Унота Мефодий.

— Обращайся, Мефодий. — Мишка поощрительно кивнул парню. — Что хочешь спросить?

— А в чем же честь для тебя, чтобы нас учить?

"Ни хрена себе вопросик! А и правда, в чем? Блин, что ж ответить? И ошибиться ведь нельзя. Почему он интересуется вопросами чести? Может быть он не из купеческого рода, а какой-нибудь третий сын пятнадцатой жены кого-то из половецких ханов?"

— Ты сам-то из каких будешь, Мефодий?

— Я - торк. Мой дед старейшина рода.

"Торк, торк... Так, торки, берендеи, черные клобуки... Союзные славянам тюркские племена, "осаженные на землю" киевскими князьями... Блин, больше ничего не помню! Судя по имени, христианин. Про деда упомянул с явной гордостью. Похоже, представитель племенной элиты, отправленный на учебу в метрополию".

— Что ж, Мефодий, если ты благородной крови, то должен понять меня правильно. Мы обучим вас охранять купеческие караваны. Значит, будет острастка татам, станет спокойнее на дорогах, начнет расти торговля. Это — польза твоей земле, польза твоему народу. В том и честь: не о личной выгоде печешься, а о пользе для всей земли. Тот, кто только о своей мощи заботится, понять этого не может, но тебе, я надеюсь, понятно?

— Благодарствую, боярин, поня...

— Все равно бить не смеешь, мы не холопы! — Опять завопил один из правозащитников.

Мишка жестом остановил уже занесшего кнут Дмитрия и громко спросил:

— Кто еще думает, что лучше меня знает, как вас надо учить? Поднимите руки.

Две руки — «диссиденты», еще ода рука на правом фланге строя пошла было вверх, но на полдороге остановилась и, утерев нос, опустилась.

— Старший десятник Дмитрий! Этих двоих — Мишка указал на правозащитников — гнать!

— Слушаюсь, господин старшина! Филипп, Фаддей! Гнать этих!

Названные Дмитрием ратники Младшей стражи тронули коней и пустили их шагом прямо на строй новобранцев. «Диссиденты» отшатнулись назад, остальные раздались в стороны.

— Не можешь нас гнать, тебе заплачено! — Вякнул один из «диссидентов», но получилось как-то неубедительно.

Впрочем, когда на тебя напирают конской грудью, да того и гляди оттопчут ноги копытами,

особо не подискутируешь. Мишка было собрался объяснить купецкому сынку, куда тот может засунуть свою плату, но решил, что опускаться до перепалки ему невместно. К тому же второй «диссидент» вдруг истошно завопил:

— Матушка боярыня, заступись! Матушка боярыня, замолви слово, ни за что пропадаем!

Мишка с недоумением оглянулся, и понял, что его собственная мать и есть та самая матушка боярыня, к заступничеству которой взывал «диссидент». Анна Павловна медленно подъехала к строю новобранцев и даже бровью не повела на вопли "ни за что пропадающего", а свежее испеченные унты вылупились на мишкиных сестер, как на жар-птиц, случайно залетевших на берег Пивени из райских кущ.

— Ты еще долго, Мишаня? Все уже домой пошли.

— Уже заканчиваем, матушка.

— Это и есть твои новые ученики? — Взгляд матери оббежал строй новобранцев и задержался на "первой жертве воспитательного процесса", уже поднявшейся с земли, но все еще красноречиво скособоченной. — Тебя как звать, отрок?

— Николай... боярыня...

— Больно тебе? Обидно? — Мать сочувственно покачала головой. — Не кручинься, воинское учение трудно, но превращает мальчиков в мужей! Ты справишься. Я вижу.

Неожиданно Анька-младшая заставила свою лошадь сделать несколько шагов и, нагнувшись с седла, протянула Николе беленький платочек, который, по мишкиной инструкции, носила в левом рукаве.

— Возьми, Николай, утрись.

— Б... благодарствую... боярышня. — Никола зажал платочек в кулаке, даже и не думая использовать его по назначению, и воззрился на Аньку, как на икону.

"Ну дает сеструха! Дура-дура, а... Нет, наверно, мать подсказала, сама бы не догадалась. Но как снайперски попала! Никола теперь на нее молиться готов, да и на мать тоже... И все остальные... О, женщины, коварство ваше имя! Несколько слов, платочек, и полтора десятка охламонов стоят на задних лапках и виляют хвостиками. Шарман!"

Мишка, чтобы сразу не сбивать пацанам романтически-восторженное настроение, нарочито неторопливо поправил сбрую и взобрался в седло. Потом оглядел строй унот и отечески-ворчливым тоном сказал:

— Рты закройте, мухи залетят! Это матушка моя — боярыня Анна Павловна, а это мои сестры: боярышня Анна и боярышня Мария. — Унты дружно отмахнули дамам земной поклон. — Если от воинского учения совсем немоготу станет, приходите к ним поплакаться, они вас пожалеют... Может быть. Десятник Петр! Принять командование над унотами!

— Слушаюсь господин старшина!

— Вот десятник Петр. — Продолжил Мишка наставительным тоном. — Он теперь ваш командир, все приказы его выполнять беспрекословно, со всеми делами и вопросами обращаться тоже к нему. Командуй Петр.

Мишка жестом подозвал к себе Дмитрия и Роську и негромко, чтобы слышно было только им, приказал:

— Мить, тех двоих — Мишка кивнул в сторону «диссидентов» — в село не пускать. Поставь у ворот заставу. Роська, договорись с Ходоком, чтобы на ладьи их тоже не пускали. Переночуют под открытым небом, может, в разум придут.

— А если спрашивать станут, что им теперь делать? — Поинтересовался Митька.

— Дорога у них только одна — пешочком до Нинеиной веши. Но лучше будет, если они сами догадаются. Да, чуть не забыл! Мить, вызывай всех ребят в Ратное, на базе оставь только один десяток Первака, чтобы порядок поддерживали и за новичками присматривали. А остальные чтобы завтра до полудня здесь были! Всё, поехали, пускай Петька тут дальше разбирается.

9

Унота — в данном случае воспитанник, ученик, некий сухопутный аналог юнги.

Мишка догнал мать и поехал с ней стремя в стремя. Вслед отъезжающим практически одновременно раздалось два голоса. Сначала Петькин:

— Напра-во! Отставить! Деревянные, где правая рука не знает? Напра-во!

Потом голос одного из «диссидентов»:

— Матушка боярыня не оставляй, не дай пропасть, заступись!!!

— За что ты их? — Мать качнула головой в сторону продолжающего блажить купеческого сынка. — Жалостно-то как причитает.

— Пускай причитает. Они решили, что если за учебу заплачено, так с нами можно, как с нанятыми работниками обращаться. Пускай охладятся на бережке, к утру глядишь и поймут, как купчишкам с боярами разговаривать положено.

Мишка сначала ляпнул, а потом только вспомнил, что мать — тоже купеческая дочь.

— И давно ль боярином себя чувствуешь, сынок? Носом за небо не цепляешься еще? Ты уж прости нас худородных, если обидели чем...

— Да не обо мне речь, мама! — Мишка готов был провалиться со стыда, но нужно было как-то разруливать ситуацию. — Они не должны в нас нанятых слуг видеть! Понимаю я, что дядька Никифор все Ратное может купить и с пустым кошельком не останется, знаю, что есть купцы и умнее и богаче бояр... Но надо же было как-то с этих оболтусов столичный гонор сбить! Способ только один — показать, что отношения между сословиями и у нас такие же, как в Турове: боярин есть боярин, купец есть купец, а купеческий сын только на отцовом подворье на работников может покрикивать, и больше нигде...

— Ишь как разговорился — мать улыбнулась — уймись, все ты верно сделал, но запомни: станешь перед ратнинцами нос задирать, с тебя самого гонор так собьют, что вмиг про боярство забудешь. И так на тебя уже мужики косо смотрят... Ладно, говорили уже об этом.

— Мам, а чего дядька Лавр такой мрачный сегодня! — Поспешил Мишка сменить тему. — И тетка Татьяна на берег не пришла.

— Дела семейные, тебе-то что?

— Ну... Я, как бы, в ответе за них... После того... — Под материным внимательным взглядом Мишка почувствовал, что опять ляпнул что-то не то. — Хочется же, чтобы у них все хорошо было...

— Всё у них и хорошо — в противоречие собственным словам, мать как-то невесело вздохнула — размолвки у всех бывают, только всяким нахальным пацанам совать в них свой нос вовсе не надобно.

"Э-э, погодите-ка, сэр Майкл! Что-то леди Анна крутит. Когда вы намекали на ее отношения со Спиридоном, она к этому гораздо мягче отнеслась, даже с юмором. А тут сразу: "Не суй нос!". Мать, Лавр, Татьяна — классический любовный треугольник. И обе женщины не смогли родить Лавру ребенка, правда, по разным причинам — мать с саней на полном ходу упала, а Татьяне волхв подгадил. Потом влез я со своим «колдовством», потом появился Спиридон. Теперь вот, еще и «Лешенька» с похоронными настроениями и пристукнутым пацаном в придачу. Как мать ахнула, когда его узнала! Близкий друг юности, побитый жизнью... Женское сердце не отозваться не может. А Лавру что с того? У него же с женой вроде бы все наладилось? Черт ногу сломит... А! И правда — не мое дело!"

— Мама, Анька сама придумала платок Николаю дать, или ты подсказала?

— Ну, Мишаня, ты сегодня видать весь ум на воинские дела истратил! Или — мать хитро улыбнулась — с Юлькой на лавочке лишку пересидел?

"Блин! Уже доложили! Деревня, туды ее..."

— А причем здесь Юлька-то?

— А при том! Сестры твои нигде дальше Княжьего погоста не бывали никогда, а здесь парни из Стольного града. Аж изъерзались обе в седлах: "Поедем, мама, посмотрим, поедем, посмотрим" — эка невидаль! Такие же сопляки, как и везде.

— Но ведь хорошо же все получилось, мама! Пацаны на вас теперь молиться готовы...

— Ничего хорошего! Боярышни себя блюсти должны! В Турове вокруг них и не такие парни крутятся будут, и что ж, к каждому вот так — нараспашку? Думаешь, она Николу пожалела? Да ни чуточки! Ей надо было чтоб все только на нее смотрели! Если она себя и в Турове так вести себя будет... И ты решил, что эту дурь я ей присоветовала сотворить?

— Но ты же сама...

— Да! Тебе помогала! Николая приласкала, на тех двоих и не посмотрела — сразу видно, что и женщины в Ратном воинский порядок понимают. И того, что я сделала, было достаточно, а Анька... Ну я ей еще покажу, как себя вести надо! И ты тоже хорош, сынок! Простых вещей не понимаешь, а во взрослые дела нос суешь!

Похоже было, что вовсе и неявная попытка Мишки разобраться в хитросплетениях взаимоотношений женщин и мужчин в семье Лисовинов и около нее, зацепила мать всерьез. Скорее всего она и сама еще не разобралась с собственными эмоциями, взбаламученными

приездом Алексея, и сработала перенятая у деда за многие годы семейной жизни, привычка. У сотника Корнея тоже смущение или неуверенность очень быстро переходили в злость, то ли на себя, то ли на окружающих, не поймешь.

— Минь, я отлучусь на ладью? — Тихо спросил подъехавший сзади Роська. — Ходок приглашал.

— Давай, Рось. Не забудь передать насчет тех двоих, чтобы на ладьи не пускали.

— Ага, передам. Я заночую там. Можно?

— Конечно можно. — Мишка вспомнил, что расстался с Ходоком, в общем-то, не по-людски и добавил: — Ходока к нам в Воинскую школу пригласи, пусть посмотрит, чем и как ты занимаешься.

Роська отъехал к ладьям, а Мишка, проезжая в Речные ворота, оглянулся на оставшихся на берегу «диссидентов». Те потеряно стояли возле небольшой кучки багажа, посреди которой гордо возвышался сундук, привлекая мишкино внимание с самого начала.

"Ох и тошно им сейчас. Одни, в чужом краю, всеми брошенные, никому не нужные. Обратного на ладью не пустят, в село — тоже. Утречком их хоть в суп клади. Да еще сундук этот до Базы на себе тащить... Жестоко, но действительно — после всего этого им Воинская школа Землей обетованной покажется".

* * *

Праздничное застолье явно не удалось. Лавр с самого начала принялся целенаправленно напиваться, поглощая вперемежку мед и вино, практически без закуски. В общем разговоре он участия не принимал и по мере опьянения мрачнел все больше и больше.

Алексей тоже молчал, но в отличие от Лавра почти ничего не ел и не пил, обнимая одной рукой прижимающегося к нему Савву, которого пришлось пустить за мужской стол, потому что тот никак не желал хоть на шаг отлучиться от отца.

Дед вяло поинтересовался у Никифора подробностями пути от Турова до Ратного, а потом только заполнял тоскливые паузы то своим неизменным "Кхе!", то предложениями налить еще по одной.

Никифор попробовал развлечь присутствующих столичными новостями, но и они были совсем невеселыми.

Князь Вячеслав уехал из Турова к отцу, лежащему, по словам Никифора, на смертном одре в Выдубицком монастыре. Мономах, чувствуя приближение смерти созвал к себе всех сыновей и взрослых внуков. Приехали даже Юрий из Залесья и Всеволод из Новгорода. Русь замерла в ожидании крутых перемен, могущих последовать за смертью Великого князя Киевского Владимира Всеволодовича Мономаха.

Мишка первым заметил, что у Саввы слипаются глаза, и предложил отвести его в свою горницу, но не тут-то было. Пацан вцепился обеими руками в рукав отцовской рубахи и, не издавая ни звука, с ужасом обводил глазами собравшихся вокруг него незнакомых людей. Наконец было решено уложить его спать здесь же на лавке. Дед кликнул Листвяну и велел той принести для пацана постель, но вместо Листвяны с одеялом, подушкой и прочими постельными принадлежностями в горницу явилась мать.

Что-то ласково приговаривая негромким голосом, она отлепила парнишку от отца, усадила на приготовленную для него широкую лавку, разула и уложила. Савва почти сразу уснул, держа ее за руку, и мать еще немного посидела рядом с ним, пока висящую в горнице тишину не нарушили звуки громкого глотания — уже успевший набраться Лавр, пользуясь тем, что на него никто не смотрит, дул вино прямо из кувшина.

Дед, уже открывший было рот, чтобы рывкнуть на сына, испуганно оглянулся на спящего ребенка, а мать, высвободив руку из детских пальцев без разрешения под села за стол к мужчинам и тихо спросила:

— Что же с тобой приключилось-то, Лешенька?

И всё. Рухнуло висящее в воздухе напряжение, всем стало понятно, что именно этот вопрос и надо было задать, но никто из мужчин не решался этого сделать. Все взгляды обратились на Алексея, и только Лавр, громко рыгнув, оперся спиной на стену и блаженно закрыл глаза.

Алексей немного помолчал, взялся было за чарку с медом, потом отставил ее в сторону и неожиданно выдал:

— Я ведь тогда сам к тебе посвататься хотел, Аннушка, только Фрол опередил.

Никто не спросил «когда», всё было и так понятно, а мать коротко кивнула головой, будто знала о намерениях Алексея с самого начала.

— Ну а потом, — продолжил Алексей после паузы — как-то пусто без тебя стало в Турове, а тут слух прошел, что в Переяславском княжестве добровольцев собирают — на половцев идти. Ну я и подался к Мономаху Переяславль.

Сходили тогда удачно: несколько раз переведались с половцами в степи и всякий раз верх брали, потом разорили городок половецкий на Дону и несколько кочевий, добычу богатую взяли, хотели уж назад возвращаться — дело к осени шло. И тут меня половецкая стрела достала. Рана, вроде бы, и не смертельная, но загноилась, горячка прикинулась, в общем, привезли меня в Путивль без памяти, в жару.

Так бы, наверно, и помер, да случилась там молодница одна — племянница боярина Арсения Вара. Как с дитем малым со мной нянчилась, сама извелась, но выходила. На ноги поднялся уже зимой. Доля в добыче моя сохранилась, доспех, кони тоже...

Алексей прервался, поморщился, поняв, что говорит не о том, глянул на Мишину мать и заговорил снова:

— Кинулся я боярину Арсению в ноги, попросил Любашу за меня отдать. Так, мол, и так, она мне жизнь спасла, а жизнь эта мне теперь без Любаши не мила. Боярин поначалу покипятился, недаром Варом [10] прозвали, прогнал меня, но Любаша как-то его уломала. Благословил он нас, родителей-то Любаши уже давно на свете не было. Дал в приданое деревеньку малую и на службу к себе позвал.

А служба у боярина Арсения была необычная — от ледохода до ледостава его дружина днепровские пороги охраняла. В том месте, где купцы свои лады по берегу мимо порогов перетаскивают. Тяжело, конечно, опасно, но и доходно. Купцы за охрану щедро платили, на половцах добычу брали, да и зимой, бывало в степь наведывались.

Хотя бывало, конечно, что и нам доставалось, но меня Бог миловал — ранения были, но не

тяжелые. Так больше десяти лет и прослужил: сначала простым ратником, потом десятником, потом полусотником. Доводилось и сотню и две водить, когда с нами берендеи ходили... Боярин Арсений начал поговаривать, что вместо себя меня оставить собирается, когда на покой уйдет.

Алексей снова помолчал.

— И дома все хорошо было. Деревенька росла, вторую поставил, детишек четверо народилось: два сына погодки, потом дочка Светлана, последним — Саввушка.

Алексей снова сделал паузу и, словно показывая, что первая часть его повествования закончилась, все-таки выпил мед из своей чарки. Дед тут же налил ему снова, и материн старинный знакомый тут же выпили и вторую. Дед опять сунулся налить, но Алексей жестом остановил его и снова заговорил.

— Не довелось боярину Арсению на покой уйти, все в одночасье обрушилось. Началось с того, что прижали однажды нас сильно у порогов половцы. Навалились такой толпой, что ни то чтобы купцов защитить, самим не отбиться было. Боярина Арсения тяжело ранили, почти половину людей перебили... Хорошо, что хоть несколько ладей уже на воде были, пришлось все бросить и вместе с купцами вниз по Днепру уплывать. Половцы долго по берегу гнались, стрелы пускали, ни остановиться, ни на берег сойти. Боярин Арсений умер на второй день, потом еще несколько раненых.

Спустились с купцами до самой Тьмутаракани, как назад вернуться? Зима наступает, купцы вверх по Днепру до весны не пойдут. Я, после смерти боярина за старшего остался, деньги были — продали кое-что из оружия, доспех с умерших, можно было и перезимовать. Можно было и на службу князю Тьмутараканскому наняться, звали нас. Но грызло что-то, на сердце было беспокойно, домой тянуло.

А тут еще искуситель попался — грек один начал моих людей на Цареградскую службу зазывать, золотые горы сулил. Пока я раздумывал, он, паскуда, половину моих людей, все-таки уломал, осталось нас меньше сотни. Ну тогда и решились. Прикупили коней, они тогда дешевы были — год плохой выдался, корма на зиму мало запасли. Ходить в степь зимой мы привычны были, так что прорвались. Третью часть народа в степи оставили, не столько от стрел половецких, сколько от погоды — два раза в буран попали. Но прорвались, пришли домой, а там...

10

Вар (древнеславянск.) — Кипяток.

Алексей снова умолк, опрокинул в себя наполненную дедом чарку и задумался о чем-то, вертя посудину в руках. На лавке беспокойно заворочался Савва. Отец подошел нему, поправил одеяло, пригнувшись погладил по голове, что-то пошептал на ухо, ребенок успокоился. Не снимая руки с головы сына, Алексей присел на край лавки и продолжил рассказ.

— Осенью, когда мы в Тьмутаракани обретались, половецкий набег был. Ни дома, ни деревенек, ни усадьбы боярина Арсения — ничего не осталось. И семью свою не нашел. Спросить не у кого — кругом пустыня. Сунулся туда-сюда, никого и ничего.

И тут на меня словно затмение нашло, собрал ватагу таких же, как я, осиротевших мужиков и

пошел в степь половецкой кровью меч поить. Года полтора так мотался. Вернемся на Русь недели на две-три, отдохнем, раны подлечим, добычу пропьем за бесценок и опять в степь. Народ вокруг меня собрался отчаянный, кого только не было: славяне, болгары, берендеи, черные клобуки, угры, ляхи, даже один франк попался — из рабства половецкого сбежал, все мечтал с хозяином своим посчитаться, да никак его кочевье найти не мог.

Что творили, вспомнить страшно — где пройдем, там смерть. А мне все мало было, сколько раз думал: остановиться пора, добром не кончится, но как вспомню Любашу, да детишек... Так бы и сгинул в конце концов или ума лишился бы. Меня даже свои побаиваться начали. Как до рубки дело доходило, зверел, выл по волчьи. В кочевьях резал без разбору всех, кто под руку попадался: баб, детишек, стариков. Бывало до того доходило, что когда люди кончались, скотину рубить принимался. По ночам, рассказывали, кричал страшно, с оружием по стану бегал... Прозвище заслужил — "Рудный воевода".

— Мать честная! — Ахнул дед. — Так это ты был?

— Неужто слыхал, дядя Корней? — Алексей, глядя на деда исподлобья, мрачно ухмыльнулся. — Даже сюда слава дошла?

— Как не слыхать? Только я думал, что враки всё. Болтали, будто Мономах где-то в дебрях велел диких людей с песьими головами наловить, кормил их человечиною и на половцев натравливал. А жоака тех псоглавцев как раз Рудным воеводой и звали.

— Ну, голову мою ты сам видишь — обычная голова, насчет человечины, конечно, враки, а остальное, по большей части, правда. Ну и не натравливал нас никто, сами в бой рвались. Облавы же на нас половцы, действительно, как на волков устраивали. В одной такой облаве тот франк и погиб, так и не нашел своего бывшего хозяина. Народу же у нас не убавлялось, приходило больше, чем гибло в схватках. Из начальной моей ватаги, почитай, никого и не осталось, один я, как заговоренный был.

Рано или поздно конечно... Но Господь не попустил. Передали мне как-то, что человек меня какой-то спрашивал, из купцов. Нашел я его, а он и поведал, что двое моих детей со старым слугой боярина Арсения в Путивле живут. Я все бросил и в Путивль. Правда оказалось. Светлану и Саввушку боярский конюх Давыд Узда успел от половцев спасти. По гроб жизни ему благодарен буду и свечки за него в церкви ставить.

Зажили вчетвером. Добыча-то у меня в руках хоть и не держалась, но нашлось, на что хороший дом в Путивле купить, да хозяйство обустроить. И на прежнюю службу взяли — купцов у порогов охранять — сразу сотником. Новый воевода боярин Терентий Аввакумович, как узнал, кто я такой, обрадовался. Если, говорит, половцы узнают, что пороги сам Рудный воевода бережет, за сорок верст стороной обходить станут.

Еще почти три года я там прослужил. Вроде бы все хорошо складываться опять начало. Боярин Терентий ко мне благоволил, разрешил принять в сотню удалцов из моей ватаги, детишки подрастали, Светлана уже в возраст входить начала. Думал через несколько лет уже внуками обзаведусь.

Одно только беспокоило — все меньше и меньше мне боярин Терентий нравиться стал. Чувствовал я, что крутит он что-то. То с купцами как-то больно таинственно шепчется, то не ко времени мою сотню от берега в дальний дозор отсылает. Бывало, что и купцов иноземных без досмотра пропускал. Дело, конечно, боярское, не мне встречать, но один раз все же пришлось.

Провели мы как-то караван купеческий мимо порогов, спустили их ладьи на воду, взяли плату,

распрощались. Все, как обычно. А через день смотрим, поднимаются против течения две нурманские ладьи. Вроде бы и купеческие, но у нурманов, ведь, не поймешь — сегодня он торгует, а завтра тот же город, где торговал, на щит берет. И видно, что ладьи эти совсем недавно в бою побывали. На бортах следы от стрел, щиты порубленные, на самих ладьях раненые, и видно, что ранены не более суток назад.

Стали они разгружаться, чтобы ладьи на берег вытащить, а мы смотрим: товар-то тот самый, с которым позавчера наши купцы вниз ушли. Выходит, нурманы наших мужиков пограбили. А боярин Терентий о чем-то с их конунгом переговорил и велит пропускать. Ну тут я не выдержал, говорю ему: "Как пропускать? Тати же!". А он в ответ: "Нет, это они добычу на половцах взяли".

Я спорить не стал, а мигнул своим ребятам, и, как только нурманы свои ладьи на берег вытащили, взяли их в клинки. Тут все и открылось — нашли мы на ладьях двоих наших купцов связанных, видать нурманы собирались за них выкуп взять. Тогда-то во мне Рудный воевода снова и шевельнулся. Всех нурманов, кто еще жив был, под нож пустили.

А Терентий, вроде, как так и надо. "Молодец!", говорит. "Промашку мою исправил, за это твоей сотне двойная доля в добыче!". И улыбается так ласково, прямо отец родной. Но я после этого своим ребятам наказал присматриваться, да прислушиваться.

И дознались мои мужики, что в то время, как мою сотню Терентий в дозор отправляет, проскакивает через нашу заставу вниз по течению одна ладья. Но до устья Днепра, по всему видать, не доходит — больно быстро возвращается. И возят в той ладье оружие хорошей выделки, которое степнякам Великий князь Киевский продавать запретил.

Но, не пойман — не вор. И надо бы князю донести, да доказательств нет. Как-то Терентий заранее узнавал, что ладья с запретным товаром придет, и отсылал меня с моими людьми в дальний дозор. Пробовали мы неожиданно возвращаться, да видать время неверно выбирали, не находили ничего.

"Таможня, блин. Контрабанда оружия... Коррупция. Ничего за девять веков не изменилось. Терентий-то, наверняка, простой исполнитель, а боссы его, конечно же в Киеве сидят. Только наивно все как-то, в XX веке, хитрей бы сработали".

Однажды вернулись мы из дозора, — продолжал Алексей — а через заставу как раз несколько ладей прошло. Смотрю я, а Терентий опять с одним из купцов какие-то таинства разводит. Пошептались, пошептались, а потом подходит ко мне и обратно в степь велит ехать, рано, мол, из дозора вернулись.

Ну, тут и дурак не догадался бы, что дело нечисто. Для виду отъехали подальше, чтобы нас не видно было, а потом вернулись. Подкрались, смотрим, а Терентий и всех остальных княжских воинов к нижнему краю порогов отправляет, оставил только свою собственную дружину, человек с полсотни. Ну, ждем дальше... Почти к ночи уже, глядим — телепается какая-то ладья, осела глубоко, чуть не тонет, видать на корягу или что-то еще напоролась, и течь открылась.

Подтащили ее к берегу, чтобы разгрузить, мы глядим, а вместо тюков да бочек в ладье детишки, да девки молодые. На продажу, значит, везут. Терентьевская дружина их окружила, что б не сбежал никто, а куда бежать-то? Мокрые все трясутся, в ладье-то кто по грудь, а кто и по горло в воде стояли.

Как увидел я это, вспомнил мальчиков своих, да Любашу... — Алексей снова умолк, погладил Савву по голове, вздохнул и продолжил изменившимся голосом: — В общем, изрубили мы в куски всех: и боярина Терентия, и людей его, и двух купцов с той ладьи, и лодейщиков — всех, никто не ушел. Детишек накормили обогрели, через пару дней с попутным караваном в Переяславль отправили, а сами службу нести остались, да воли княжеской ждать. Была, конечно, опаска, что Великий князь за боярина своего спросит, но правду за собой чувствовали.

"Это ты, Алексей Дмитриевич, напрасно погорячился, купцов и Терентия надо было живыми брать. Такое серьезное дело, как незаконный вывоз оружия и живого товара они не сами организовали, кто-то посерьезнее над ними стоял, и, наверняка, имелось прикрытие в Кремле, пардон, в Киеве. А ты своим мечом сам все концы и обрубил".

— Дождались мы нового боярина. — Продолжал Алексей. — Передал тот нам похвальные слова, правда, не от Великого князя, а от Ярополка Владимировича — старшего сына Мономаха, который в Переяславле княжил, и сам новый боярин, почему-то, не киевским оказался, а Переяславским. Так что, думаю, весть об этом деле до князя Мономаха могла и вообще не дойти.

"Ну да, региональная элита урвала себе долю в контрабандном трафике, да еще и таможенно под себя нагнула. Богата традициями Русская земля и не утрачиваются они со временем, хоть тысяча лет пройди, хоть больше. Сталина на вас, сволочей, нет, как сказал бы один мой знакомый... Да и не один, если честно. Только вот тебя, уважаемый, по законам жанра убрать должны были — такие свидетели, да честные таможенники, которым за Державу обидно, долго не живут".

Дальнейший рассказ Алексея полностью подтвердил мишкины мысли:

— Осенью вернулись по домам, вроде бы, всё хорошо было, но стали с моими людьми странные вещи происходить: то кого-то в драке убьют, то кто-то пьяный под забором насмерть замерзнет, то на рыбалке под лед провалятся, да утонут. Четверо на охоту поехали — пропали, так никого и не нашли. Бывало, конечно и раньше такое, но не также — один за другим, и почитай всю зиму.

Умные люди объяснили, что тем делом с рабской ладьей я кому-то сильному крепко на мозоль наступил, посоветовали мне из Путивля уезжать. Давыд Узда тоже что-то беспокоиться начал, рассказал, что людишки подозрительные возле моего дома крутятся. Не послушал я умных людей, решил к князю Ярополку пойти — я же княжий человек, должен же князь меня защитить!

"Вот, вот! Я в середине 90-х тоже такие слова от одного государева человека в больших погонах слышал. Ни хрена его никто не защитил, сожрали дерьмократы, еще и помоями напоследок полили".

Собрался, — продолжал Алексей — и поехал в Переяславль. До темноты просидел в детинце в дружинной избе, к князю Ярополку Владимировичу так и не допустили. На следующий день тоже самое. И на следующий тоже. Это сотника-то! Обидно стало, оседлал коня и домой отправился. До Путивля уже после заката добрался, еду и думаю: пустят в город или не пустят? Хоть бы знакомые на воротах службу несли... Темнота — хоть глаз коли. И тут меня как будто толкнул кто — вспомнил я, Корней Агеич одно поучение твое, насчет того, что ночью в опасном месте меч в ножнах держать нельзя. Вытащил я его и клинком на плечо положил, как ты и учил.

Это и выручило, спаси тебя Христос, Корней Агеич, за науку. Кинулись на меня в темноте сразу несколько человек, и первым делом, чувствую, в ножны пустые вцепился кто-то. Я коня вперед посылаю, а он не идет — под уздцы держат. Рубанул я влево, тать лег, не охнул, а меня в это время в правый бок ткнули, но уберег Господь, попали в бляху на воинском поясе. Рубанул направо, тоже попал, слышу, упало тело, но сзади еще кто-то подбегает. Махнул мечом перед конской мордой, чувствую, опять попал, а тать как взвояет диким голосом! Конь с перепугу шархнул и понес, еле сдержал его, а то угробились бы в темноте. А сзади, слышу, топот, голоса, раненый орет...

Вернулся я домой, Давыд вышел на двор посветить мне, глядим, а на удилах отрубленная рука висит — пальцами в кольце застряла. На следующее утро поехал я на то место глянуть, а там уже толпа стоит. Два покойника на снегу валяются: у одного плечо до самой груди прорублено, а второму по голове досталось. И след кровавый в сторону уходит. Кто-то уже сбегал, посмотрел, рассказывает, что лежит недалеко мужик с отрубленной рукой и проломленной головой. Это, значит, они своего раненого добились.

Тут я и понял, что надо уходить. Если они своих не жалеют, то что уж обо мне говорить? И на князя надеяться нельзя — неспроста сотника три дня продержали, а к князю не допустили. Теперь понимаю, что надо было в тот же день уезжать, но дом, хозяйство, дети... Да и людей своих бросить... Короче, провозился я. А на вторую, после нападения ночь, дом мой загорелся, да не просто, а с сеней. В дверь не выскочишь, окошки маленькие — ребенку не пролезть, как выбираться? Разворошил я крышу в дальнем от огня углу, посадил Светлану, выскочила она наружу, а там трое мужиков... На ножи мою девочку приняли.

Голос Алексея дрогнул, мать громко всхлинула, Никифор, видимо уже знавший эту историю, тяжело вздохнул, а дед, попадая струей мимо чарок, снова принялся наливать всем мед. Один только упившийся Лавр, ни на что не реагируя, сладко посапывал, пустив на бороду слюну.

Алексей выпил чарку, помолчал, склонив голову, но справился с собой и заговорил снова:

— Оружия со мной никакого не было, но... Вот тут-то во мне по-настоящему Рудный [11] воевода и проснулся. Как наружу вымахнул не помню, как мужиков тех голыми руками рвал — тоже. Очнулся — дом уже костром пылает, под стеной Саввушка без памяти лежит, а Давыда нет. Успел сыночка моего наружу вытолкнуть, а сам уже не выбрался, потом косточки его на пожарище собрали.

Похоронил я Светлану с Давыдом, ребята меня в дорогу собрали, и подался я из Путивля. А дружине своей наказал тоже ни в городе, ни вообще в Переяславском княжестве не задерживаться.

Куда податься? Один, как перст, ни кола, ни двора, Саввушка в уме повредился — не разговаривает, боится всего... Вспомнил я тебя, Аннушка тебя, да брата твоего, — Алексей качнул головой в сторону Никифора — и поворотил к Турову.

В Турове мы с тобой, дядя Корней, всего дней на десять и разминулись, хотел я за вами вслед ехать, да Никифор уговорил Саввушку пожалеть, передохнуть после дальнего пути. Потом распутица началась, а потом Никифор ладьи снаряжать начал, с ними-то мы к вам и добрались. Примешь ли сирот, Корней Агеич?

Мать опять громко всхлинула и утерла слезы, дед уже было открыл рот для ответа, но тут Лавр, громко всхрапнув, отчетливо произнес:

— Пошла в жопу, дура!

— Ну! Так тебя растак! — Дед размахнулся кувшином с остатками меда и перегнувшись через стол, треснул им Лавра по лбу. — Пьянь ненадобная, ядрена Матрена!..

Кувшин разлетелся вдребезги. Лавр, заливая кровью из рассеченного лба лицо и рубаху, начал сползать с лавки, дед, в сердцах запустил в оглушенного сына оставшуюся в руке глиняную ручку, попытался встать, но подскользнулся в разлитом меду и с руганью обрушился мимо лавки на пол. Мать с Алексеем одновременно кинулись к разбуженному шумом Савве, а Никифор, с чувством выругавшись, ухватил Лавра за шиворот и потащил его вон из горницы. Мишка подумал-подумал и принялся помогать Никифору.

"Повеселились, блин! И чего Лаврик так набрался-то? Однако, позвольте Вам заметить, сэр Майкл, лорд Корней на руку скор. Так ведь и убить можно! Во, завтра у дядюшки головка бо-бо будет!"

11

Руда (древнеславянск.) — кровь.